

Александра Рябова

Ловец
Ласточек

Annotation

Странники приходят и уходят.

Подобно богам, они приносят чудеса в этот мир, только чтобы вскоре покинуть его, продолжая свой никому не ведомый путь. По крайней мере, так говорят.

Чтобы стать странником, нужно загадать желание. Однако, оказавшись в этом наполненном магией мире, Марта не помнила ни своего желания, ни даже собственного имени. Какая судьба занесла её сюда? Кто такие странники на самом деле? И сколько ещё секретов хранит этот мир?

В небе над берегом ласточки кружатся,
Дивными песнями манят, зовут меня.
Только бы вслушаться, только бы вслушаться,
Чьи голоса те далёкие, смутные?

Снова и снова руками бессильными
Тщетно ловлю тебя — ты рассыпаешься
Сизыми крыльями, сизыми крыльями
Снова и снова, как дым, растворяешься.

Дикими песнями, птичьими криками
Полнится воздух, и мы уничтожены,
Белою пеной и бледными бликами
В волнах теряемся — кто же мы? кто же мы?

В стылой воде я тону, словно в олове,
Дальше и дальше от кругобережия.
Мечутся ласточки, кружат мне голову,
Кружат и путают — где же я? где же я?

Берег высокий ветрами источится;
Боль притупится, но горечь останется.
Что с нами было, и чем это кончится?
Ласточка, ласточка, чья ты посланница?

Тают, стираются воспоминания,
Не сохраняя ни лика, ни имени.
Ветер ласкает, как чьё-то дыхание,
Шепчет, баюкает: жди меня, жди меня.

Жди, когда берег высокий обрушится,
Память о нас обратив небылицами.
Жди, я вернусь, и мой призрак закружится
В небе над волнами сизыми птицами.

Никогда прежде я не задумывалась о том, каким жестоким может быть время.

Ночь шагнула в сторону, и небо едва начало светлеть. Но стоило мне прикрыть глаза — и солнце уже заглянуло в комнату через потолочное окошко. Пыльный воздух выбелило. Не осталось больше тёплого полумрака, которым я хотела насладиться. Лицо горело под жарким лучом — стена холодила затылок и спину. Я смотрела вверх, на небо, пока в уголках глаз не собрались слёзы. Только так можно противостоять времени. Под пристальным взглядом оно замирает, дразнит, притворяясь пойманным. Но достаточно лишь на мгновение потерять его из виду, и оно прыгнет так далеко вперёд, что не догонишь.

Никогда прежде я не задумывалась о жестокости времени. По крайней мере, я не могла этого вспомнить.

Рука потянулась к потолку. Снова. Почему я сидела под этим ослепляющим светом? В памяти поднялась волна, и моя ладонь превратилась в крошечную детскую ладошку, а холодный пол — в мягкую колыбель. Яркий свет ласково грел кожу. Воспоминание насколько затёртое, что казалось сном.

— Марта?

Сладкое забытье растаяло, точно пар. Я смахнула слёзы и повернула голову: на пороге комнаты стоял обеспокоенный Юлиан. Прошло ещё несколько секунд, прежде чем я поняла, что он обращался ко мне.

— Ничего, что я такое имя выбрал? Решил, тебе пойдёт.

— Ничего. — Я повторила имя про себя, прислушиваясь. Оно звучало знакомо. — Так звали мою кошку.

— Можно выбрать что-нибудь другое, пока не поздно.

— Нет, мне нравится, — ответила я, пытаюсь выдавить из себя радость, но не смогла улыбнуться.

Юлиан облегчённо выдохнул и подал мне руку, предлагая подняться с пола.

— Ну, поедем?

Пять дней назад я очутилась в Тьярне. Молодой мужчина по имени Юлиан нашёл меня без сознания на берегу реки и приютил. Я сочла это большим великодушием с его стороны, ведь он едва сводил концы с концами. И лишь потом поняла, что Юлиан вытянул счастливый билет.

Я оказалась странницей. Той, что пришла из другого мира. Посланницей бога, по мнению верующих. Неважно, чему ты посвятишь свою жизнь, — пока находишься в рамках закона, государство поддержит тебя и обеспечит всем необходимым. Тебе положено пособие, вдвое превышающее среднюю зарплату. Для тебя существует множество льгот и привилегий. Нужно всего-то подтвердить свой статус и пройти регистрацию. Получишь удостоверение — и можешь наслаждаться беззаботной жизнью до конца дней своих. Так мне сказали.

Проснувшись в этом мире, я не помнила, как пришла сюда и почему. Не помнила даже собственного имени. Внимательно рассмотрев своё отражение, я отвернулась от зеркала и сказала:

— Совершенно чужое лицо.

И правда, эти серо-голубые глаза и русые волосы могли принадлежать кому угодно. Болезненная бледность, потухший взгляд. До того жалкий вид, что вызывал отвращение. Меня будто закинуло в чужое тело. Но куда делся настоящий хозяин? Умер или просто устал?

— Рано или поздно ты обязательно всё вспомнишь, — успокаивал Юлиан.

В действительности я многое помнила. Семью, друзей и знакомых, свой дом и родной город. Множество эпизодов из прошлого, которые я время от времени прокручивала в голове. Только все они происходили как будто не со мной. Я не знала, что чувствовала, когда выпускалась из школы или отмечала последний день рождения. Не знала, как относилась к окружающим меня людям, кого любила, кого ненавидела. Тысячи раз они звали меня по имени, но мне почему-то не удавалось его расслышать. Как, помня всю свою жизнь, я могла не знать ничего о самой себе? Или эти воспоминания были не мои?

Вместе с личностью забылись и события последних недель. Чужой мир и его уклад, Королевство Тьярна и его законы — я должна была знать их до прихода сюда. А из-за потери памяти я открывала этот город и этот мир заново.

Это чем-то напоминало возвращение в детство. Когда в моей жизни ещё не появились компьютер и мобильный телефон и из развлечений были только книги и телевизор, когда меня обучали простым истинам мироустройства, пока что мне неизвестным, когда обо мне заботились, не оставляли надолго одну и всюду водили за руку.

За окном автомобиля мелькали невысокие ряды домов: разномастные, с выкрашенными в тёплые цвета стенами, они плотно жались друг к другу и сверкали на солнце медными шпильями. Люди на тротуарах выглядели беззаботными и радостными, как на празднике. По правде, ступая по брусчатке этих улочек и аккуратных скверов, сложно было не поддаться витающей здесь атмосфере бесконечного выходного.

Юлиан вяло крутил руль. В приоткрытое окно задувал ветерок и трепал его короткие кудри. Их причудливый цвет напоминал смешанный с пылью песок. Заметив мой взгляд, Юлиан улыбнулся:

— Волнуешься?

— Нет, — я мотнула головой. — А должна?

Юлиан пожал плечами:

— Меня походы к врачам всегда заставляют нервничать.

Я промолчала. Взгляд бродил по салону. Да, пожалуй, я волновалась. Но это волнение было погребено глубоко под ворохом самых разнообразных чувств, разобраться с которыми у меня тогда не было ни сил, ни желания.

— Не переживай, — мягко сказал Юлиан. — Всё будет хорошо.

Напряжение, жгутом стягивавшее мою голову, чуть ослабло. С Юлианом всегда так. Удивительно, как легко он умел успокоить одной простой фразой, одной лишь интонацией в голосе. Наверное, сказывался опыт работы с детьми.

Он говорил, что с сентября, как начнётся учебный год, ему придётся почти всё время проводить в школе. «А значит до конца августа мы решим все твои проблемы». Страшно представить, что произошло бы со мной за эти пять дней, не будь Юлиана рядом. И какую бы выгоду я для него ни представляла, хотелось верить, что он помогал мне от чистого сердца.

Автомобиль остановился. Мы вышли на жаркое солнце, и меня тут же бросило в пот. Воздух был недвижим. Лишь едва заметно дрожал над асфальтом.

Просторный холл клиники встретил нас прохладой каменных стен. Я глубоко вдохнула. Привычно пахло лекарствами и спиртом, но с потолка не светили синеватые медицинские лампы. Нет, как и во всей Тьярне, здесь правил янтарь, и холл был залит тёплым, точно солнечным, светом. Из-за этого несоответствия то небольшое, что осталось от моего волнения, отступило. Я проследовала за Юлианом в кабинет.

Доктор, полный лысоватый мужчина средних лет, поприветствовал нас широкой улыбкой и был очень добродушен, хотя, возможно, только в моём присутствии.

— Это честь для меня — оказать помощь страннице, — сказал он первым делом.

После недолгого осмотра и множества вопросов доктор удовлетворённо кивнул и расслабил лежащие на столе руки.

— Физически вы совершенно здоровы, — заключил он. — Никаких признаков травмы нет, и неврологических нарушений я у вас не наблюдаю. Из характера вашей амнезии очевидно, что она психогенная, и со временем память должна полностью восстановиться.

— Вы так в этом уверены.

— Странники часто забывают свой переход в наш мир. Насколько я могу судить, это довольно травмирующий опыт. Однако такая амнезия всегда временная.

— Но я ведь забыла не только переход, а ещё и всю подготовку к нему, — запротестовала я. — И разве это нормально, что моя личность полностью стёрлась? Так не бывает.

— Вы, как я погляжу, знаете об амнезиях больше меня? — нахмурился доктор, но быстро смягчился и покачал головой. Я пристыженно опустила глаза. — Вы правы, ваш случай необычен. Однако, уверен, время всё расставит по местам. Проявите терпение. В конце концов, наш мир полон магии. Хоть я и сомневаюсь, что она могла как-то повлиять на ваш мозг, пока что не будем полностью отметать такую возможность.

— Что вы имеете в виду? — Занервничав, я обернулась на Юлиана и заметила, как он напрягся.

— Ах, нет-нет, мне не стоило этого упоминать, — спохватился доктор, и губы его растянулись в извинительной улыбке. — Запомните, что со странниками такого не бывает.

— Но... — я направила на него недоумевающий взгляд, — всё-таки, о чём вы?

Доктор вздохнул.

— Магия, особенно в больших количествах, пагубно влияет на живые организмы. При контакте с живыми тканями она вызывает их минерализацию, в самых разнообразных формах, и часто это приводит к необратимым последствиям и даже смерти. Однако для странников магия безопасна, иначе как бы ваши тела вырабатывали её самостоятельно? Собственно, поэтому, были ли вы в контакте с внешней магией или нет, она никаким образом не могла повредить ваш мозг.

— Это хорошая новость, Марта, — подбодрил Юлиан и опустил ладонь мне на плечо. Её тепло успокаивало.

— Ещё, хочу заметить, ваши суждения о потере личности слишком преувеличены, на мой взгляд, — продолжил доктор. — Подумайте хорошенько, действительно ли вы не помните своих эмоций и чувств? Что насчёт детских воспоминаний?

Я напрягла память, и перед глазами вспыхнул яркий свет, слепящий меня через потолочное окно. Колыбель, маленькая, тянущаяся вверх ладошка. Конечно, я помнила чувства, связанные с этими образами, но затруднялась облечь их в слова. И тут же в памяти всплыли другие эпизоды из детства, живые, больше чем на половину

наполненные эмоциями.

— Да, — сорвалось еле слышно с моих губ, — я помню.

— Вот видите? Спутанность ощущений касается только относительно недавних событий, верно? Учитывая, что вы забыли своё имя, предположу... Думаю, корень проблемы может крыться в тех забытых неделях до вашего перехода. — Доктор встал из-за стола и подошёл ко мне. Его глаза светились добротой. — Вам нужно восстановить душевное равновесие. Побольше гуляйте, выезжайте на природу. Сходите в церковь. Многие странники находят там утешение.

Я тупо смотрела на него, тщетно пытаюсь собрать разбежавшиеся мысли. Юлиан легонько хлопнул меня по спине, подал руку, когда я поднялась со стула, и открыл передо мной дверь кабинета. Мы вышли в коридор, потом в холл и на улицу, но мне всё казалось, что я осталась где-то там, в узком пространстве дверного проёма, не решаясь сделать шаг ни наружу, ни внутрь.

— Как ты, Марта? Тебе полегчало?

Тёплый ветер задувал в окно, и я провела языком по высохшим губам. Мы проехали уже половину пути до дома, но Юлиан нарушил молчание только сейчас. Не хотел меня потревожить?

— Не знаю, — ответила я. — Кажется, я только больше запуталась.

— Об этом ты так напряжённо думала? О своей памяти?

— Вовсе нет.

Юлиан бросил на меня вопросительный взгляд, и я нехотя продолжила:

— Я думала о магии. Странная она у вас. Ни тебе заклинаний, ни зачарованных предметов. Всё здесь пугающе похоже на мой мир. Только вместо нефти — магия. Что она вообще такое?

— Никто не знает. Сколько учёные ни бьются, они не могут понять её природу. Но нам хорошо известно, как она вредит живым существам и какие свойства придаёт минералам, которые питает. Может быть, наши технологии и одинаковые, но простроены совершенно по-разному, если я, конечно, не ошибаюсь. Подозреваю, ваши автомобильные двигатели не имеют кварцево-гематитового ядра.

— Внутри наших двигателей сгорает топливо. А магия ведь не горит?

— Зато горит всё остальное, — усмехнулся Юлиан. — Когда люди ещё не умели добывать магию в таких количествах, как сейчас, они активно пользовались огнём. Но те времена давно прошли.

— А что насчёт странников? Доктор сказал, что для нас магия безопасна, потому что мы сами её производим. Значит, в наших телах та же самая магия? Почему тогда способности странников так сильно отличаются от того, что можно получить с помощью минералов?

— Ещё одна непостижимая загадка, — задумчиво протянул Юлиан.

Странники славились своими чудесами. Изучая краткую историю этого мира, я читала про великих героев прошлого, что в одиночку спасали целые государства. Было даже немного жутко представлять, каково это — держать в своих руках подобную мощь. В исторических текстах часто появлялись имена странников. Но казалось, в реальности о нас вспоминают гораздо реже.

— Если память ко мне не вернётся, я так и не узнаю свою способность? — спросила я, пока Юлиан парковал машину.

— Откуда такие пессимистичные мысли? — с улыбкой удивился он. — Ещё слишком рано отчаиваться.

— Просто хочу быть готовой к худшему. Обидно будет ни разу не воспользоваться своей силой по незнанию.

Юлиан заглушил мотор. Мы хлопнули дверьми и зашагали в сторону дома.

— Слушай, а если я пообщаюсь с другими странниками? Наверняка, это поможет мне что-нибудь вспомнить.

— И правда, это может быть полезно. Всё-таки вы пришли из одного мира.

— Как их найти? Нас ведь невозможно отличить от обычных людей. У странников нет... не знаю, какого-нибудь клуба?

— Про клуб не скажу, но есть агентство, которое предоставляет горожанам услуги странников.

— Услуги?

— Ну, ваши способности.

Я уткнулась взглядом в носки своих туфель.

— Ах, да, не только способности, — спохватился Юлиан. — Вашу устойчивость к магии тоже используют для разного рода работ. Поэтому там ты в любом случае будешь полезна.

Последние слова отозвались во мне странным трепетом.

— Отведёшь меня в это агентство?

— Конечно.

Когда солнце скатилось к горизонту, Юлиан предложил прогуляться.

— Доктор посоветовал. Да и тебе надо проветрить голову.

С момента своего прибытия, все эти пять дней я почти не выходила на улицу. Даже маленькой квартиры Юлиана было много для меня, сбитой с толку творившейся внутри неразберихой. Я думала махнуть на неё рукой: бесполезно сейчас тратить время на то, с чем нельзя справиться быстро, а копаться в собственных ощущениях можно целую вечность. Нечего возиться с ними, когда тебя вдруг забросило неизвестно куда и неизвестно насколько.

Так я себя убеждала. Но чувства нельзя просто выкинуть. И в итоге я лишь впустую потратила силы, ведя эту изнурительную внутреннюю борьбу и совершенно не сдвинувшись с мёртвой точки. Мир продолжал пугать меня неизвестностью, а эмоции бились в грудной клетке, угрожая однажды разбить её и вырваться наружу.

Темнело, и на улицах зажигались янтарные фонари. Они светили так ярко и тепло, что казалось, будто солнце не заходило вовсе и всё ещё бродило по небу, ловко скрываясь от любопытных взглядов.

— Говорят, наполненный магией янтарь впитывает солнечные лучи и ночью испускает их обратно, — нарушил Юлиан наше задумчивое молчание. — Правда это или нет, его свет по-настоящему красив.

— Как же люди спят, если всю ночь так светло?

— В Тьярне не бывает ночи, — засмеялся он. — И люди не спят. Ну, или вешают шторы поплотнее.

Город, в самом деле, не спал, пусть и время было ещё не позднее. Улицы кипели и пенились, бары и рестораны гудели, и над макушками людей растекался весёлый гомон.

— Как ты, Марта? Тебе полегчало?

Я коротко выдохнула и покачала головой:

— Ты это уже спрашивал. И я уже ответила.

— Девичье сердце переменчиво.

В груди мелко задрожало, точно его слова зацепили внутри меня струну. Я ждала, что она вот-вот лопнет, настолько сильно было её натяжение. Но каким-то чудом струна осталась целой. К щекам прилила кровь.

— Улыбка очень идёт тебе, — сказал Юлиан, и только тогда я заметила перемену в своём лице. Струна замерла. Я подняла глаза.

— Мне теперь немного легче.

— Как и мне.

Устав от шума улиц, мы свернули в небольшой парк. Людей там было меньше и фонари горели не так ярко. Было прохладно, пахло водой — в отдалении слышался шорох неспешно текущей реки.

— Что значат эти чёрные флаги? — спросила я, когда мы сели на скамейку.

Юлиан печально посмотрел на полотнища, чернеющее вдоль фонарных столбов.

— Остались после траурной недели. Незадолго до твоего перехода была годовщина трагедии, в которой погибли члены королевской семьи.

— Как это случилось?

— Автокатастрофа. Уже целый год миновал, а что произошло с их машиной, до сих пор не выяснили. Насколько я помню, в тот день король с супругой, сыном и младшей дочерью ехал в летнюю резиденцию. Сама авария была не такой уж страшной. Они могли бы выжить, если бы из бака не разлилась магия.

— Разлилась?

— Да, это частая причина травм и гибели на дорогах. Доктор не просто так говорил об опасности магии. Насколько автомобили не модернизируют, она продолжает разливаться. Вот и тогда это случилось. Принц скончался в тот же день, король и королева — в течение следующей недели. Выжила только младшая принцесса. Не знаю, как сильно она пострадала, но на публике она почти не появляется после той трагедии. Собственно, как и третья принцесса. Может, они просто не могут оправиться от потери.

— Значит, поэтому королева такая молодая.

— Младше меня, — горько усмехнулся Юлиан и внимательно, будто бы с беспокойством, посмотрел мне в глаза. — Не испортил я тебе настроение этой историей?

— Нет. — Я запрокинула голову и прислушалась к собственным ощущениям. — Скорее, она мне кое-что напомнила.

— Ты вспомнила что-то? — оживился он.

— Ну... — Я посмотрела на свою ладонь и сжала её в кулак. — Вспомнила о том, что не помню.

Юлиан недоумённо наморщил лоб.

— Во мне есть чувство потери, — пояснила я. — Очень слабое, но есть. Я буквально вчера его заметила. Отчего-то оно меня тревожит. Словно я забыла что-то... или кого-то важного.

— Уверена, что важного?

— Так мне кажется. Если памяти нет, но чувство осталось, выходит, когда-то оно было гораздо ярче, верно?

Юлиан поднял глаза к небу, тёмному, без единой звезды.

— Не думай об этом слишком много.

Он встал со скамейки и протянул мне руку. Такой высокий и взрослый, окутанный искристым светом янтарных фонарей, точно божество. Рядом с ним я чувствовала себя беспомощно маленькой, но мне совсем не было страшно. Я была в безопасности.

Воздух остывал, и по коже пробежала дрожь. Покинув парк, мы вернулись на полнящуюся праздником улицу. И ночь шагнула в сторону.

Странное агентство

Флюоритовый экран, мутный и белёсый, загорелся, и сумрак комнаты озарило мягким светом. Изображение было слегка размытым и текучим, но не мерцало и не прерывалось, как это бывало на старых телевизорах в моём мире. Цвета не раздражали глаз, но казались выгоревшими.

Щёлкая каналы, я попала на повтор дневного репортажа. Открытие выставки современных художников. Картины сплошь сюрреалистические, с кристаллическими мотивами. В репортаже говорили, что они призывают к открытому обсуждению проблем магии и людей, от неё пострадавших. Большой толчок к развитию этого направления дала прошлогодняя трагедия. В кадре королева Тамара рассматривала работы, посвящённые её семье. Без тени печали на лице она сдержанно улыбалась и хвалила понравившиеся картины. Для королевы одета она была просто: брюки и туника с тонким пояском, — но держалась величественно и гордо. Её длинные пышные волосы на экране выглядели совсем светлыми, хотя в реальности были янтарные, как и у принцесс.

Репортаж завершился, и действие перенеслось в студию, к двум сидящим за столом ведущим. Они произносили стандартные фразы, сияя безупречными улыбками. И когда я уже собиралась переключить канал, тема их разговора сменилась.

— ...у моей дорогой соведущей сегодня последний эфир. Тесс, неужели это правда? — весело спросил мужчина с лисьими глазами.

— Да, это действительно так, — не прекращая улыбаться, ответила девушка в круглых очках.

— Странники известны своей переменчивостью, — рассмеялся он. — Всегда стремятся попробовать как можно больше. И чем же ты планируешь заняться теперь?

— Даже и не знаю, — улыбка Тесс стала загадочной. — Честно говоря, несколько дней назад я получила Приглашение.

— В самом деле? Мои поздравления! Полагаю, ты его уже приняла?

— Конечно. Отбываю завтра!

— Ах, в этой студии будет тебя не хватать. Для всех нас работать со странницей, пусть и всего год, было большим удовольствием. А пока наша дорогая Тесс ещё здесь, мы переходим к вечерним новостям...

Я приглушила звук телевизора и окликнула Юлиана. Он выглянул из кухни, где занимался приготовлением ужина.

— Странники получают какие-то особые приглашения?

— Да. Все получают рано или поздно.

— И куда нас приглашают?

Я встала с дивана и шагнула в кухню.

— Не знаю, — ответил Юлиан, колдуя над сковородой. — Странники приходят и уходят. Потому их и зовут странниками. И Приглашение просто открывает очередную дверь на вашем пути.

— А путь обязательно продолжать?

— Можно отказаться. Но обычно странники очень ждут Приглашение и с радостью его принимают.

— Получается, я должна была знать, что всё это значит?

— Меня об этом спрашивать бессмысленно, — выдохнул Юлиан с едва заметным раздражением. — Завтра поедем в агентство. Уверен, там тебе всё объяснят.

За ужином мы больше не обсуждали эту тему, но она занимала мои мысли до поздней ночи, мешая уснуть.

Начался дождь. А машина Юлиана как назло отказывалась заводиться.

— Ладно, поймаем такси.

Он старался сохранить спокойный тон, но в голосе всё же проскочила пара напряжённых ноток. Что-то нервировало его с самого утра. Я попыталась разглядеть это что-то в его лице, но Юлиан был особенно бдителен в тот день и отворачивался, стоило мне лишь покоситься на него.

В такси он немного расслабился. Наверное, из-за того, что платить нам не пришлось: моего удостоверения странницы оказалось достаточно.

Агентство располагалось недалеко от центра города, в районе с типовой застройкой. Это место, несмотря на дождь, сразу покорило меня своим уютом, читавшимся не то в теплоте светлых кирпичных стен, не то в разбитых под окнами клумбах. Пусть непогода опустошила улицы, я чувствовала, что им непривычны шум и суета. И здесь, в ряду неотличимых друг от друга двухэтажных таунхаусов, один дом выделялся единственной совершенно неуместной деталью.

Золотая дверь. Если она вылита из чистого золота, то должна быть очень тяжёлой, подумала я. Ни эмблемы, ни таблички. По одному неординарному виду этой двери можно было догадаться, что именно за ней находится

агентство. По крайней мере, я поняла это сразу, словно почувствовав что-то близкое и родное.

— Подожду тебя здесь.

Я обернулась: Юлиан стоял на тротуаре с угрюмым видом, вращая зонтик то по часовой стрелке, то против.

— Ты же не собираешься всё это время мокнуть под дождём? И мне, если честно, страшно идти одной.

Скривившись, Юлиан всё же поднялся на крыльцо.

— Чего ты?

— Не обращай внимания, — отмахнулся он и нажал на звонок.

Минут пять мы ждали в молчании, слушая стук дождя. Я прикидывала, отчего в поведении Юлиана могла произойти такая перемена. Похоже, причиной было агентство, но, с другой стороны, он первый его упомянул и легко согласился меня сопроводить. В чём же тогда дело?

Наконец золотая дверь приоткрылась, и в проёме показалась молодая блондинка с безразличным взглядом.

— Здравствуйте, — запнувшись, произнесла я. — Мы... вчера мы вам звонили...

Остановив меня кивком, она несколько секунд смотрела поверх моей головы и, ничуть не изменившись в лице, шире открыла дверь. Которая, к моему разочарованию, с внутренней стороны была деревянной.

— Прошу вас, проходите.

В прихожей было сумрачно и очень тихо. Блондинка провела нас в гостиную, а оттуда — на второй этаж и в небольшой кабинет, окна которого смотрели на безлюдную улицу. Я бы скорее поверила, что нахожусь у кого-то в гостях: настолько это место не было похоже на агентство, каким я его себе представляла.

— Меня зовут Мария, — представилась блондинка и села за стол. Идеальная осанка и безупречно ровное каре, точно её волосы отстригли по линейке. — Я являюсь директором этого агентства. Обращаться ко мне можешь по имени, у нас здесь все на «ты». Полагаю, суть нашей работы тебе известна? — Не дожидаясь ответа, Мария достала из ящика стола анкету. — Присаживайся. И будь добра, твоё удостоверение.

От её холодного, без единой эмоции голоса становилось не по себе.

— Марта Овертон?

— Да.

Сотрудница регистрационного бюро, оформлявшая моё удостоверение, оставила на месте имени пробел и разрешила заполнить его позже. Это сделал Юлиан, умевший мастерски копировать любой почерк. Он же предложил мне взять его фамилию.

— Двадцать один год. — Мария не спеша вписывала данные в анкету. — Я правильно понимаю, что ты проживаешь не в общежитии? Пожалуйста, продиктуй свои адрес и номер телефона.

Заполнив графу, она подняла взгляд на меня, потом на Юлиана и снова вернулась ко мне.

— Этот молодой человек — твой жених?

— Нет, — возмутился Юлиан, — я просто помогаю Марте в силу обстоятельств.

— К чему такой вопрос? — Мои щёки обдало жаром.

— Многие странницы находят себе женихов в первые дни по прибытии. Для приёма в агентство эта информация не важна, я лишь уточнила. Последнее, что мне от тебя нужно, — это способность.

— Я, к сожалению, не знаю своей способности.

— С этим многие сталкиваются. Но способность несложно узнать, потому что она проявляется ещё в вашем мире, в процессе подготовки. Нужно лишь немного напрячь память.

— Проблема в том, что я её потеряла. Я не помню ничего о своей подготовке.

Мария постучала ручкой по столу, но глаза её оставались всё такими же равнодушными.

— Редкий случай. Придётся ждать, когда память вернётся.

— Неужели другого пути нет?

— Сейчас проверим.

Мария поднялась из кресла и взяла со стола очки с круглыми голубоватыми линзами в толстой оправе.

— Встань к стене. И чуть разведи руки в стороны. Хочу посмотреть на твой источник магии.

Она надела очки. Под её изучающим взглядом хотелось съежиться.

— Это какие-то особые линзы? — Точно такие же использовали в регистрационном бюро, чтобы проверить, являюсь ли я странницей.

— Топаз, — ответила Мария, не мигая. — Он позволяет видеть магию, в том числе внутри объектов. Да, твой источник сейчас пребывает в совершенном расстройстве. Это нормально, он стабилизируется со временем, однако твоя способность пока не сможет проявиться в полной мере. Магия концентрируется в ладонях. Это знание нам абсолютно ничего не даёт, потому что больше чем у половины странников способность осуществляется через руки.

Мария положила очки обратно на стол и сделала несколько пометок в моей анкете.

— А нельзя выяснить способность... ну, как-нибудь опытным путём?

— Могу только предложить трогать всё подряд. Может, из этого что-то и получится.

Мне стало стыдно за свой вопрос.

— Что ж, — Мария развернулась на каблуках — её лицо было всё так же бесстрастно, — я тебя принимаю.

Пока мы не знаем твою способность, спецзаказы ты получать не будешь, но можешь участвовать в непрофильных работах. Оплата у нас сдельная, от клиентов. Однако, полагаю, ты к нам не за деньгами пришла.

Я лишь неуверенно кивнула, теряясь с ответом. Юлиан поглядывал в мою сторону с беспокойством.

— Не против познакомиться с коллегами? — спросила Мария. — Двое сейчас здесь. Они помогут тебе освоиться.

Мы спустились на первый этаж и вышли в прихожую. Сумрак и тишина, которые я прежде сочла за отсутствие в доме других людей, теперь стали неприветливыми.

— Они на кухне, — указала Мария на приоткрытую дверь.

— Марта, — Юлиан легонько тронул меня за плечо. — Я пойду. Мне больше нет смысла оставаться, только мешать буду. Ты же пробудешь здесь до вечера? Могу за тобой заехать, если разберусь с машиной. Позвони мне, как соберёшься домой, ладно?

Проведя рукой мне по спине, он ушёл. Мария смотрела ему вслед достаточно долго, чтобы это что-то значило, но прочесть её эмоции было невозможно. Я осталась без поддержки, и в животе закопошилось волнение.

Из кухни, в щель приоткрытой двери, сочился свет, но не доносилось ни звука. За несколько секунд в моей голове пронеслась тысяча вариантов того, что я могла бы увидеть внутри. Какие они, мои коллеги? Другие странники. От мысли, что мы прибыли из одного мира, сердце забилось чаще. Помогут ли они мне вспомнить?

Мария открыла дверь.

— Мальчишки, познакомьтесь, это Марта. С сегодняшнего дня она будет работать в нашем агентстве.

За столом сидели два молодых человека: один рассматривал меня с живым интересом, покручивая в ладонях чашку, второй, лёжа щекой на сложенных руках, лишь чуть повернул в мою сторону сонное лицо. Пахло кофе.

— Это Кир и Петер, — продолжила Мария. — Тоже устроились в агентство относительно недавно. У нас высокая текучка и сотрудников мало, зато дружный коллектив. Остальные сейчас работают, в отличие от этих двух бездельников. — Они не отреагировали на замечание. Не то из-за её безучастного тона, не то потому, что привыкли. — Расскажите Марте, как у нас всё устроено. Если что, я в своём кабинете.

Мария удалилась, прикрыв за собой дверь.

Наступило молчание, которое никто из нас троих не решался нарушить. Пауза грозила вот-вот стать неловкой. Во рту у меня пересохло.

— Приятно познакомиться, — первым не выдержал тот из бездельников, что не переставая крутил чашку. Волосы его были пепельно-русыми, как будто с сединой, хотя он выглядел старше меня всего на пару лет. — Надеюсь, тебе у нас понравится.

— А-а, да... — Смущённая и растерянная, я присосла к месту, сжала пальцы в замке. — Простите, а вы не могли бы ещё раз представиться?

— Ах, конечно, Мария же, как обычно... Я Петер. А его зовут Кир.

Тот вяло махнул рукой и устало прикрыл глаза.

— Ты присаживайся, — пригласил Петер, а сам поднялся из-за стола. — Будешь кофе?

— Нет, спасибо.

— Не стесняйся, чувствуй себя как дома. Мы тут большую часть времени скучаем, так что новый сотрудник — это прямо событие. Фани точно будет в восторге.

— А кто это?

— Она должна приехать в течение часа. Если дождётся, будет здорово.

Петер заварил кофе себе и Киру, но тот даже не шевельнулся, когда перед ним поставили чашку. Он уткнулся лицом в локти и дышал размеренно и глубоко, словно спал. Было ли это нормально или нет, я не знала и потому чувствовала себя некомфортно. Заметив моё замешательство, Петер чуть улыбнулся:

— Не обращай внимания. С ним такое постоянно.

Он сделал глоток, стукнул чашкой о стол и с сухим шорохом начал крутить её туда-сюда. На кухне снова повисло молчание. Хотя у меня было много вопросов, не дававших покоя, я никак не осмеливалась их задать. За окном шелестел дождь. Я вспомнила, что Юлиан забрал с собой наш единственный зонтик. Ритмичное шуршание чашки, перестук капель по стёклам, дремлющий Кир — от всего этого меня саму потянуло в сон. Наверное, мне всё же не стоило отказываться от кофе.

— Пойду перекурю.

Шуршание прекратилось. Петер встал и зашагал к двери, шаря по карманам пиджака в поисках пачки. Кир вдруг зашевелился и приподнял голову.

— Передумал бросать? — спросил он с едва слышимым разочарованием.

Петер дрогнул и обернулся, уже с сигаретой в губах.

— Это первая за три дня, — сказал он в свою защиту и скрылся за дверью.

— Перенервничал, похоже. — Кир выпрямил спину и потянулся, а потом в три глотка выпил половину своего кофе. — Он парень чувствительный, поэтому будь с ним поделикатней.

Тогда я смогла наконец рассмотреть его лицо. Совсем ещё юное, как у старшекласника. Карие глаза прищурены, взгляд их рассеян. Тёмные волосы растрепались, на лбу отпечатались складки рукавов.

Кир подпёр голову ладонью.

— У тебя, должно быть, много вопросов. А ты ничего не спрашиваешь, — произнёс он скучающим тоном, как будто я вовсе не была ему интересна.

— Просто не знаю, с чего начать.

— Да неважно. — Кир зевнул и снова лёг на стол. — Выбирай любое и спрашивай.

— Хорошо, — пробормотала я и ненадолго задумалась. — Как давно вы с Петером здесь работаете?

— Под твои вопросы только засыпать, конечно, — беззлобно сказал он, и эти слова одновременно смутили меня и задели. — Я где-то месяца четыре, а Петер почти год.

— И почему Мария назвала вас бездельниками?

— Потому что наши способности бесполезны и у нас нет заказов. Ещё и устойчивость к магии никому больше не нужна. С утечками прекрасно справляются спасатели. Вот мы и сидим тут без дела целыми днями.

— Не скажи, Кир, — вклинился в разговор вернувшийся Петер. — Иногда нас вызывают, если ситуация сложная.

— Ага, раз в полгода.

— Ну да, нечасто, но ведь случается.

Кир вздохнул.

— Вот поэтому никто и не хочет работать агентстве. Способности странников слишком специфичные, и что-то действительно полезное встречается редко. Зачем, спрашивается, просиживать здесь штаны, когда перед тобой целый мир, в котором можно беспрепятственно заниматься всем, чем пожелаешь? Путешествуй, знакомься с новыми людьми, ищи себя...

— Но вы сидите здесь и скучаете, — сорвалось у меня с языка.

Повисла пауза. Петер замер у двери. Кир невозмутимо откинулся на спинку стула.

— Знаешь, не всем по душе путешествовать и заводить знакомства.

— К тому же, всё это, по большей части, сплошная нервотрёпка, — с облегчением добавил Петер, подходя к столу.

В чём-то они были правы. Или, точнее, в чём-то мы оказались похожи. Ведь для меня даже просто прийти в агентство уже было большим достижением.

— Можете рассказать, какие у вас способности? — осторожно спросила я.

— Боюсь, мы тебя ничем не удивим. — Петер опустил на стул и отвёл со лба влажные волосы. На его лице поблёскивали капельки дождя. — Я могу становиться невидимым, но в повседневной жизни от этого никакой пользы.

— Ого, — протянула я, не найдя слов для ответа. — А-а... а можешь показать?

— Что? — Петер вдруг занервничал. — Хочешь посмотреть? Да тут ничего особенного...

— Ладно тебе, Петер, ты же любишь исчезать, — присоединился Кир. — Почти каждый день исчезаешь, неужели сложно продемонстрировать?

Петер лишь недовольно цокнул. В то же время невидимая дымка начала окутывать его тело, будто стирая кусочек за кусочком.

— Пошёл бы ты, Кир, — буркнул он и полностью растворился в воздухе.

— И так постоянно. Стоит мне сказать что-нибудь эдакое — и пожалуйста. А я, как идиот, разговариваю сам с собой.

— Не слушай его дурацкие шутки, Марта, — отозвался Петер, и невидимая дымка мгновенно рассеялась.

— Очень впечатляющая способность, — улыбнулась я и повернулась к Киру. — А ты что умеешь?

— Ничего.

— В смысле?

— Ну, вот так. Нет у меня способности.

— Но... Значит, у тебя нет источника магии?

— Источник как раз есть. Способности нет.

— Я не понимаю.

Несколько секунд Кир молча смотрел на меня, а потом спросил:

— Когда-нибудь держала в руках магию?

Я мотнула головой, недоумевая, к чему он клонит.

— Подставь ладони.

Я приподняла их над столом и сложила в форме чаши. Кир протянул руку, и с кончиков его пальцев закапала прозрачная жидкость. Вязкая, с тусклыми бликами, она была едва заметна глазу, но ощутимо грела и покалывала кожу.

— Это и есть магия?

— В чистом виде.

— А это не опасно? Куда её теперь девать?

Кир обвёл кухню задумчивым взглядом.

— Можно зарядить фонарик, — предложил Петер.

Покопавшись в ящике минуты две, Кир устало выдохнул и плюхнулся на пол.

— Ты уверен, что он здесь?

Комод в гостиной был набит хламом под завязку. Голова моя заполнилась раздражающим шумом при виде столь большого количества вещей, о предназначении которых можно было только гадать. При этом я уже была напряжена до предела, боясь проронить хоть каплю магии из своих ненадёжных ладоней.

— Должен быть. Может, в другом ящике? Не помню, куда его закинул.

— Тогда ищи сам.

Кир прислонился к дивану и недовольно наблюдал за Петером, открывающим и закрывающим ящики.

— Нашёл!

Фонарик выглядел до того обычно, что я даже расстроилась. Хотя объяснить себе, почему ждала чего-то из ряда вон, не могла. Петер извлёк тёмно-красный гранатовый аккумулятор, придирчиво осмотрел его и положил мне в ладони. Всего за несколько секунд магия впиталась в аккумулятор без остатка.

— И надолго этого хватит?

— Зависит от усилителя, — ответил Кир. — Мы его даже на десятую часть не зарядили. Часов двадцать, думаю, не больше.

Только мне захотелось включить фонарик, как из прихожей раздался весёлый звонкий голос:

— Я пришла! Ух, ну и погода сегодня. А чего вы свет не зажгли? Сидите тут в темноте.

Хлопнула дверь, звякнули ключи. Я собиралась выглянуть из гостиной, но Петер жестом остановил меня и приложил палец к губам.

— Кир! Свари кофе!

— Неохота! — крикнул он в ответ, так и не поднявшись с пола.

— Предлагаешь мне пить растворимый? Я, вообще-то, с работы и очень устала.

Однако голос у неё был совсем не уставшим.

— Ладно, — сдался Кир и тяжело встал на ноги.

— Чем вы там занимаетесь?

Быстрое цоканье каблучков приблизилось к гостиной и резко остановилось. На долгое мгновение все оцепенели.

— К нам сегодня новенькая устроилась, — произнёс Петер, подавив нервный смешок, и опустил ладонь мне на плечо. — Марта, знакомься, это Франтишка.

Она замерла на пороге, не сводя с меня глаз. Невысокая, в приталенном платье с широкой юбкой и узким пиджачке. Длинные карамельно-каштановые волосы, вьющиеся на концах крупными кольцами. Круглое, почти детское лицо, веснушки на румяных щеках. Она словно сошла с открытки.

— Не может быть, — слетел шёпот с её губ. — Ещё одна странница в агентстве?

Вдруг она вся пришла в движение, подбежала ко мне и взволнованно взяла за руки.

— Боже, я так рада! Ты не представляешь, как мне не хватало женской компании. Мы же можем стать подругами, ты не против? Неужели Владыка услышал мои молитвы? — Она отпустила меня и принялась обмахивать раскрасневшееся лицо. — Ах, боже мой, боже мой! Сегодня просто какой-то праздник! Если б знала, купила бы сладостей. Нет, нам обязательно нужно это отметить!

— Что-то не припомню, чтобы мы отмечали приход меня или Кира, — вставил Петер, но Франтишка его проигнорировала.

— Я очень, очень рада познакомиться с тобой, Марта!

— Взаимно, — пролепетала я, задавленная волной её эмоций.

— Что ж, идём на кухню. Кир уже должен был сварить кофе.

Франтишка принесла два пакета продуктов, наполнила холодильник и занялась ужином, хотя ещё не было и пяти часов. Полная энергии, она волчком крутилась по кухне и как заведённая рассказывала о себе.

— У меня магия голоса, как я люблю её называть. Пением я могу успокоить, снять боль или усыпить. Обычно мне говорят, что с такой способностью только в больнице и работать, но как будто это так просто. Мне, знаешь, приходилось провожать людей в последний путь, и, ох, это ужасно тяжело! Я с этим предпочитаю сталкиваться как можно реже, но иногда, конечно, деваться некуда. И всё же я извернулась и нашла себе приятную работу, где и способность моя кстати. Знаешь, где? В детском садике. Ах, дети такие замечательные! Просто проводить с ними время — уже огромное удовольствие. Я там помогаю воспитательнице: укладываю спать беспокойных ребятишек, унимаю плачущих, ещё медсестре ассистирую. Не работа, а сказка, как по мне.

— Меня бы такая сказка в первый же день с ума свела, — ужаснулся Петер.

— Не преувеличивай. С детьми же так легко! И они все меня очень любят, — широко улыбнулась Франтишка. — Марта, а у тебя что за способность?

— Да-а, насчёт этого... Понимаете...

И я рассказала им о своей амнезии, оставив за скобками забытые имя и личность. Не то чтобы я не хотела этим делиться, наоборот, болезненно в этом нуждалась, но тогда мне бы не хватило ни смелости, ни душевных сил. Да и спешить было ни к чему.

— М-м-м, в самом деле, очень странно, — сказала Франтишка и сняла сковороду с плиты. — Могу, кстати, сводить тебя в церковь. Всё равно со мной больше никто не ходит.

— Удивительно, что и ты это дело не забросила, — заметил Кир.

— О чём ты? Между прочим, все мы должны быть благодарны Владыке за то, что он привёл нас в этот замечательный мир. Регулярные молитвы — меньшее, что мы можем.

— Сомневаюсь, что Владыка действительно слушает эти молитвы, — сказал Петер, расставляя на столе тарелки.

— Да как у тебя язык повернулся! Для Владыки мы всё равно что родные дети. Разве может он вот так нас бросить?

Петер пожал плечами:

— Мои молитвы он перестал слышать уже очень давно.

Франтишка виновато отвела взгляд и закусила губу.

— Ну эту вашу религию, — бросил Кир. — Давайте лучше ужинать.

Мы принялись за еду. Марию звать не стали. Напряжение спало, но ещё несколько минут никто не говорил ни слова. Решившись, я похвалила готовку Франтишки, и разговор вернулся в спокойное, повседневное русло. Однако за чаем снова наступила тишина, будто бы все выдохлись.

— Знаете, я подумала, может, если вы расскажете о том, что происходило до вашего перехода и как вы готовились, это поможет мне вспомнить?

Я надеялась завязать непринуждённую беседу, но сделала только хуже. Все вдруг помрачнели и опустили глаза.

Первой приободрилась Франтишка.

— Маричка ведь знает о твоей амнезии? Как непредусмотрительно с её стороны было не объяснить тебе такое важное правило. — Она прочистила горло. — Среди странников запрещено обсуждать прошлое. Всё, что было с нами до перехода — табу. Мы оставили это в прошлом и забыли. Ну, или хотя бы стараемся забыть. Так что тебе, Марта, очень повезло потерять память.

— Фани, ты перегибаешь, — одёрнул Кир. — Потеря памяти — это серьёзно. Можешь себе представить, как Марте тяжело ориентироваться в мире, о котором она, в отличие от нас, ничего не знает?

Франтишка не ответила, лишь скрестила руки на груди.

— Если тебе интересна подготовка, то в ней не было ничего особенного, — обратился Кир уже ко мне. — Мы слышали голос, который постепенно рассказывал, как устроен этот мир и что нас в нём ждёт. Что-то вроде лекций, только у тебя в голове.

— А этот голос просто... появлялся однажды?

— Ну, как бы, — он почесал в затылке, — сначала нужно было пожелать попасть сюда...

— Достаточно, Кир, — оборвал Петер. — Хватит уже об этом. Табу нарушать нехорошо. Остановимся здесь, ладно? Марта, тебе же этого достаточно? Извини, но мы правда не можем рассказать больше. Такие уж правила.

Он улыбался, но, как и раньше, ритмично раскручивал чашку в беспокойных руках.

— Да, простите...

— Что ж, пора братья за уборку! — весело воскликнула Франтишка и вскочила на ноги.

— Я в этом не участвую, — сразу же отмахнулся Кир.

— А от тебя мне помощи и не надо. Как и от Петера. Давайте собирайтесь и езжайте домой, нечего тут маячить.

— Понял, принял.

Кир отдал честь, и всего через пару минут они с Петером ушли.

— Видала, какие послушные? — усмехнулась Франтишка, стягивая волосы в узел. — Жаль, что не всегда. Поможешь мне?

Оставив на меня посуду, она вымыла кухонный пол. Потом мы прибрались в гостиной и, наконец, в прихожей. Франтишка работала с завидной лёгкостью — моё же тело, судя по ощущениям, давно отвыкло от подобных нагрузок. Смешных, если подумать, и оттого собственная слабость разочаровывала вдвойне.

— Фух! — Франтишка вытерла лоб и довольно оглядела прихожую. — Вот и закончили.

— Часто ты так убираешься?

— Раз в неделю. А в конце месяца у нас генеральная уборка.

— Не проще ли нанять кого-нибудь?

— Зачем? — она посмотрела на меня с недоумением. — Я отлично справляюсь! Да и мне это только в радость. Снимает стресс, знаешь? Кстати, ты ведь домой? Могу тебя подбросить.

— Не нужно, меня заберут.

— Так это ж тебе сколько ждать, пока за тобой приедут! Давай подброшу, мне несложно. К тому же, — Франтишка радостно заулыбалась, — я хочу ещё поболтать.

Она отчиталась перед Марией, которая так больше и не спустилась со второго этажа; я тем временем позвонила Юлиану. Дождь кончился. Мы вышли на улицу. Влажный воздух сладко пах скошенной накануне травой. Я не могла надыхаться им, не могла во всех деталях запечатлеть этот момент в памяти, чтобы потом снова и снова к нему возвращаться. Время утекало, утягивая то единственное мгновение за собой, но горький осадок ничуть не портил прекрасного чувства. Нет, он лишь добавлял ему ценность.

— Марта! Чего ты там зависла? Садись скорее!

Автомобиль Франтишки был ярко-жёлтым, компактным и со скруглёнными углами. Идеальное продолжение её самой.

— Ах, вот и закончился ещё один продуктивный день, — сказала она, выезжая на проспект.

— По меркам Тьярны, вечер только начинается, разве нет?

— У кого как. Я встаю рано, дома сразу спать завалюсь. А ты быстро подсуетилась, купила себе квартиру. Я несколько месяцев жила в общежитии, прежде чем переехать.

— Нет-нет, я ничего не покупала. Я живу у друга.

— Друга? — Франтишка подозрительно прищурилась.

— Просто друга.

— Конечно-конечно, я ни на что и не намекаю, не подумай.

— Он мне помогает. С амнезией приходится тяжело.

— Понимаю. И как тебе Тьярна? Нравится? Я от неё просто в восторге.

— Да, тут хорошо. — Я бросила взгляд на вымытые дождём улицы. В окнах домов зажегся свет, и мне становилось тепло на душе. — Слушай, а в Тьярне много странников?

Франтишка задумалась.

— Человек пятьдесят где-то, точно не скажу.

— И они совсем не собираются вместе? Мне казалось, это было бы естественно. Мы ведь все пришли из одного мира, все мы... близки в каком-то смысле.

— Так или иначе странники сбиваются в группы. Собираться прям всем-всем вместе было бы чересчур. Хотя это, конечно, смотря что ты подразумеваешь под «собираться». Да, нет такого места, куда странники бы стекались. Хотя раньше было, знаешь? Континентальный Совет сколько-то там лет назад озаботился и учредил организацию, через которую странники предоставляли людям свои услуги. В городах пооткрывали офисы и обязали странников там работать. В те времена вся вот эта магическая инфраструктура только развивалась, а наши способности ценили куда больше, потому что технологии были не ахти. В общем, мы действительно были нужны, вот короли эту организацию и придумали. А потом — технологический прогресс, передовые научные открытия — и всё, люди прекрасно справляются с опасной магией без нас, и способности наши, ну, большая часть, уже не впечатляют на фоне всяких телефонов и телевизоров. Организацию и прикрыли за ненадобностью, офисы отдали на другие нужды, а странники стали болтаться без дела. Спасибо хоть деньгами нас продолжают обеспечивать. Так вот тусовка и загнулась. Кто знает, может быть, тогда отношения между странниками были совсем не такие, как сейчас. И это ещё надо иметь в виду, что странников с каждым годом прибывает всё больше. А так и не скажешь, правда? Впечатление такое, будто нас раз-два и обчёлся. Я сама, кроме ребят из агентства, почти никого не знаю. Ах да, насчёт агентства! Его Маричка открыла, естественно, уже сильно после того, как госпрограмму свернули. И о нём все в Тьярне знают, только оно всё равно никому не сдалось.

— Это не потому, что в агентстве сотрудников мало? С таким скромным набором способностей неудивительно, что клиентов нет. Предложить нечего.

— Проблема в том, что и работать к нам никто не идёт. Какой бы полезной способностью ни была, её нужно сначала разрекламировать, а это время. И удержать нового сотрудника можно только непрофильными заказами, которых нет. Были ребята: приходят к нам все такие воодушевлённые, а через неделю увольняются, потому что им скучно. Ещё я слышала, что некоторых Маричка не принимала, представляешь? А вообще, очень немногие странники хотят помогать простым людям своими «силами». Это грустно, но это так. Лучше бы всех заставляли работать, как раньше.

Автомобиль остановился.

— Ну, вот и приехали! Рада была провести с тобой время. Надеюсь, ты задержишься у нас дольше, чем на неделю.

Франтишка помахала мне на прощание, автомобиль тронулся с места и уже скоро скрылся за поворотом.

— Как в агентстве? Осталась довольна?

Юлиан сидел на диване с книгой. Спокойный и в хорошем настроении, каким я привыкла его видеть.

— Пока сложно сказать.

— А что коллектив? С другими странниками тебе, должно быть, проще общаться.

Я неопределённо повела плечами и села рядом.

— Они странные.

Юлиан засмеялся:

— Само собой. На то вы и странники.

— Я имею в виду, с ними как будто что-то не так.

— Ну, ты ведь тоже не совсем в порядке, — заметил Юлиан и тут же опомнился: — Прости, ляпнул не подумав.

— Ничего. На правду не обижаются, — ответила я, хотя в груди что-то уязвлённо сжалось.

— Спросила про Приглашение?

Осознание пронзило меня, точно стрела. Тело бросило в жар.

— Забыла.

— И ладно. Спросишь в другой раз.

Если другой раз случится, подумалось мне. Однако сердцем я уже чувствовала странную тягу к агентству, желала вернуться туда, пусть и понимала, что вполне могу найти себе лучшее применение, что, возможно, мне не стоит связываться с теми сомнительными людьми. Но это стремление, смешанное с тоской... я не в силах была противостоять ему.

И прошло ещё очень много времени, прежде чем я разглядела в своей душе, что искала и что обрела.

Слишком много, чтобы пытаться что-либо исправить.

Звон колокола

Мария всегда вела себя так, будто ничего не происходило. Отстранённая, холодная, пугающе невозмутимая, в безупречно-белой блузке и строгой юбке, она только и делала, что работала. Реклама, общение с клиентами, финансовые вопросы — всё ложилось на её плечи, однако, казалось, ничуть их не отягощало. Мария управлялась с делами агентства легко, словно занимала пост директора уже лет десять, и это поражало. Пусть выглядела она максимум на тридцать, психологически ей было все пятьдесят, если не больше.

Во сколько бы я ни пришла в агентство, Мария уже была там, неизменно в своём кабинете, и продолжала работать после того, как все расходились по домам.

— А ты не знала? — удивилась Франтишка, когда я поделилась этим наблюдением. — Маричка живёт здесь. Видела всегда закрытую дверь на втором этаже? Там её спальня.

Я невольно посмотрела на потолок. Мы сидели на кухне, и из кабинета над нами не доносилось ни звука.

— Но организовывать агентство в своём доме... Зачем?

— Спроси Маричку. Она, может, и ответит, вот только ты всё равно ничего не поймёшь.

Разговор плавно перетёк в другое русло.

— Хорошо, наверное, иметь собственное жильё, — протянул Кир и многозначительно глянул на нас с Франтишкой.

— Ох, это точно, — кивнула она. — Хотя и в общаге было по-своему неплохо. Ну, типа романтика, тусуешься с другими странниками.

— Ага, если не сидишь безвылазно в комнате, — обратился Кир уже к Петеру.

— Не вижу проблемы, — отмахнулся тот.

— Точно, общага — это ведь тоже место сбора странников. Фани, почему ты раньше её не упомянула? — изумилась я.

— Ну, знаешь. Я думала, ты, как и все остальные, жила там хоть сколько-то. И вообще, это не лучшее место для знакомств, особенно если ты там не проживаешь. Всё-таки в общаге люди отдыхают. Да и потом, съезжают оттуда быстро, за малым исключением.

— А что, условия не очень?

— Да нет, вполне приличные, — ответил Кир, лениво помешивая кофе. — Комнаты просторные, с кухней, в коридорах чисто, и не шумит никто. Но хочется чего-то побольше, чем одна комната. Вот ты, Марта, в двухэтажной квартире живёшь?

— Угу.

— Она ведь большая, да?

— Совсем нет.

— Не скромничай, наверняка там много места.

— Нет же, она правда маленькая. Спальня под крышей, гостиная и крошечная кухня. И ремонт уже лет сто не делали.

Кир смотрел с недоумением.

— И чего тогда ты там живёшь?

Из-за Юлиана, и я прекрасно это знала. Он продолжал помогать мне и поддерживать меня, и без него свою жизнь здесь, в Тьярне, в этом мире, я представляла с трудом. Ещё пара месяцев, и денег на моём счёте было бы достаточно, чтобы мы могли перебраться в квартиру гораздо комфортнее. Однако подобная мысль ни разу не посещала меня. Было ли мне некомфортно в доме Юлиана? Отнюдь. Конечно, я не привыкла к протекающим трубам, вечным сквознякам и трескающейся штукатурке, и прежде мне не приходилось ютиться то на узкой кровати, то на табурете за кухонным столиком. Но Юлиан теперь ночевал в гостиной на промятом жёстком диване и не жаловался, хотя мог бы выселить меня в общежитие или заставить платить. И скромная спальня в мансарде, и кухня, едва вмещавшая двоих, были наполнены тем уютом, которого мне отчаянно недоставало. В этот дом хотелось возвращаться.

— Ты просто не понимаешь, Кир, — встряла Франтишка. — Это всё любовь. С милым рай и в шалаше.

— Причём здесь любовь? — вспыхнула я. — Говорила же, Юлиан просто мой друг.

— А мне кажется, ты просто боишься самой себе признаться.

— Вовсе нет. — Я почувствовала, как краснеют щёки, и поспешила сменить тему. — И вообще, если хочешь, почему не переедешь?

— Я бы с радостью, но... — Кир кивнул в сторону Петера.

— Жить и без того тяжело. Переезда я уж точно не выдержу, — отрезал он, всем своим видом показывая, что больше к этому разговору возвращаться не стоит.

Возникшие вопросы я решила оставить при себе.

Вечером того же дня, когда мы уже собирались расходиться, в дверь позвонили. Мы застыли в ожидании второго звонка, которого не последовало, и я вдруг поймала себя на мысли, что вообще-то нахожусь в агентстве, а не дома, и здесь не бывает непрошенных гостей. Я вопросительно посмотрела на Франтишку.

— Заказчиков мы сегодня не ждём, — ответила она. — А для нового клиента поздновато.

— Так-то у нас не установлены часы работы, — заметил Кир. — И Мария всегда на месте.

Она как раз спустилась со второго этажа и заглянула в кухню.

— Почему никто всё ещё не открыл дверь? Если мне не изменяет память, вы являетесь сотрудниками моего агентства, а в моём агентстве клиент — это высший приоритет. Ваша халатность скажется на вашей зарплате, имейте в виду.

Я устыдилась, но остальные, похоже, проигнорировали выговор.

Мария открыла дверь, и до наших ушей донеслось тьяканье. Мы высыпали в прихожую. На пороге агентства стояла картонная коробка, а внутри неё, рядом с жухлым деревцем в горшке, сидел щенок. Дворняжка, полностью белый с единственным чёрным пятном вокруг левого глаза. Мы молча смотрели на него, пребывая в не меньшей растерянности, чем он сам.

— А с каких пор мы стали собачьим приютом? — нарушил молчание Кир, и щенок снова затявкали.

— Может, это чья-то шутка? — предположила Франтишка. — Или кто-то поленился отдавать щенка в настоящий приют и решил скинуть его на нас. Но мы же не можем его оставить. Столько грязи в доме будет, да и следить некому за ним. Я же права, Маричка? Мы совсем никак не можем его оставить.

— Тут что-то... — Нагнувшись к коробке, я вытащила конверт. — Письмо, похоже.

Оно было написано корявым детским почерком. Я зачитала вслух:

— Уважаемые странники, мне очень нужна ваша помощь. Я подобрал на улице щенка, но родители не разрешили его оставить. Они сказали отдать его в приют. Я слышал о приютах страшные истории. Щенку там будет плохо. Пожалуйста, найдите ему новый дом. У вас обязательно получится, потому что вы сильные и можете всё. Извините, у меня нет для вас денег, но есть лимонное дерево. Родители хотели его выкинуть. Пожалуйста, возьмите его себе.

Петер тяжело вздохнул.

— Ясно, ребёнок. От них только проблем и жди.

— Ты что! — возмутилась Франтишка. — Не слушал письмо? У малыша такое доброе сердце! Он желает щеночку только лучшее и даже о деревце позаботился.

— Да ты посмотри на него. Если ребёнок такое сотворил с растением, страшно представить, что стало бы с собакой.

Франтишка пропустила этот комментарий мимо ушей.

— Получается, отдать щенка в приют мы тоже не можем? Что будем делать?

Все смолкли. Последнее слово было за Марией. Она присела на корточки и, бережно взяв щенка под грудь, вынула из коробки, всмотрелась в его печальную мордочку.

— Он не может жить в агентстве, — сказала Мария и повернулась к нам. В глазах её на мгновение мелькнуло что-то, отдалённо напоминавшее радость. — И клиент попросил не отдавать щенка в приют. Значит, мы найдём ему хозяина. У меня уже есть кое-кто на примете. — Она передала щенка в руки Франтишке. — Покормите его. И пристройте куда-нибудь этот веник. — Мария кивнула на лимонное дерево и удалилась в свой кабинет.

Щенку налили молока, и он с аппетитом лакал его, разбрызгивая по полу гостиной. Франтишка и Кир увлечённо наблюдали за ним с дивана. Петер поставил горшок с деревом возле телевизора.

— Не лучше ли сразу от него избавиться? — спросил он. — И так уже полумёртвое.

По какой-то причине к дереву я испытывала большую жалость, чем к щенку. Оно было таким же юным, и от вида его тонких веточек, едва покрытых листьями, сердце моё сжималось.

— Попробуем реанимировать. Всё-таки клиент попросил его оставить.

Земля в горшке была совсем сухой. Я набрала в стакан воды из-под крана.

— Хочу, чтобы он вырос, — сказала я, поливая дерево, и отчего-то не смогла сдержать улыбку.

— Он? — Петер стоял у двери, ведущей на задний двор, и скептически следил за каждым моим движением.

— Подумала, может, дать ему имя. — Будучи озвученной, эта мысль казалась очень глупой.

Петер обвёл взглядом сначала меня, потом дерево.

— Дашь, если выживет.

Минут двадцать спустя в дверь снова позвонили. На этот раз Франтишка побежала открывать. Я услышала клацанье дверной ручки, но вместо приветствий за ним последовало несколько секунд тишины.

— А, это ты, Берти, — произнесла Франтишка с таким презрением, в какое сложно было поверить.

— Просил же не коверкать моё имя, — с нескрываемым недовольством ответил глухой низкий голос.

— Разве я что-то коверкала? По-моему, это дружеское обращение.

Их перепалку прервала Мария, спустившаяся встретить гостя.

— Здравствуй, Бертран. Ты быстро.

В гостиную вошёл высокий молодой человек в чёрном костюме. Смуглая кожа, тёмные глаза, заправленные за уши густые волосы. Он держался сурово, и боязно было издать хоть звук в его присутствии. Однако когда мы встретились взглядами, он лишь кивнул, как бы откладывая наше знакомство на потом.

Не тратя времени на разговоры, Бертран подошёл к щенку и опустился на одно колено. Удивительно, с какой теплотой он смотрел на это незащищенное существо, выглядевшее совсем крошечным на его фоне. Чуть улыбнувшись, Бертран потрепал щенка по голове.

— Вы с ним чем-то похожи, — сказал Кир.

Тогда я и обратила внимание на это странное совпадение: белый щенок с одиноким чёрным пятном на морде и черноволосый Бертран с единственной белой прядью на правом виске.

— Что думаешь? — спросила Мария.

— Взять его себе я не могу, — мотнул головой Бертран. — Но знаю человека, который может.

— Как я и предполагала. Тебя подбросить?

— Не стоит. Возьму такси.

И вот так, со щенком под мышкой, Бертран ушёл. Золотая дверь захлопнулась, и внутри не осталось ни намёка на то, что человек в чёрном когда-либо был здесь.

— Он не сотрудник агентства?

— Нет. Просто знакомый, — ответила Мария, и как бы она ни пыталась скрыть правду своим обычным холодным тоном, я почувствовала, что за её словами стояло нечто гораздо большее.

В субботу Юлиан ездил со своими учениками на экскурсию и вернулся домой к обеду. Оставшись в выходной одна, я привычно провела утро на диване перед телевизором.

— Ничего не случилось в моё отсутствие? — полушутливо спросил Юлиан и прошёл в кухню. Я проследовала за ним.

— Мария звонила. Интересовалась, не я ли поливала вчера лимонное дерево.

— С чего бы?

— Вот и я гадаю. Юлиан, что это?

На кухонном столе лежала аппликация из засушенных цветов и листьев. В центре был изображён улыбающийся кудрявый человечек, а над ним вырезанными из бумаги буквами было сложено: «Любимому учителю в День Рождения!»

— Ах, это, — Юлиан отвлёкся от готовки, — дети подарили сегодня.

— Так у тебя день рождения? И ты мне не сказал?

— Не подумал, что это важно.

— Конечно, важно. Это же твой день рождения! — Я почему-то испытывала почти детский восторг. — Раз у меня есть собственные деньги... Что ты хочешь в подарок?

— Брось, — махнул Юлиан рукой. — Мы не так давно знакомы, чтобы ты делала мне подарки.

— Но ты же мне так помогаешь. Я перед тобой в долгу.

Он лишь смущённо улыбнулся.

— Сколько тебе исполнилось?

— Тридцать четыре.

— Уже так много?

— Разве?

— Мне кажется, да, для человека, который до сих пор живёт один.

Я сказала не подумав, и Юлиана мои слова, похоже, задели.

— Вообще-то, уже не один. — Он многозначительно посмотрел на меня. — И с чего это вдруг ты решила проиграть в мою маму, а? Я, знаешь ли, тоже так могу. Сколько ещё ты будешь дома безвылазно сидеть? Только по делам и выходишь.

— Прости, я не хотела. — Юлиан попал прямо в точку.

— То-то же. Конечно, ты нашла работу и познакомилась с другими странниками, но надо бы общаться с кем-то и в нерабочее время.

Я обречённо выдохнула. В агентстве всё время нерабочее, неужели это не считается?

— И правда, как моя мама. Кстати, завтра мы с Фани идём в церковь.

— Ну, вот, какое-никакое общение. Пусть событие и специфическое.

Что-то заскребло на душе. Смутное чувство одиночества. И хотя головой я понимала, что чувство это совершенно нечестное, прогнать его не удавалось.

— Ты чего загрустила? — Тёплая ладонь тронула меня за плечо. — Я расстроил тебя своими шутками? Напомнил что-то неприятное?

На лице невольно появилась улыбка. Разве в праве я была чувствовать одиночество, когда Юлиан так искренне меня поддерживал?

— Нет. Вовсе нет.

Площадь застыла, оглашённая звоном колокола.

Пронзённый звуком воздух дрогнул. Но едва лишь волна ослабла, отступила, как всё снова пришло в движение. Следующий удар, так же гулко отдающийся в груди, казалось, не слышал уже никто, кроме меня.

Колоколов было два. Голоса их никогда не звучали вместе, они сменяли друг друга, но при этом были неразрывно связаны, как взмахи качелей. Громкий звон первого медленно затихал, точно таял, и в то мгновение, когда он должен был смолкнуть, оглушительно бил второй и цикл начинался заново. Под эту тревожную колокольную песню люди стягивались в церковь.

Внутри сильно пахло свечами и благовониями, похожими на ладан. От каменных стен веяло холодом, в пустующих углах клубился сумрак. Вместо икон в нишах и на постаментах располагались статуэтки из чёрного камня, просвечивающего на изломах оттенками красного и жёлтого. Все статуэтки изображали человека без лица.

Следуя за Франтишкой, я села на деревянную скамью. Прихожане тихо переговаривались.

— Что сейчас будет? — шепнула я.

— Служба.

— Но я не знаю, что делать.

— Ничего сложного, просто повторять слова за священником. Кстати, держи, — Франтишка протянула мне какой-то буклет. — Ознакомишься потом.

Окружавшая нас плотная пелена голосов вдруг заволновалась, как встревоженная водная гладь, и тут же рассеялась. Прихожане поднялись со скамей. В промежутках меж спинами и затылками я разглядела человека в длинных одеждах, степенно идущего к кафедре. Вот он остановился, обвёл собравшихся взглядом — и десятки глаз чутко следили за каждым его движением.

Наконец, неопределённо взмахнув рукой, священник начал службу. Он произнёс несколько коротких фраз на языке, не похожем ни на один из тех, что были мне знакомы. Но пока он выговаривал их, слово за словом, нечто колыхнулось у меня внутри, в области солнечного сплетения, и по телу разлилось тепло.

— О Владыка! спаситель наш и благодетель. Не гневайся на покорных слуг твоих, что нарушают покой твой. Будь милостив, ибо слуги твои жаждут вознести свои благодарности имени твоему. Благодарим тебя, Владыка, за вечные дары твои...

— За вечные дары твои, — вторили прихожане.

— За спасительные чудеса твои... За бесценную жертву твою...

Благоговейный хор наполнил церковь. Отражаясь от стен, эхо поднималось к самому своду и терялось там, в вышине, точно уносилось сквозь крышу в небеса. Или впитывалось сгустившейся под потолком холодной тьмой.

Казалось, благодарностям не будет конца. И всё время, что я стояла так, слушая чужую молитву, но не имея душевных сил присоединиться к ней, что-то терзало меня. Будто мысль или воля, не принадлежавшая мне, пыталась пробиться в мою голову.

— И да будет покойным небытие твоё, — скорбно произнёс священник, и служба завершилась.

Прихожане разбрелись по церкви. Они замирали перед чернокаменными статуэтками и шептали что-то своему богу. Франтишка тоже остановилась. Фигурка на постаменте изображала упавших на колени детей, мальчика и девочку, и безликого человека, протягивающего им руку.

— О чём этот сюжет? — спросила я.

— Это Владыка дарует прощение своим заблудшим детям. Странникам.

— То есть это о нас?

Франтишка лишь улыбнулась. Взяла с подсвечника горящую свечу и начала шептать молитву, так тихо, что я не разобрала ни слова, хотя стояла совсем близко. Закончив, она капнула растопленный воск в чашу перед статуэткой и вернула свечу на место.

— Хочешь тоже обратиться к Владыке?

Я рассеянно посмотрела на безликого человека, и по спине моей пробежала лёгкая дрожь.

— Нет. Мне пока нечего ему сказать. А из чего сделаны все эти статуэтки?

— Из мориона, чёрного кварца. Знаешь, это единственный минерал, который не принимает магию.

— Госпожа странница? — прозвучало неуверенно из-за её спины.

Франтишка обернулась. К нам робко приблизилась немолодая женщина, худая и скромно одетая. Её влажные глаза были печальны. Она всё пригибала голову, точно опасалась смотреть на нас с высоты своего роста.

— Госпожа странница...

— Да? Вы что-то хотели?

Женщина ахнула, отпрянув, и вдруг низко поклонилась.

— Благодарю, что снизошли до меня, госпожа странница! Я никогда не забуду вашей доброты!

— Простите, но я же... — начала было Франтишка, но, передумав, тихонько выдохнула и шагнула к женщине. — Пожалуйста, поднимите голову.

Женщина растерялась, пальцы её нервно перебирали складки одежды, и хотя, преодолевая себя, она всё же выпрямила спину, печальный взгляд по-прежнему скользил мимо наших лиц.

— Так-то лучше, — одобрительно произнесла Франтишка. — Вы хотели о чём-то попросить?

— Если... если я в праве просить о подобном... Знаю, вы работаете в агентстве, и мне стоило бы сделать заказ... Но, по правде, у меня нет на такое денег. Поэтому, если бы вы могли хотя бы выслушать...

— Прошу вас, говорите.

Женщина вся сжалась, сделавшись до того маленькой, что одни только блестящие глаза её были видны в полумраке церкви.

— Мой муж, он очень, очень болен. Уже много недель, и ему совсем не становится лучше. У нас больше нет денег на лекарства... Ужасно произносить такие слова, но я... я устала молиться за его здоровье. Боюсь, Владыка отвернулся от нас, ведь это магия навредила моему мужу. И если его уже не спасти, то я хотела бы... чтобы вы закончили его страдания.

Франтишка стояла ко мне спиной. И пусть я не видела её лица в тот момент, её чувства достигли меня. Тяжесть ответственности. Предстоящая боль. И вместе с ними мучительная неизбежность, невозможность отказать, потому что не позволит совесть.

— Я помогу вам. Сможете подождать до завтра?

Впервые женщина посмотрела Франтишке в глаза. И во взгляде её было столь многое, что даже я, не встретившись с ним напрямую, с трудом могла вынести.

Солнце застало меня врасплох. Выйдя из церкви, я как будто получила удар по голове и ухватила Франтишку за плечо, чтобы не упасть.

— Ты в порядке?

— Да. Это просто от жары.

Преследовавшее меня неприятное ощущение испарилось, стоило нам оказаться на улице. Ком в горле пропал, словно чья-то невидимая рука расцепила пальцы, сплетённые вокруг моей шеи.

— Ну как? Стало тебе полегче? — радостно спросила Франтишка, предвосхищая желаемый ответ. Но я лишь пожала плечами.

— Пока не знаю.

— В самом деле? Ничего не почувствовала? Хотя, может, это не у всех с первого раза...

— Тебе полегчало сразу?

— Да! С самой первой службы. В церкви мне становится очень спокойно, сразу чувствую, что Владыка приглядывает за мной. Он даже говорит со мной иногда.

— Говорит? — Мне вспомнились безликие статуэтки, и по спине снова пробежал холодок.

— У него такой голос... Не могу объяснить, но в нём есть что-то такое заботливое, утешающее. Я верю, что Владыка не говорит со всеми подряд. Для меня это знак, что я на верном пути.

— В каком смысле?

— Ну-у...

Франтишка была на редкость скупа на слова, я как будто вытягивала их из неё своими вопросами. Однако она не попыталась сменить тему и не отказалась отвечать.

— Ты вынуждаешь меня нарушать табу, знаешь? — Эмоция, вспыхнувшая в её глазах, была слишком сложной, чтобы прочитать. — И я не собираюсь распространяться о своей прошлой жизни. Скажу лишь, что у меня достаточно грехов, которые нужно искупить, иначе не видать мне Приглашения.

Откинув с плеча волосы, точно отмахнувшись от нашего разговора, как от надоедливой мухи, Франтишка ускорила шаг.

— Тут недалеко есть симпатичное кафе. Зайдём?

В воскресенье центральные улицы полнились людьми. Но извечная праздничная атмосфера совсем не радовала меня в тот день — больше раздражала из-за жары. Я плелась за Франтишкой, погрузившись в полусознательные размышления, такие, что мгновенно забываются, стоит кому-то или чему-то вернуть тебя в

реальность.

Внезапно шум улицы заглох. Мысли исчезли, а окружающие звуки доносились словно через толстое стекло. На секунду мне почудилось, что это снова звонили в колокол. Однако мы были уже слишком далеко от площади. И тогда я поняла, что слышала голос. Кто-то позвал меня по имени. Настоящему имени. Оно разнеслось над головами прохожих, хотя казалось, что звавший стоял на расстоянии вытянутой руки. Я обернулась, но не смогла разглядеть лицо, которое почему-то желала отыскать, среди множества чужих лиц и затылков.

Если бы только неведомый кто-то позвал меня снова.

Но голос исчез, и звучание его тут же стёрлось из памяти. Я так и не расслышала собственного имени.

— Марта! Ну что ты там застряла? Мы почти пришли.

Франтишка подвела меня к маленькому кафе, уставленному цветами снаружи и внутри. Увидев наши удостоверения, официантка проводила нас на приватную террасу, выходящую к садику во внутреннем дворе. По словам Франтишки, это было одно из немногих общественных мест, где тревожить странников запрещалось, так что мы могли спокойно насладиться тишиной и восхитительными пирожными. Правда, на сладкое мне даже смотреть было тошно.

Пока мы ждали свой заказ, я просмотрела содержание церковного буклета. Помимо всего прочего, там было кратко написано о Владыке. Вопреки моим ожиданиям, он не был богом-творцом, а появился в этом мире много позже его создания. Владыка пришёл на земли первых людей из далёких, никому неведомых краёв и принёс с собой чудеса, никем прежде невиданные. Он много рассказывал о родных краях и даровал людям знания, тогда ещё слишком сложные для их узкого кругозора. Он дал человечеству огромный толчок к развитию. Однако Владыка, при всех своих невероятных чудесах, не обладал бессмертным телом, и последний час его неумолимо приближался. Понимая, что не может бросить этот мир и этих людей ни с чем, смертью своей он сотворил последнее чудо — и из земли забила ключом магия, а в пещерах и расщелинах гроздьями разрослись самоцветы. Последним наказом Владыки было использовать самоцветы, чтобы подчинить дикую и опасную магию, а любой, кто решит коснуться её голыми руками, в надежде уподобиться богу, сам обратится в камень. Вечная душа Владыки упокоилась в недостижимых чертогах и теперь, наблюдая оттуда, приводит в этот мир странников, дабы они как наследники его силы продолжали дарить людям чудеса.

— Получается, сам Владыка присылает нам Приглашения?

Франтишка восхищённо посмотрела на меня.

— Ты тоже так думаешь?

— Нет, не то чтобы. Просто пришла к такому выводу после чтения.

— Не зря всё-таки я привела тебя в церковь. Мало кто из странников сейчас верит во Владыку.

— Значит, Приглашения не от него?

— Никто точно не знает. Но я убеждена, что если Владыка приводит нас в этот мир, то и показывать дальнейший путь тоже должен он.

— И куда же он нас приглашает?

— Секрет, — хитро улыбнулась она. — Пока не примешь Приглашение, не узнаешь. А ещё точнее, не узнаешь, пока туда не попадёшь. Это лучшее место, где нас ждёт награда за все пережитые страдания и все благие дела.

— Но разве нас уже не наградили? Этот мир и так лежит у наших ног.

Лёгкая тень раздражения упала Франтишке на лицо.

— Если нас зовут дальше, значит так надо. В конце концов, мы обязаны Владыке за то, что он дал нам шанс на новую жизнь. Если мы нужны ему где-то ещё, то не имеем права отказываться.

Из-за её пространных ответов я только больше запуталась. Возможно, вопросы всё же стоило задавать своей пропавшей памяти.

— Фани, скажи, а та женщина в церкви... Часто к тебе так подходят?

Занеся ложку над кусочком шоколадного торта, она вдруг остановилась, точно потеряла аппетит.

— Случается. Как ты слышала, не у всех есть деньги обращаться в агентство.

— Я имею в виду, она к тебе относилась, как к святой.

Франтишка покрутила чашку с чаем, но так и не сделала глоток.

— Для местных мы существа иного уровня. Даром что не божества, всё равно ведь почти боготворят. Ну, или используют. Или ненавидят. Тут уж у кого какие ценности. Но большинство превозносит. Разве ж с ними поговоришь по-человечески? Вот и получается, что единственными нормальными собеседниками оказываются другие странники, потому мы и сбиваемся в группки. С местными нелегко заводить дружбу, а про такую поддержку, как у тебя, я вообще молчу. Но ты осторожнее, вдруг выяснится, что твой Юлиан тебя просто использует.

— Нет, он не такой, — возмутилась я. — Он мне по-настоящему помогает.

— Я тебе верю, — Франтишка мягко улыбнулась. — Любящее сердце очень чуткое.

— Прекрати. Я не испытываю к нему таких чувств.

— Не может быть, — давила она. — Знаешь, как у тебя меняется голос, когда ты о нём рассказываешь? И все твои чувства прекрасно слышно. Ну же, признавайся. Он столько для тебя сделал, ты как минимум хочешь его за это отблагодарить, правда же?

Щёки мои горели, а сердце оглушительно стучало в ушах.

— У Юлиана вчера был день рождения, — произнесла я через силу. — Хочу сделать ему подарок.

— День рождения? Боже, Марта, почему же ты раньше не сказала? Это же идеальная возможность показать свою любовь!

— Но я совсем не знаю, что подарить.

— Не переживай, у меня есть отличная идея! — просияла Франтишка, тыкая ложкой в шоколадный торт.

Домой я вернулась поздно и думала, что Юлиан уже лёг спать. Однако он встретил меня в прихожей, сонный, но с улыбкой на лице.

— Эй, Марта. Хорошо провела время?

— М-м, угу.

— Как тебе наша церковь?

— Ну, мне всегда было неуютно в церквях и храмах. Здесь то же самое.

— Понимаю.

В груди колотилось. Делая вид, то ищу что-то на дне сумки, я незаметно достала подарок и спрятала за спиной. Он едва не выскользнул из моих трясущихся рук.

— Завтра на работу, — зевнул Юлиан. — Пойду спать, и ты тоже не засиживайся...

— С днём рождения, — пробубнила я, смущённо опустив голову, и протянула ему перевязанную лентой коробку.

— Что это? — Сморгнув сонливость, Юлиан распустил бант и заглянул под крышку. — Торт?

— Он получился суховат и слишком шоколадный... но я хочу, чтобы ты его принял.

— Марта, не стоило... Ты сама его сделала?

— Это Франтишка предложила.

— Она тебе помогала?

— Она сделала большую часть. Из меня кондитер совсем непутёвый.

— Вы так заморочились...

Я стыдливо отвела взгляд. В этом торте было ничтожно мало от меня. Зачем же я согласилась? На что рассчитывала? Благодарить за спасение и заботу подарком, к которому совсем не приложила усилий... что уж говорить о выражении чувств. Глупая.

В момент, когда я уже готова была извиниться, на макушку мою опустилась тёплая ладонь и потрепала по волосам.

— Спасибо, — легко улыбнулся Юлиан, убирая руку. — Что ж, тогда будем пить чай. Но потом сразу спать.

Провожая его взглядом, я коснулась головы кончиками пальцев. Сердце стучало мягко. И снова в груди мелко дрожала струна.

Пусть я не знала, что случилось со мной в прошлом и какие причины привели меня сюда. Пусть запуталась в том, что из себя представляю. Этот удивительный мир, этот город и люди, живущие в нём, — они приняли меня, половинчатую и ни на что не годную. С таким настоящим нужно ли мне было прошлое?

Ответить на мой вопрос могло только время.

Понедельник начался с неожиданных новостей.

Переволокнувшись из-за подарка, ночью я долго не могла уснуть, потому утром встала значительно позже, чем рассчитывала. А на работе меня, оказывается, очень ждали.

Войдя в агентство, я сразу же почувствовала некую перемену, не то воздух иначе ощущался на коже, не то тишина звучала непривычно. На кухне было пусто, а дверь в гостиную зачем-то закрыли. Это настораживало.

— Марта, наконец-то ты пришла. — Из-за двери выглянула Мария, бесстрастная, как и всегда.

— Что-то случилось?

— Да. У меня для тебя хорошая новость.

Она распахнула дверь, приглашая внутрь.

Увиденное настолько ошеломило меня, что я минуты три не могла двигаться, говорить или думать. И ещё долгое время сомневалась, не решили ли коллеги попросту разыграть меня.

— Поздравляю, — бросил развалившийся на диване Кир. — Теперь ты зачислена в ряды полезных сотрудников агентства.

— Я уже подготовила рекламу, — сказала Мария. — Если дашь своё разрешение, её начнут размещать с завтрашнего дня.

Их слова бились о мою голову, как горох о стену. И только Петера я по-настоящему услышала. Он подошёл ко мне и со вздохом произнёс:

— Надеюсь, имя ему ты уже придумала.

Возле телевизора больше не было чахлого лимона, который мы оставили там в пятницу. Теперь в горшке росло совершенно другое дерево, в два раза выше, с сочной листвой, в гуще которой белели редкие цветы.

— Что это? — выдавила я.

— Лимонное дерево, — ответила Мария, — оживлённое твоей способностью. Нам очень повезло выяснить твои возможности так быстро. Даже я не предполагала такой удачи.

— Способность? Это я сделала?

— Больше дерево никто не поливал, а выросло оно в ночь с пятницы на субботу. Вывод очевиден. Теперь от тебя требуется самой изучить свою способность, узнать её потенциал и лимиты. Если будет необходимо, проведём тесты. Но в целом с тем, что есть, уже можно работать.

Ощущения были странными: радость, смешанная с чем-то неопределённо горьким. Сердце отчаянно сопротивлялось верить, и вовсе не потому, что открывшееся моим глазам было таким уж необычным. Пусть я ещё и месяца не прожила в этом мире, его чудеса практически перестали удивлять меня. Нет, дело было во мне самой. Я не могла признать факт, что мои руки способны на нечто столь значительное — вернуть жизнь.

— Так и что насчёт имени? — спросил Петер, явно в этом заинтересованный.

Подойдя к дереву, я коснулась его листвы, молодой и ещё мягкой.

— Тим... — сорвалось вдруг с моих губ. Легко, словно по привычке. Я и сама не поняла, что сказала, пока не услышала. — Нет, это совсем по-дурацки, просто первым в голову пришло.

Петер задумчиво посмотрел в потолок и пожал плечами.

— Называй, как нравится.

Ноги едва держали меня. Я рухнула на диван рядом с Киrom, и очень скоро мы остались в гостиной одни. Впрочем эмоции обособили меня от окружения, ослепив и оглушив. Перемены я заметила только после того, как Кир сказал:

— Смотри-ка, наш знакомый. Хорошо устроился.

Телевизор был включён. С экрана улыбалась принцесса Катерина, вторая по старшинству в королевской семье. Похоже, телевизионщики поймали её в одном из городских парков, где она выгуливала собак.

— Я получила его в подарок, — принцесса взяла на руки щенка. — Вас, должно быть, удивляет, что он дворняжка, но мне его подарила любимая младшая сестрёнка. Как я могла не принять такую прелесть!

— Это, — я внимательно всмотрелась в щенка, — неужели тот самый, которого нам подкинули?

— Он и есть.

— Но как? Его забрал Бертран, значит...

— Ты не знала? Бертран типа работает на королевскую семью.

Мне вспомнилось его суровое лицо, стало не по себе.

— Агентство имеет связи с таким важным человеком.

— Важным? — Кир фыркнул. — Бертран всего лишь странник.

Это «всего лишь» звучало так инородно. Мне ещё не приходилось слышать что-либо настолько приземлённое

в адрес странников. Это отрезвило меня. И только что открытая способность потеряла значимость в моих глазах.

Тем же вечером телефон в агентстве разрывался от звонков. Кир говорил, что это по мою душу, но при этом каждый раз вешал трубку после одного-двух утвердительных ответов и сетовал, что мне не стоило соглашаться на рекламу. Когда я вернулась домой, Юлиан уже отключил телефон, устав от постоянного звона. Однако на следующее утро звонить начали в дверь. Журналисты, агенты каких-то компаний и организаций, спонсоры — кто только не обивал наш порог. Юлиан великодушно выпроваживал незваных гостей, позволяя мне трусливо прятаться за своей широкой спиной.

— Откуда они знают, где мы живём?

— От Марии, конечно, — раздражённо ответил он, высматривая в глазок, ушёл ли очередной журналист.

— Разве она не должна... ну, защищать мои интересы? Правда, я свои интересы не озвучивала.

— Может, и должна, но кто откажется от лёгких денег? Ты даже не представляешь, какой куш она сорвала за один только номер телефона.

— Не понимаю, почему во мне заинтересовано столько людей. Моя способность насколько полезная?

— Не настолько. Но ты даже не представляешь, как сотрудничество со странниками поднимает рейтинги и продажи. Без помощи Марии тут, конечно, не обошлось. Она надеется хорошо заработать на тебе, это точно.

— Разве она добьётся чего-либо таким способом?

— Игра на истощение. Наверное, она знает, что, если предложит сама, ты не согласишься. Ничего, нам нужно просто переждать это. Рано или поздно набеги прекратятся.

Те несколько дней, что я вынужденно сидела дома, были посвящены изучению моей способности. Квартиру заполнили цветочные горшки разных форм и размеров. Я поливала землю, и за ночь, пока никто не видел, зацвели фиалки, созревали помидоры и проросли посаженные мной яблочные семечки. Зелень скрывала застарелые пятна на обоях и оживляла затёртую мебель, отчего наше с Юлианом убежище стало ещё уютнее.

Пятничным утром нас больше не тревожили звонки, и я, пользуясь затишьем, отправилась на работу.

— Думала, ты приедешь позже, — сухо сказала Мария, оторвав взгляд от каких-то документов. — Охотники уже успокоились? Надеюсь, ты добралась без происшествий.

— Взяла такси, — натянуто улыбнулась я, пытаюсь скрыть злость.

— В своё оправдание скажу, что у меня не было выбора. Поверь, я держалась до конца, но суммы выросли настолько, что сопротивляться более было невозможно. Под таким давлением никто бы не устоял.

Хладнокровие Марии поражало: что бы она ни говорила, выражение её лица оставалось безразличным, а голос — твёрдым.

— Вижу, ни одно предложение не привлекло твоего внимания. И роль звезды, полагаю, тоже не принесла удовольствия.

— Нисколько.

— Хорошо. Я разберусь с охотниками. С завтрашнего дня сможешь навсегда забыть о них.

Звучало так, будто Мария всего лишь устроила мне причудливую проверку. Однако что именно она хотела проверить, я не разгадала.

— Выдержала их атаки? — спросил Кир, по обыкновению лежа на обеденном столе.

— А через это все в агентстве проходили?

— Вроде того.

— Я не проходил, — ответил Петер. — И слава богу.

Дни шли, а заказов для меня так и не было. Мария уверяла, что работа может появиться в любой момент, да и поскольку других занятий не имелось, я впустую тратила время в агентстве. Франтишка появлялась только по вечерам, и моей неизменной компанией были Кир и Петер, которых я понемногу узнавала ближе.

Они представляли собой причудливый дуэт. Наверное, это можно было назвать дружбой, но в то же время я не до конца понимала их специфические отношения. Было в них что-то до поры неявное.

Чем больше мы общались, тем причудливее становились эти двое. Кир, неразговорчивый и вечно сонный, вызывал практически уважение. Пусть и выглядел ещё совсем юным, он был рассудителен и невозмутим, многое знал и ответственно подходил к поручениям, хотя и ленился. Из всех сотрудников он единственный не давал поводов усомниться в своей надёжности. Что бы ни случилось, я знала, что всегда могу попросить у Кира помощи. С Петером же всё было иначе.

Он совершенно не создавал впечатление взрослого. Ему было почти двадцать пять — в таком возрасте люди обычно уже ведут самостоятельную жизнь. Однако от Петера веяло беспомощностью, которую я не могла объяснить. Стиснутые зубы, сведённые брови, лёгкая, почти незаметная дрожь в ладонях, седина в волосах — все эти мелочи, чем больше я обращала на них внимания, тем больше волновали меня. Петеру почти не давали

поручений и никогда не оставляли одного. Пару раз нас вместе отправляли за продуктами. Петер ходил очень быстро, словно куда-то спешил, а потом долго не мог отдышаться. Но стоило мне побеспокоиться о его самочувствии, как он улыбался и отвечал, что всё в полном порядке. Оставаясь с Петером наедине, я беспричинно боялась, что что-то может случиться.

— Не волнуйся так, — сказал Кир однажды, когда Петера не было рядом.

— Не то чтобы я волнуюсь...

— Да у тебя всё на лице написано. Забей, ты скоро привыкнешь. Ничего страшного с ним не происходит.

Главное не поднимай эту тему при нём, окей?

Я кивнула, но спокойнее от его слов мне не стало.

— У тебя бывало такое, что хочешь помочь человеку, но не представляешь как? — спросила я Юлиана вечером. Мы сидели на диване и смотрели какое-то комедийное шоу.

— Не припоминаю. А тебя попросили помочь?

— Нет.

— Но ты уверена, что человеку нужна помощь?

Я опустила глаза. Конечно, я ни в чём не была уверена, ведь толком ничего о Петере не знала. Юлиан потрепал меня по волосам.

— Чужие проблемы далеко не всегда требуют твоего вмешательства, даже если это кто-то близкий. Раз к тебе не обратились, значит это не было нужно. Может, человек уже нашёл помощь и проблема решается. Просто результата пока не видно.

Я вздохнула. Юлиан был прав, как обычно. И мне следовало бы разобраться с собственными проблемами, прежде чем лезть в чужие дела.

Август заканчивался. Хотя погода стояла жаркая, мне временами мерещился холодный ветерок, пахнущий осенью. Думаю, все это чувствовали — неумолимое приближение сентября.

Подходя к агентству, я увидела Кира: он сидел на багажнике чьей-то машины и смотрел себе под ноги, словно ещё не до конца проснулся.

— Привет. А чего ты тут?

— Заправляю машину Марии. — Крышка топливного бака была откручена, и через трубку Кир заливал внутри свою магию.

— Часто она тебя о таком просит?

— Не особо. Она мало ездит. Но я и свою так иногда заправляю.

Закончив, он встряхнул руку, вытащил трубку и закинул в багажник.

— А сколько магии ты можешь создать вот так, за раз?

— Ну, пустой бак могу доверху наполнить. Только это долго, — ответил Кир и зевнул. — И ещё меня сразу вырубает.

Утерев сонные слёзы, он тяжело открыл дверь агентства и прошёл в кухню, где рухнул за стол и уронил на него голову. Петер, привычный к подобному, тихо пил кофе.

— С чего бы Марии называть твою способность бесполезной? Просто потому, что её нельзя продать? — спросила я, но Кир даже не шелохнулся.

— Марта? — раздалось из прихожей, и в кухне появилась сама Мария. — Наконец ты пришла. У тебя первый заказ. Вот адрес. Лучше отправляйся сейчас, кто-то из мальчиков может тебя подбросить.

Протянув мне бумажку и ничего больше не объяснив, она скрылась в дверном проёме.

— Я отвезу тебя, — оживился вдруг Петер. — Кир, передай ключи.

Тот молча выудил связку из кармана брюк.

— И ляг на диван, пожалуйста. Нехорошо спать за столом.

— Да-да, свалите уже, — проворчал он, не поднимая головы.

Пусть я долго ждала свой первый заказ и в какой-то мере даже отчаялась получить хоть один, я не обрадовалась и совершенно не чувствовала себя готовой. Очевидно, эту работу не мог выполнить никто, кроме меня, и по своей сути она не должна была оказаться сложной, но всё равно я волновалась, как перед экзаменом, представляя десятки вариантов того, как провалюсь. Неизвестная мне дорога с самого начала казалась слишком короткой, чтобы собраться с духом. Голова заняла от напряжения.

— Интересно, кто заказчик? — задумчиво произнёс Петер, сверяя направление с картой. — Мария ничего не написала?

— Нет, только адрес.

— Это в её духе — отправлять на первое задание с минимумом информации. Не волнуйся, уверен, всё пройдёт гладко.

— Ты сегодня такой счастливый, — заметила я. — Случилось что-то хорошее?

Петер как будто смутился.

— Да нет, ничего не случилось. Просто... Знаешь, бывает, иногда просыпаешься в хорошем настроении, и жизнь не кажется такой уж ужасной. Ну, это я утрирую, конечно, ха-ха. В общем, всё словно становится лучше. Бывает у тебя такое? Наверняка бывает. И ещё приятно кому-то помогать, даже по мелочи. А то совестно как-то, обычно только мне все и помогают.

— Понимаю. Хочется помочь взамен.

— Ага, именно.

В груди защемило. Я точно посмотрела на себя со стороны. Почему мы такие? Что сделало нас такими? Сможем ли мы однажды стать прежними? Прежними...

Память молчала. То немногое, что я узнала от других странников, не разбудило её. И я уже не была уверена, оттого ли это, что в чужих рассказах не обнаружилось ничего для меня значимого, или же мои воспоминания пропали навсегда. Месяц прошёл, а я всё ещё не могла ответить на вопрос, кем являюсь. Время не спешило расставить всё по местам. Жестокое.

— Скоро приедем.

Голос Петера оборвал мои печальные мысли. Я подняла глаза: городские постройки пропали. Перед нами лежала долина, устланная яркой в солнечном свете зеленью, с россыпью домиков и усадеб, пронизанной извилистыми железными дорогами, по которым сновали электрички, с заплатками пшеничных полей и садов, с прудами и пастбищами. Я испытала тёплое чувство ностальгии, словно была маленькой девочкой в родительском автомобиле, совершенно не представляя, куда меня везут.

— Это всё Тьярна?

— Пригородные районы. Граница королевства где-то в часе езды отсюда.

— Столько железных дорог...

— Да, на карте они выглядят как огромная паутина. И так на всём континенте, потому что самолётов нет.

— Здесь нет самолётов? — ошеломлённо выпалила я.

— А ты не знала? — Петер удивился не меньше меня. — По непонятным причинам их здесь не сконструировали. Зато есть первоклассные высокоскоростные поезда. Если честно, я очень боюсь высоты и об отсутствии самолётов даже не мечтал. Повезло мне попасть сюда.

— Если бы самолёты и были, летать на них тебя бы никто не заставил.

— Но потенциально это было бы возможно. А так я могу не беспокоиться о самолётах лишней раз. Ведь они пугают, даже когда просто видишь их в небе.

Я не стала отвечать. Своеобразная картина мира Петера и раньше приводила меня в недоумение, но я бы ни за что не осмелилась поставить её под сомнение. Потому что порой мне казалось, что она уже была сломана и собрана по кусочкам множество раз.

Вскоре мы въехали в один из посёлков и остановились перед аккуратным домиком, обнесённым невысоким забором. С нашим появлением местные заметно оживились: дети внимательно следили за нами с расстояния, взрослые ускоряли шаг, проходя мимо, но тоже поглядывали исподтишка. Только мы хлопнули дверьми автомобиля, как у калитки возникла старушка, маленькая, в выцветшем платице и с собранными в тугий пучок белыми волосами.

— Вы из агентства, голубчики? — спросила она, щурясь. — Заждалась уже. Не топчитесь без дела — проходите. Кто из вас будет мне с огородом помогать?

— Это я.

— Хорошо, девочка, иди за мной. А ты, милочка, тут обожди, у крыльца. Не мешайся, раз работать не будешь.

— Л-ладно.

Замерев на месте, Петер лишь растерянно махнул мне рукой.

Старушка взяла меня под локоть — хватка её оказалась куда сильнее, чем я ожидала, — и потянула на задний двор, где был разбит огород.

— Ума не приложу, что такое в этом году стряслось, — сетовала она. — Вроде и теплое лето было, и дождей хватало, да всё без толку. Ни кабачки с баклажанами не вызрели, ни помидоры с огурцами, и капуста пресная совсем. Ничего из них путёвого не сделаешь и не продашь, у соседей-то всё как надо созрело. Думала на грядках оставить, дать ещё времени, а что как холода придут? Тогда точно всё пропадёт. Беда, страшная беда. Небось соседи постарались, зависть взяла. Знаю я их, все как один гнилые. Ты вот что, милочка, — старушка вдруг понизила тон, — сможешь огородику моему силушки придать? Да так, чтоб всех соседей на место поставить. Чтоб впредь не забывали, с кем дело имеют.

— Сделать так, чтобы ваши овощи дозрели?

— Не просто дозрели, а стали самыми вкусными в посёлке. А лучше — во всём районе.

Утратив последние крохи уверенности, я кивнула и повернулась к огороду. Ровные ряды грядок за низеньким плетнём. Стоило ожидать, что масштаб заказа будет больше цветочного горшка. Я не знала, как много магии могу потратить за раз и хватит ли этого. Однако мне ничего не оставалось, кроме как попытаться.

Я опустила на колено перед плетнём и упёрлась ладонями в землю. Закрыла глаза. Главное — как можно яснее представить желаемый результат. До этого именно так я заставляла косточки прорасти, а едва завязавшиеся бутоны распускаться. Кончики пальцев начало покалывать — магия полилась наружу. Интуиция подсказала момент, когда пора было остановиться. Прошла всего пара минут. Я выдохнула, поднялась на ноги и потёрла лоб, чувствуя лёгкую усталость.

— Ну что, милочка?

— Я закончила.

— Уже? Всё созрело?

— Ах, нет, созреет только завтра. Должна пройти ночь.

— Завтра... — Старушка нахмурилась и почесала щёку. — Тогда денег вы не получите.

Я до того удивилась, что растеряла слова, но мой взгляд оказался достаточно красноречив.

— Результата-то нет, — развела старушка руками. — За что мне платить-то?

— Но мы ведь ехали в такую даль...

— Ехали и приехали, это я вижу, а вот результата что-то не видать. Откуда ж мне знать, что вы меня не обманули? В наши времена всяким незнакомцам нельзя доверять, особенно молоденьким девицам и паренькам с симпатичными мордашками. Не-е, пока мои помидоры не созреют, ничего от меня не дождётесь. Тоже мне странники. Одно название.

Фыркнув, она побрела обратно к крыльцу дома. Я поспешила за ней. В сущности, деньги мне не были нужны, но сложившаяся ситуация, тем не менее, меня расстраивала. И даже не потому, что мой труд остался без оплаты. Скорее, из-за того, что его не признали.

— Получается, завтра, когда всё созреет, вы будете готовы заплатить? — с надеждой спросила я, чем привлекла внимание Петера. Пока ждал, он вытоптал у крыльца пяточок травы, а теперь остановился и с подозрением смотрел в мою сторону.

— Сначала до этого завтра надо дожить, — отозвалась старушка, тяжело поднимаясь по ступенькам. — Всё, езжайте, у вас, глядишь, ещё много дел.

— Стойте, минутку... — попытался задержать её Петер, но старушка юркнула в дом и хлопнула дверь. — Что произошло?

— Она не хочет платить, пока не увидит результат, — ответила я и стыдливо опустила глаза.

— Мы же гарантируем выполнение заказа, чего ещё ей надо? — возмутился Петер. — Вот вечно от стариков одни проблемы. Боже. — Он растрепал волосы на затылке, точно о чём-то размышлял. — Ладно, придётся ждать до завтра. Возвращаемся.

И когда мы уже развернулись к калитке, дверь дома скрипнула за нашими спинами.

— Так и быть, голубчики, не отпущу я вас с пустыми руками, — сказала старушка с улыбкой, но больше самодовольной. — Вас ведь за такое по головке не погладят. Держите. — Она протянула мне тяжёлую жестяную коробку, внутри которой что-то гремело. — Я эти конфетки своим внукам купила, да только увижусь я с ними нескоро и лучше уж домашними яблочками угощу. А вам в самый раз: с коллегами поделитесь, начальника задобрите. Ну, спасибо, что приехали, хорошей вам дороги.

И она снова скрылась за дверь.

— Вот скряга, — произнёс Петер после короткой паузы.

С трудом он снял крышку: коробка была заполнена леденцами в шуршащих прозрачных обёртках. Судя по запаху, мятными. Недолго думая, Петер закинул один леденец в рот.

— Может, хоть так курить брошу.

— Что-то мне волнительно стало, — призналась я.

— Почему?

— А вдруг завтра ничего не созреет?

— У тебя уже было такое? Чтобы способность не срабатывала.

— Нет, не было. Но я тренировалась на комнатных растениях, а здесь целый огород.

— Хм-м, да, это совсем другое дело. — Петер отправил в рот вторую конфету. — Во всяком случае, думаю, всё получится. У наших способностей редко бывают осечки. Ладно, поехали. Надо ещё перед Марией отчитаться.

Сомнения продолжали терзать меня до конца дня. Мария пусть и сухо, но поблагодарила нас за проделанную работу, однако легче от этого мне не стало, и, возвращаясь домой, я чувствовала, что вот-вот взорвусь.

— Как дела в агентстве? — привычно спросил Юлиан, встретив меня у порога.

И в этот момент что-то внутри меня лопнуло. Был ли мой первый заказ причиной или всего лишь последней

капель? Тогда это уже не имело значения. Пряча за волосы лицо, я роняла крупные слёзы, и они расплывались тёмными кругами на половых досках.

— Марта, что такое? Что-то случилось?

Я смогла лишь молча мотнуть головой.

Юлиан больше ничего не спрашивал. Шагнул ко мне и обнял, притянув к широкой груди. Он поглаживал меня по спине и с каждым движением словно снимал с моих плеч тяжёлые эмоции одну за другой. Так мы и стояли, пока я не выплакалась. И только чувство стыда за то, что вылила на Юлиана свои переживания, ещё долго не отпускало меня.

Должно быть, Петера подобные чувства мучили гораздо чаще.

Когда я на следующий день пришла в агентство, то на кухне обнаружила только Кира, по обыкновению дремавшего за столом. Или так мне показалось на первый взгляд. Озадаченная отсутствием Петера, я обернулась: дверь в гостиную была прикрыта.

Изнутри доносились едва различимые всхлипы. Я отпрянула, но потом, напрягая слух, снова прильнула к двери. Легонько толкнула её и шагнула в комнату.

— Петер?

Всхлипы стихли. В гостиной было пусто.

— Марта? — раздался его дрогнувший голос со стороны дивана.

— Ты... — начала было я, но осеклась, осознав происходящее. — Извини, мне стоило постучать.

— Всё в порядке, — ответил Петер уже спокойно, но так и не появился. — Не переживай.

— Марта! — шепнул Кир у меня за спиной.

— Что случилось? — одними губами спросила я.

Он покачал головой и жестом поманил меня на кухню. Выражение его лица было серьёзнее, чем обычно, а поза — более собранной. Мне стало неловко.

— Почему Петер прячется?

— Потому что сорвался, очевидно. Сама же всё слышала.

Я сглотнула и потупила взгляд.

— Прости, — выдохнул Кир. — Когда такое с самого утра, трудно держать себя в руках. Ты только не слишком заморачивайся, у нас это бывает иногда.

— Вчера он был в таком хорошем настроении.

— Сегодня особый случай. Я предлагал ему остаться дома, но он если упрётся, то ни за что не уговоришь.

— А что сегодня?

Кир опустил на стул и потёр глаза.

— Сегодня год с того дня, как Петер пришёл в этот мир. И даже не спрашивай, что это для него значит, окей? Вообще эту тему не затрагивай.

— Но разве мы не должны его как-нибудь поддержать, побыть с ним?

— Можно подумать, я не пытался. Сейчас наше присутствие сделает только хуже, поверь мне. Мы можем только сидеть и ждать. Я позвонил Фани, скоро она приедет и успокоит его.

— Это звучит так...

— Ужасно, знаю. Просто смирись. И давай побудем в тишине хотя бы пять минут.

С этими словами Кир подпёр лоб руками и просидел так до приезда Франтишки. Я же в напряжении стояла рядом, стараясь не обращать внимания на слышавшийся из прихожей сдавленный плач.

Войдя в агентство, Франтишка сразу направилась в гостиную и плотно закрыла за собой дверь, так что происходившее внутри осталось для меня загадкой. Через четверть часа она появилась на кухне, утомлённая и слегка недовольная.

— Он наконец-то уснул. Такое ощущение, что со временем моё пение всё меньше на него действует. — Франтишка прокашлялась и провела пальцами по горлу.

— Сварю кофе, — сказал Кир, поднимаясь из-за стола.

— Эх, обидно, конечно, что пришлось с работы отпрашиваться. Заняться, что ли, гладкой... Марта, поможешь мне?

Я кивнула. Причины, по которым домашними делами заведовала Франтишка, были мне неизвестны. Доплачивала ли ей Мария за дополнительную работу? Иногда казалось, что её вовсе не волнует происходящее в собственном доме. Спросить, почему Мария не принимает участия в ситуации с Петером, я не осмелилась.

Мы пили кофе в тишине. Время только близилось к полудню, а мне хотелось, чтобы рабочий день поскорее закончился. Чтобы кто-нибудь сказал: «Отлично поработали. Увидимся завтра!» Конечно, я могла уйти в любой момент. Но что-то пригвоздило меня к стулу, копошилось в затылке и шептало: «Будь здесь».

Франтишка посмотрела на наручные часы.

— Почти тридцать минут. Марта, разбудишь Петера?

— Почему я?

Она пожала плечами:

— Приобщайся. Тебе с подобным, наверняка, ещё не раз столкнуться придётся.

— Отнеси ему воды. — Кир протянул мне кружку.

На несколько секунд я замерла в растерянности, но всё же собралась, взяла кружку и вышла в коридор.

Воздух стал тяжёлым. Из-за двери гостиной не доносилось ни звука. Затаив дыхание, я переступила порог и шагнула к дивану. Петер лежал на боку неподвижно, лишь грудь размеренно вздымалась. Лицо его выглядело измученным. В сердце кольнуло. Шторы были задернуты, и в комнате стоял прохладный полумрак, уютный, но предназначавшийся не мне.

— Петер, — я осторожно тронула его за плечо.

Он приоткрыл глаза и встретился со мной взглядом. Дрогнув, тяжело приподнялся и сел.

— Сколько я спал? — сипло спросил он.

— Полчаса. Я принесла тебе воды.

Кружка, надёжно державшаяся в моих руках, из его ослабших, дрожащих ладоней выскользнула и полетела на пол. Звон оглушил меня. Замерев, я смотрела на расползающуюся под ногами лужу. Кеды промокли.

В гостиной мгновенно появилась Франтишка и бросилась собирать осколки.

— Простите, — печально произнёс Петер.

— Ничего страшного, — отозвалась Франтишка. — Что у нас, кружек мало? Ерунда какая. Всю эту посуду вообще давно пора обновить. А вода в два счёта высохнет. Благо, это всего лишь вода.

Петер потёр лоб.

— Думаю, мне лучше поехать домой.

— Идём, я отвезу тебя, — сказал вошедший в гостиную Кир и чуть кивнул Франтишке, поймав её взгляд. Помог Петеру подняться и, поддерживая за руку, вывел на улицу.

Так они и уехали, даже не попрощавшись.

— Ох, можно выдохнуть, наконец. — Франтишка отдернула шторы, и я сощурилась от яркого света. — Хоть погладим без лишних нервов.

— Часто у вас... такое?

— Последний раз было в июле, кажется. Или в июне? Во всяком случае, гораздо реже, чем бывало раньше.

— А раньше?..

Я не договорила. Звякнула ручка входной двери — это пришла Мария.

— Где остальные? — спросила она без единой эмоции, подойдя к нам.

— Кир повёз Петера домой.

Мария долго смотрела на лужу у наших ног.

— Ясно.

— А ты где была, Маричка? — улыбнулась Франтишка и поспешила за шваброй.

— Ездил забирать деньги за заказ Марты. Держи, — она передала мне конверт. — Ты постаралась на славу. Клиентка в полном восторге. Ладно, прибирайтесь тут. Я буду у себя.

Конверт принёс бы мне большее облегчение, если бы мысли мои не были в ту минуту заняты Петером.

— Не хочешь кеды просушить? — весело поинтересовалась Франтишка.

Я переступила с ноги на ногу — пропитавшаяся водой обувь неприятно хлюпала.

— А ты расскажешь, что было раньше?

Закончив с лужей, Франтишка вздохнула.

— Ставь чайник. Глажка подождёт.

Непохоже, что ей в самом деле хотелось что-либо рассказывать. Но, согласившись, она не хуже меня понимала, что отступаться поздно. А потому Франтишка заварила чай, поставила на стол две чашки и, сделав глоток, начала:

— С Петером всегда было тяжело. Ещё когда он только пришёл к нам, все мы знали, что так будет. Знали, но молчали. Надеялись, что обойдётся, наверное. Конечно же, ничего не обошлось. И ситуация сложилась самая неприятная: он ещё недостаточно доверял нам, чтобы принять помощь, но мы уже чувствовали свою ответственность за него и не могли просто бросить, выгнать из агентства, потому что он явно не был способен работать. Неспроста же он пришёл сюда, верно? Искал какую-никакую поддержку. В агентстве тогда работали ещё двое кроме меня. Вот Маричка и попросила нас троих позаботиться о Петере. И кажется мне, сделала она это от безысходности. Ведь никто из нас по-настоящему не знал, как ему помочь. То, что ты видела сегодня, раньше

могло продолжаться по несколько дней. Бывали времена затишья, а потом снова напряжённые недели, когда Петер постоянно находился на грани срыва. Как ни пытались, мы не могли найти к нему подход. В большинстве случаев всё заканчивалось тем, что я применяла способность, чтобы успокоить его. А так проблему было не решить. Я чувствовала себя такой беспомощной и бесполезной. Да и остальные чувствовали то же.

Франтишка грустно смотрела в чашку, на своё рябящее отражение.

— Надо сказать, Петер всё это понимал. Он сам старался не меньше нашего, но ничего не выходило. Ему было плохо и тяжело, и я не знаю, помогали ли мы хоть сколь-нибудь. И всё равно он всегда извинялся за срывы, не просил помощи лишней раз, если мог — улыбался и говорил, что в порядке. Я думала: это неправильно, больше поддерживай его, выслушай или побудь жилеткой, если видишь, что ему это нужно. Разве это так сложно? — Она откинулась на спинку стула и подняла глаза к потолку. — Очень сложно. Я не могла переступить через себя, не могла взять чужой груз. Мне и своего хватало с головой.

— Тогда почему вы не обратились за профессиональной помощью?

— Мы хотели поступить так с самого начала. Но... Дело было в том, что Петер доверился нам с одним единственным условием: мы не подпустим к нему никаких психологов и врачей. Маричка делала на этом особый акцент. Нас не касается, что там такое произошло в его прошлом, мы не должны поднимать эту тему, иначе можем навредить. И мы добросовестно молчали. Буду честна, мысли о том, чтобы поручить Петера специалисту, посещали меня неприлично часто. В глубине души я считала его обузой, сколько бы этого не отрицала. Простое беспокойство о нём смешивалось с постоянными упрёками в свой адрес, неуверенностью, чувством вины. Долгое время в агентстве царил настолько гнетущая атмосфера, что мы ринулись искать работу на стороне, но и это едва ли помогало. Мы как будто сами себя загнали в угол. Не было правых и виноватых, не было выхода. До тех пор, пока один из нас не сдался.

Франтишка опустила голову. Её чай остывал.

— Неужели вы... — заканчивать фразу я побоялась.

— Мы его предали. — Голос Франтишки звучал совсем глухо. — Обставили всё как незапланированный выходной. Петер был очень рад выбраться в город вместе с нами, но когда увидел вывеску... Я так испугалась. В его глазах было столько всего, что мне захотелось упасть на колени и молить о прощении. Чувствуя его боль на расстоянии, я едва её выдерживала. А Петер просто... убежал. И мы не стали его останавливать. Не могли себе позволить. Мы ясно осознавали, что наделали. Выговор от Марички был последним гвоздём в крышку гроба. Тот, кто предложил эту ужасную идею, с того дня больше не работал в агентстве. А я... Наверное, Петер никогда меня не простит.

Она закрыла лицо руками. Съёжившаяся, скорбящая. Я опустила ладонь ей на плечо.

— Но сейчас ведь всё не так плохо.

— Спасибо Киру. — Франтишка отняла руки от бледного лица. — Знаешь, его Петер привёл в агентство. Мы уже и не надеялись, что когда-либо его увидим. А он пришёл, в гораздо лучшем самочувствии, чем мы помнили, так ещё и не один. Нам просто несказанно повезло.

Закончив на этом, Франтишка выпрямила спину и улыбнулась. Снова бодрая и жизнерадостная, словно рассказанное никак к ней не относилось. Меня же эта история наполнила чувством безграничной благодарности. Кир и Юлиан. До чего сильными они были, раз не переставая заботились о нас? Пусть их старания временами оказывались напрасны, в этом не было их вины.

Нет, это лишь означало, что мы должны стараться не меньше.

— Марта, смотри! Ну разве не симпатичная юбочка?

Франтишка просунула руку через шторку примерочной кабинки. Я лишь окинула свисавшую с вешалки юбку скептическим взглядом.

— Возьми же! Примерь хотя бы эту.

— Зачем, если носить всё равно не буду?

Из-за шторки донёлся обречённый вздох.

— Увидела бы, как тебе идёт, носила бы сто процентов! Когда-нибудь, клянусь, я найду способ и навсегда отобью у тебя охоту носить штаны.

Суматоха с одеждой началась после того, как Франтишка заявила, что «серое и бесформенное не красило ещё ни одну девушку». Мой скромный гардероб вызвал у неё почти карикатурное возмущение. С самого прибытия в Тьярну по магазинам я прошлась лишь однажды, в первые дни, когда Юлиан помогал мне закупиться необходимыми вещами. Мало того что я не знала хороших мест, так ещё и ходить одной было боязно.

В этом смысле мне очень повезло с Франтишкой. Она водила меня из магазина в магазин и настаивала на покупке всего, что хорошо сидело. Чем больше, тем лучше. Благо, денег у меня было достаточно. И эта приятная суэта выудила из памяти воспоминания о шоппинге с подружками, которого, похоже, мне давно не хватало.

— Скоро ты там? — торопила Франтишка в нетерпении.

— Уже готова.

Я отдёрнула шторку и наблюдала, как взгляд Франтишки из оценивающего превращается в восхищённый, а затем и в довольный, ведь одежду выбирала она. Нежно-розовая блузка с крупными рюшами на груди и тёмные бриджи. После привычных свободных рубашек и брюк такой приталенный и узкий наряд, очерчивающий фигуру, смущал меня почти до желания прикрыться.

— А ну-ка покрутись.

— Нормально смотрится? — сомневалась я. — Не странно? Блузка, мне кажется, слишком вычурная.

— О чём ты? Принцесса Катерина сейчас только такое и носит, неужели не видела? В Тьярне она главная законодательница моды. Потрясающе, как же тебе идёт! Обувь ещё подобрать... Будешь так ходить, твой Юлиан точно влюбится.

— Снова ты об этом, — застеснялась я, прячась за шторкой. — Всё, передеваюсь обратно.

— Отлично! — Франтишка хлопнула в ладоши. — С одеждой разобрались, остались украшения. У тебя ведь проколоты уши?

— Ага.

— Супер! Подберём тебе золотые серёжки. Знаю я одно местечко...

Пришёл сентябрь, но в городе ещё стояли последние тёплые деньки. Лица идущих с работы и на работу людей озарялись лёгкими улыбками, а когда мимо пробежала стайка шумных школьников, смеющихся и размахивающих портфелями, казалось, что лето вовсе не кончилось — лишь притаилось в тени деревьев и теперь игриво ждало, когда осень найдёт его и прогонит. На подоконниках пестрели цветы, в фонтанчиках плескались загорелые руки, ветер задувал в открытые окна автомобилей. Город жадно глотал остатки лета и никак не мог напиться.

Мы забросили пакеты с одеждой в машину, и Франтишка провела меня до конца торговой улицы к ювелирному магазину с броским названием «Золотой Чертог». От ослепительного блеска витрин в глазах рябило. Потому, зайдя внутрь, я оказалась совершенно дезориентирована. К счастью, помощь не заставила себя ждать. Подходящие мне серьги Франтишка нашла на удивление быстро, после чего принялась придирчиво подбирать что-нибудь для себя. Я отошла к выходу, чтобы не мешать ей.

А потом, устав от сверкающего со всех сторон золота, и вовсе вышла на улицу.

По бокам от двери магазина висели рекламные постеры, кричавшие о распродаже летней коллекции. Правда, вместо модели с постеров сиял безупречной улыбкой обаятельный шатен, и от его пальцев, сложенных как после щелчка, разлетались золотые искры. Стоять рядом с его фотографиями мне почему-то было неловко.

Пока я искала, чем бы развлечься в ожидании, мой взгляд упал на солидный чёрный автомобиль, припаркованный перед дорогим ателье мод. Прохожие тоже поглядывали на машину с любопытством. Долгие минуты ничего не происходило, и интерес мой почти иссяк, но тут дверь ателье распахнулась и на крыльце показался высокий мужчина в чёрном. Это был Бертран. Он придержал дверь, и следом из ателье вышла девушка, одетая совершенно не по погоде: плотно замотанная в шарф, в тёплом пальто и явно шерстяных колготках под короткой юбкой. Волосы её были убраны под платок. Бертран, точно телохранитель, аккуратно захлопнул за девушкой дверь автомобиля, подошёл к водительскому месту и недовольно осмотрел собравшуюся вокруг толпу. Вдруг заметив меня, он ничуть не удивился — лишь коротко кивнул, после чего сел в машину и завёл мотор.

— Да-а, нечасто увидишь принцессу Лукию в городе, — раздался сбоку голос Франтишки.

— Это была принцесса? — поразилась я, провожая уезжающий автомобиль взглядом.

— Ага. После той ужасной аварии она почти не покидает дворец. Бедняжка.

— Она... Это всё из-за магии?

— Угу, — отозвалась Франтишка, явно не собираясь ничего объяснять. Мысли её были заняты другим. —

Лвичек скоро возвращается.

— Лвичек? Кто это?

— А-а, Лайонел. Кажется, он завтра приезжает.

Кир, как и всегда, не выказал по этому поводу ни малейшего интереса. Петер, необычно спокойный и тихий, сидел рядом и не спеша пил кофе.

— Он тоже странник?

— Да, дольше всех здесь работает. Кстати, золотая дверь — его рук дело.

— В каком смысле?

— В прямом, — зевнул Кир. — Лайонел может превратить в золото всё, к чему прикоснётся. Но с дверью, по моему, это случайно вышло? — Он обращался к Петеру, но ответа не получил.

Смотря куда-то в окно, Петер имел вид задумчивый и несколько печальный. Не похоже, чтобы он слушал наш разговор.

— Кстати, помнишь мятные конфеты, которые вам бабуля подарила?

Я вдруг осознала, что те леденцы мы так и не принесли в агентство, забыв в машине.

— Просто ужас, — продолжал Кир. — Мне пришлось искать, где они продаются. Петер жёстко на них подсел.

— Ничего я не подсел, — отозвался он слегка обиженно.

— Ну конечно. У тебя все карманы хрустят от обёрток.

Нахмурившись, Петер ощупал карман брюк и, услышав характерный хруст, вздохнул.

— Что с тобой? — Хотя интонации в голосе Кира почти не изменились, его беспокойство было очевидным.

— Всё в порядке.

— А мне так не кажется.

— Плевать я хотел, что тебе кажется, — буркнул Петер. Резко встал из-за стола и вышел из кухни.

Воцарилась тишина. Я почувствовала себя нежеланным свидетелем, вжалась в спинку стула. Кир уронил голову на ладони. Мне ещё не доводилось видеть его таким расстроенным.

— Вы поссорились? — осторожно спросила я.

— Типа того. После срыва. Не знаю, моя опека ему надоела или что. Чёрт, эти его скачки настроения меня однажды доведут.

— Я поговорю с ним.

— Марта, не надо...

Но я уже выскочила в прихожую. Что подтолкнуло меня к столь решительным действиям? Простое нежелание видеть разлад среди коллег или нечто иное?

Петер курил на заднем крыльце. В гостиной я сбавила шаг и недолго наблюдала за ним через стекло. Потом постучала в дверь, привлекая его внимание, и вышла во двор.

— Ты что-то хотела? — произнёс Петер холодно и раздражённо, отчего я засомневалась в своих действиях.

— Не будь с Киrom таким...

— Каким?

Я замаялась. Терзавшее меня чувство невозможно было выразить словами. Наверное, не стоило и пытаться. Тело обдало горячей волной стыда. Привычное напоминание, что благородные порывы до добра не доводят.

Петер выдохнул дым мне в лицо — глаза заслезились.

— Не лезь в чужие дела, Марта. И оставь меня в покое.

— Д-да, извини.

Очередной укол совести. Вернувшись внутрь, я заперлась в ванной и просидела там почти полчаса, не смея показаться Киру на глаза. Хотя знала, что скрываться от него не было смысла. И когда я всё же пришла на кухню, он ничего не сказал.

Лишь предложил кофе.

Отражение в зеркале одновременно и нравилось мне, и нет. Будучи ещё маленькой девочкой, я мечтала стать модницей, когда вырасту. Хотела быть похожей на маму. А теперь, одетая по последней моде, я только и беспокоилась о том, что подумают другие. Резкая смена стиля точно вызовет подозрения, нехорошие подозрения.

Я вздохнула. Украшенная рюшами блузка казалась слишком праздничной, но Франтишка настояла. Она

попросила меня поехать вместе с ней на вокзал, встретить Лайонела. Очень попросила. Уточнить это у Франтишки я не стала, но предположила, что они с Лайонелом близки. Я же его совсем не знала. Зачем тогда нужна была моя компания?

Лестница закрипела под ногами. Яглянула вниз: судя по сложенному на диване постельному белью, Юлиан уже встал, несмотря на выходной. Как начался учебный год, по будням он уезжал на работу рано, не завтракая, а возвращался только к ужину. И хотя я проводила дни в агентстве, мне было немного грустно, что теперь никто не провожал меня по утрам и не встречал вечером.

— Завтрак почти готов! — крикнул Юлиан, услышав мои шаги на лестнице.

У порога кухни я остановилась, придирчиво осмотрела свой наряд. Показаться в таком виде перед Юлианом было особенно страшно. Ведь его одобрения я и ждала, и боялась больше всего.

— Доброе утро, — сказала я и сделала шаг.

— Доброе... — начал было Юлиан и вдруг замолчал, удивлённо смотря на меня.

На несколько секунд мы оба застыли. А потом он отвернулся, резко и суетливо, словно о чём-то вспомнил. Мне захотелось провалиться под землю.

— Ужасно выгляжу, да? — промямлила я.

— Нет, совсем нет! — опомнился Юлиан и снова обратил на меня взгляд. — Просто это так... неожиданно. Видеть тебя такой...

— Лучше мне надеть что-нибудь другое, — залепетала я, закрывая себя руками, пряча лицо и порываясь убежать.

— Погоди, Марта. — Юлиан схватил меня за руку, и сердце моё бешено заколотилось. — Извини, что так отреагировал, просто... Ты сейчас очень красивая.

Я вздрогнула. Видимо, достаточно сильно, потому что прикосновение Юлиана вдруг стало напряжённым. Украдкой яглянула на него и шепнула:

— Правда?

Он отпустил мою руку и потёр шею, отводя глаза.

— Да. Неужели думаешь, что я стал бы врать о таком?

Не то чтобы в его голосе звучала обида. Скорее, лёгкие расстроенные нотки. Я смутилась сразу от всего: собственной глупости, комплимента, очаровательности Юлиана. Уши мои горели.

— Мне уже пора.

Слова опередили мысли, а ноги понесли меня прочь без моего ведома.

— Но как же завтрак? — растерянно бросил мне вдогонку Юлиан.

— Всё в порядке, я не голодна!

Хлопнула дверь. Сбежав по лестничному маршу, я остановилась в углу площадки и прислонилась к стене, дожидаясь, пока уймётся сердцебиение. И эти несколько долгих минут я не могла перестать улыбаться.

Вокзал походил на Тьярну, как дитя на мать: такой же яркий и праздничный, но гораздо меньше и гораздо громче. Концентрат города в самой его сердцевине. Я даже опасалась, что у меня разболится голова.

И чрезмерно активная Франтишка только усугубляла ситуацию. Её нарядное платье, новое или же долгое время хранившееся в шкафу для особого случая, сияло на солнце мелкими блёстками. Поезд ещё не прибыл, но она уже взволнованно глядела по сторонам, металась вокруг скамейки, всматриваясь в лица проходящих по платформе людей.

— Фани, успокойся хоть на пять минут, бога ради, — не выдержала я. Мы приехали сильно заранее, и длительное ожидание действовало мне на нервы.

— Как тут успокоишься? — Она села на скамейку, только чтобы тут же снова вскочить на ноги. — Лвичек совсем скоро будет здесь, а я совершенно не готова!

— Готова? И что это должно значить?

— Ну, знаешь, юбка помялась, а я этого не предусмотрела, ещё и туфли неподходящие подобрала и надушиться забыла, как дура последняя. Кошмар! Как можно его так встречать? — Франтишка нервно похлопывала себя по щекам.

— Не вижу проблемы. Ты отлично выглядишь, а все эти мелочи мужчины, по-моему, вообще не замечают.

— Но Лвичек же не какой-нибудь мужчина, а очень даже конкретный.

— Вы с ним... типа встречаетесь?

Франтишка застенчиво потупилась.

— Ну-у, официально как бы нет, но, в общем-то, у нас всё серьёзно, наверное.

— Тогда чего ты переживаешь? Тебе ведь не нужно производить на него впечатление.

Покачавшись на носках, она с сомнением посмотрела на меня и тихо сказала:

— Просто его так давно не было, может, я и не нужна ему больше.

Её слова ввели меня в замешательство. По умолчанию я думала о Лайонеле как о хорошем человеке, но теперь к его образу примешалось что-то неприятное. Потому скорая встреча с ним стала волновать и меня.

Поезд прибыл. Мы отыскивали вагон бизнес-класса, встали поодаль, чтобы не мешать выходящим пассажирам. Стоило мне на мгновение отвлечься, как Франтишка сжала мою ладонь и выдохнула:

— Вот он...

Я перевела взгляд и увидела его на порожке вагона. Красная рубашка поло и солнечные очки. Небольшая спортивная сумка в руке. Он легко спрыгнул на платформу и помахал нам, широко улыбаясь.

В ту же секунду Франтишка бросилась ему на шею. Рассмеявшись, Лайонел нагнулся и обнял её за талию.

— Сегодня какой-то праздник?

— Твоё возвращение, — ответила Франтишка и расцепила руки. — Я скучала.

— Я тоже.

Они поцеловались. Я смущённо отвернулась, ожидая, когда меня представят.

— Ты не одна? — с намёком спросил Лайонел, и Франтишка опомнилась.

— Да, знакомься, это Марта, наша новая сотрудница.

Он снял очки — стёкла отразили солнечный луч. Из ослепительной вспышки его лицо проступило, точно портрет. Оно показалось мне смутно знакомым. Грива каштановых волос с золотистым отблеском и такие же золотисто-карие кошачьи глаза. Львиные черты, а вместе с ними и характерная гордая самоуверенность в голосе и движениях. И, конечно, безграничное обаяние. Не трудно было представить, каким успехом Лайонел пользовался у женщин.

— Рад знакомству, — он одарил меня чарующей улыбкой. — Надеюсь, тебе у нас нравится.

Я только кивнула.

Мы покинули вокзал, с облегчением оставляя его суету за спиной. Всю дорогу до машины Франтишка не отлипала от Лайонела, и я, как и боялась, почувствовала себя лишней. Подумалось о Юлиане. Хотелось бы мне таких же отношений с ним? Устыдившись подобных мыслей, я поспешила отогнать их.

— Добегу до магазина, куплю воды. Вам что-то взять? — протараторила Франтишка и, получив в ответ лишь пожимание плечами, засемила вниз по улице.

Наедине с Лайонелом мне почему-то стало неудобно. Не то из-за осязаемых взглядов, которые бросали прохожие, не то из-за его сияющей, затмевающей всё вокруг ауры. Как будто я стояла рядом со звездой.

— Ты не куришь? — спросил вдруг Лайонел и прислонился к багажнику жёлтой машины Франтишки.

Щёлкнула зажигалка. Он глубоко затянулся, задержал дым в лёгких и выдохнул тонкой струйкой в небо. В сторону от меня. Медленные расслабленные движения, исполненные уверенности. Было даже немного завидно, потому что мой живот скрутило в нервный комок.

— И всё-таки в Тьярне лучше всего.

Это прозвучало с неожиданной теплотой. Узел в животе ослаб. Я подняла глаза на Лайонела.

— А... где ты был так долго?

— Много где. — Он сделал ещё пару затяжек. — Своего рода командировка. Ювелирная компания «Золотой чертог» наняла меня как рекламное лицо. И как производителя золота высшей пробы, разумеется. Разъезжал по континенту всё лето, демонстрировал сезонные модели. Когда на глазах покупателей превращаешь блёклую побрякушку в первоклассное украшение, дамы готовы за него драться. Уж и не знаю, в золоте дело или в моём прекрасном лице. — Лайонел негромко посмеялся. — Видела рекламы со мной?

— Как-то... не обратила внимания, — ответила я и тут же вспомнила постеры на стекле ювелирного магазина.

— И хорошо. Мне на них смотреть тошно.

— Но, наверное, здорово было поехать по миру?

— Как сказать. — Он придавил окурочку мыском кроссовки. — Я лишь убедился, что везде, куда ни пойдёшь, всё одинаково.

Вернулась запыхавшаяся Франтишка, и мы наконец отправились. В агентство. Со слов Лайонела, нужно было отчитаться перед Марией.

Золотая дверь ввела его в некое подобие трансa. С минуту он смотрел на неё, а потом расстроено покачал головой.

Войдя в агентство, Лайонел глубоко вдохнул и произнёс:

— Хорошо быть дома.

Я не совсем поняла, что он имел в виду.

Пока Франтишка хозяйничала на кухне, Лайонел поднялся к Марии и пробыл у неё довольно долго. Видимо, она ждала его. Сверху не слышалось ни звука, а потому догадаться, о чём они могли разговаривать, было

невозможно.

— Сколько ещё? — ворчала Франтишка, топчась перед лестницей. — Любит же он потрепаться.

— С Марией разве потреплешься? — удивилась я.

— Они, м-м-м, в некотором смысле близки. Как старые друзья, наверное, можно так сказать. Маричка, должно быть, очень рада его видеть, вот и не отпускает. Хотя Лвичек же теперь каждый день на работе будет, а значит и поболтать ещё время найдётся. Чего тогда его сейчас держать, не пойму.

Наверху хлопнула дверь, и на лестнице показался Лайонел.

— Кстати, а кто предложил заняться озеленением? — он кивнул в сторону лимонного дерева. — Здесь уютнее стало.

— О, это забавная история! — вскрикнула Франтишка. — Между прочим, лимон у нас Марта выходила. И даже имя ему дала.

— Имя? В самом деле?

Я выдавила улыбку, пытаясь намекнуть, что эта глупость не стоит внимания.

— Ага-ага. — Франтишка так и пыхала энтузиазмом. — Давай, Марта, скажи, как ты его назвала.

Лайонел смотрел заинтриговано. Я сдалась. Спрятала глаза и ответила:

— Тим.

Несколько секунд в гостиной царил тишина. И вдруг Лайонел рассмеялся. Искренне и так по-доброму, что обидеться на это я просто не могла.

— Очаровательное имя.

Хотя в Тьярне всё ещё стояла тёплая погода, вечера были прохладными, и в нашу старую квартирку сквозь множество невидимых щелей проникал осенний ветер. Я кугалась в одолженный Юлианом свитер, утопая в его запахе, и согревалась чаем. В памяти ожили образы родного дома. Невольная тоска по нему, едва заметная, проросла в сердце и как будто ждала дождя.

— Значит, завтра пикник? — Юлиан сел рядом со мной на диван. — Как раз успеваете до похолодания.

— Фани даже из садика отпросилась, чтобы всё подготовить. Надеюсь, ничего не случится.

— А должно?

— Наверное, нет.

Мы помолчали. Рядом с Юлианом молчание всегда было особенно приятным.

— Где-нибудь в Тьярне продают чёрный хлеб?

Он непонимающе посмотрел на меня.

— Чёрный?

— Ну, в смысле ржаной.

Юлиан задумался.

— Где-нибудь продают. Не знаю, я его совсем не ем, у нас он как-то не распространён.

— Жалко. Дома в моём мире всегда был чёрный хлеб. Обязательно. Вспомнила, и мне сразу его захотелось.

— Вспоминаешь дом? — В голосе Юлиана промелькнуло беспокойство. Странное, точно оно не относилось ко мне напрямую.

— Почти нет. Это впервые за долгое время. Раньше я много думала о доме, о своём прошлом. О себе. А теперь совсем перестала. Вроде бы всё ещё хочу вернуть память, а вроде бы и без неё чувствую себя хорошо. Работа отвлекает. Собираюсь покопаться в воспоминаниях, но каждый раз забываю. Сейчас вот опять задумалась над этим, а завтра наверняка забуду снова.

— Может, оно и к лучшему?

Облегчение, звучащее в его словах, совсем мне не понравилось. Тягучее, похожее на отвращение чувство разлилось в груди.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что я превращаюсь в кого-то, кем не являюсь.

— Разве это плохо? Люди меняются, и это совершенно нормально.

У меня не было ответа. Не было оформленных чувств или мыслей. Только беспричинное желание больше не возвращаться к этому разговору.

Когда я приехала в агентство, там уже всю шла подготовка. Точнее, Франтишка, как подорванная, делала сэндвичи и нарезала фрукты, остальные же просто наблюдали её суетливые метания по кухне. Кир и Петер сидели на разных концах стола, словно незнакомцы. Лайонел поглядывал то на одного, то на другого, похоже, уловив возникшее между ними напряжение, но ничего не говорил.

— Марта! Ты как раз вовремя, — воскликнула Франтишка. — Сделаешь чай? Я всё объясню, термос вон там.

— А чего никого из мужчин не попросишь?

— Они так заворожённо на меня смотрят, что даже неловко их отвлекать, — театрально произнесла она, всплеснув руками. — А если серьёзно, то Кир ленится, а от Лвичека мы скорее получим золотой термос, чем чай.

— Зато его можно будет дорого продать, — подмигнул он. — А на полученные деньги нанять мастера чайных церемоний, если тут такие есть.

— Сомневаюсь. Да и много ли проку от него будет на пикнике?

— Я бы посмотрел на его лицо, — засмеялся Лайонел и обратился ко мне: — Тебе так не хочется готовить чай?

— Да нет, просто поинтересовалась.

— Есть ещё Петер, может, он согласится тебе помочь.

— О, нет-нет, — запротестовала Франтишка, — давайте без Петера, я не хочу потом вытирать чай с пола.

Кир вздрогнул. В глазах его одновременно отразились негодование и испуг. Но, прежде чем он успел хоть что-нибудь сделать, Петер заговорил:

— Вот, значит, как. — От его ледяного тона по спине у меня пробежали мурашки. — Получается, для вас я совсем беспомощный.

— Петер, я просто пошутила, — спохватилась Франтишка, но замерла под его взглядом.

— В каждой шутке есть доля правды.

Цокнув языком, Петер встал из-за стола и ушёл, хлопнув дверью. Мы лишь молча, в растерянности смотрели ему вслед.

— Фани, твою же мать. — Кир дёрнул её за рукав. — Следить за языком тебя не учили?

— Я не нарочно, — возмутилась она.

— Если бы ты такое сказала специально, будь уверена, я бы без колебаний ударил тебя по лицу.

Оторопев, Франтишка уставилась на Кира круглыми глазами. Лайонел, казалось, приготовился защищать её.

— Расслабьтесь, я утрирую, — махнул Кир рукой. — Поосторожнее со словами в присутствии Петера, забыла? Особенно сейчас.

— Знаю я. Просто вырвалось.

— Вырвалось у неё.

Окончательно раздосадованный, Кир поднялся на ноги и тоже вышел. Внутри у меня всё скрутило. Лайонел поймал мой взгляд и, покачав головой, пригласил сесть рядом.

— Не лучшее начало для пикника, — усмехнулся он.

— Можно подумать, у нас такое впервые, — бросила Франтишка и с двойным усердием взялась за сэндвичи. — Кир это как-нибудь уладит, как обычно.

— Но ты и правда переборщила, — аккуратно заметила я.

Франтишка выдохнула.

— Да, да, переборщила и чувствую себя виноватой, хватит меня тыкать, как котёнка в его же дерьмо. Боже. Давайте просто отменим этот идиотский пикник.

— Фани, не горячись, — примирительно сказал Лайонел. — Нам всем надо остыть. И лучше всего это сделать на природе. К тому же, пикник затевался в честь моего возвращения.

— Да. Прости за это. — Франтишка тряхнула головой и тут же повеселела. — Марта, ну что, займёмся чаем?

Втроём мы закончили с приготовлениями. Лайонел всё жалел, что на пикнике не будет алкоголя: отправлялись мы на двух машинах, а из всех, кто умел водить, выпивать отказался только Петер. Поэтому компромиссным решением стало не пить никому.

Дорогу показывала Мария. Когда мы вышли на улицу, Кир и Петер уже ждали у её машины. Я же присоединилась к Франтишке и Лайонелу.

— А плед или покрывало у нас есть?

— Мы не будем сидеть на земле, — отрезала Франтишка, вырубивая на проспект.

— Но мы же на пикник едем.

— Понимаю, что в этом смысл, но земля уже холодная. Середина сентября как-никак, и погода дела не меняет. Вы не беспокойтесь, в багажнике складные стулья и стол. Какая разница, на чём сидеть, главное, что на природе, — Франтишка довольно хмыкнула.

Лайонел улыбнулся и глянул на меня, мол, она права, но я лишь пожала плечами.

День был тёплым. Солнце только начало клониться к горизонту, золотило зелёные холмы и пушистые перелески, рассыпалось сверкающей чешуёй по водной глади прудов. В приоткрытые окна задувал ветерок и трепал волосы. Франтишка тихо напевала какую-то отдалённо знакомую мелодию, явно из нашего мира. У неё был очень красивый голос, и не знаю, от него ли одного или же от её способности, но мне стало так спокойно и хорошо, что потянуло в сон.

Только когда машина остановилась, я поняла, что в самом деле задремала. Мы приехали к берегу реки, на

небольшую поляну, обрамлённую редкими деревьями. Две узкие дорожки, проложенные автомобильными колёсами, едва виднелись в высокой траве.

— Давно я здесь не была, — протянула Мария, окинув взглядом поляну.

— Так и хочется всю эту траву скосить. — Франтишка потёрла руками.

— Можно колёсами примять, — предложил Лайонел, уже достававший из багажника стол.

— Хорошее место, — сказала я.

Мария чуть задумчиво кивнула.

Примяв маленький пятачок травы, мы разложили стулья и принялись за еду. Напряжение рассеялось, и даже Петер заметно расслабился, хотя и вёл себя отстранённо. Дышалось легко, и что-то неуловимо ностальгическое витало в воздухе.

Греясь на солнце, мы безмятежно болтали. Лайонел рассказывал о своей работе в «Золотом Чертоге», о городах, в которых побывал, о других странниках, встретившихся ему во время путешествий. Франтишка слушала с упоением, и глаза её блестели так по-детски, что я невольно умилялась. Хотя мне и самой было безумно интересно узнать о жизни за пределами Тьярны. Кир пусть и участвовал в разговоре, явно больше беспокоился о Петере. А в выражении лица Марии, несмотря на присущее ей безразличие, читалось нечто похожее на гордость.

Я поймала себя на мысли, словно нахожусь в кругу семьи.

Когда разговор перетёк на общие темы, я кое о чём вспомнила.

— Фани, ты не знаешь, где в Тьярне можно найти ржаной хлеб?

Вопрос точно застал её врасплох. Замерев на несколько секунд, она наконец ответила:

— Не знаю, честно говоря. И теперь мне интересно, почему я сама не пыталась его найти.

— Можем поискать вместе.

— Я бы тоже искал, — присоединился вдруг Кир. — Раньше я без чёрного хлеба жить не мог. Странно, что совсем про него забыл здесь.

— Если что, испечём сами. Домашний хлеб самый вкусный! Особенно, если Кир к нему руку приложит.

— Даже не пытайся, помогать не буду.

Стоило только нам немного развеселиться, как Петер встал и холодно произнёс:

— Продолжайте без меня.

Волоча за собой стул, он отошёл на край поляны и сел там в одиночестве. Смотрел куда-то в сторону реки, которая, похоже, нисколько его не интересовала.

— Что теперь мы сделали не так? — вздохнула Франтишка.

— Какая разница. — Лайонел закурил и откинулся на спинку стула. — Если он хочет побыть один, пускай. Не будем его трогать.

— Или так он, наоборот, просит внимания, — негромко заметил Кир.

— Возможно, — согласилась Мария, до этого момента сохранявшая молчание. Она посмотрела на Киру и кивнула. — Иди.

И он, облегчённо улыбнувшись, поспешил к Петеру.

Посидев за столом ещё немного, Мария сказала, что хочет пройтись, и ушла в направлении ближайшего перелеска. Разговор продолжился, но вскоре Франтишка и Лайонел болтали уже вдвоём, точно забыли про меня, поглощённые друг другом. Тогда я тоже оставила их, чтобы не мешать, и зашагала к реке. Противоположный берег её, высокий и обрывистый, был усеян множеством норок, у которых щебетали и сутились ласточки-береговушки. Что-то вдруг зашевелилось в памяти, забило в сдерживающую её стену, но так же быстро успокоилось, словно выдохшись.

В высокой траве я разглядела узкую песчаную отмель. Она поблёскивала и сверкала влажными камушками. Присев на корточки, я положила ладонь на мокрый песок, увязла в нём пальцами. Вспомнилось детство. Деревня и домик у озера, куда мы всей семьёй приезжали летом. В жаркий сезон вода отступала, обнажая песчаное дно. Тогда мы с двоюродным братом выбирались на берег и возводили на песке города, окружали их рвами и каменными стенами. А потом наблюдали, как их размывают вечерние волны.

Холодная вода лизнула ладонь, и воспоминание отхлынуло. Закатное солнце больно ударило в глаза. Я выпрямила спину, обернулась: Лайонел и Франтишка всё так же сидели за столиком и вместе курили. Нарушать их идиллию сейчас было бы подло.

Захлопали крылья. Стайка ласточек сорвалась с берега и взмыла в небо, закружилась над рекой. Я засмотрелась на их причудливый танец. Взгляд выхватил из серого птичьего облака золотистое мерцание. В этот момент звуки исчезли, растворились, вытесненные из сознания знакомым голосом, тем самым, что однажды позвал меня по имени. «Слышала? — весело спросил он, а я продолжала неотрывно смотреть в небо. — Говорят, ласточка с золотым крылом может исполнить любое желание».

Вдруг я ощутила присутствие кого-то совсем рядом. Протяни руку и коснёшься. Но стоило ветру подуть чуть

сильнее, как этот кто-то исчез. Растаял в воздухе, точно призрак.

— Марта! — окликнула Франтишка, и я вздрогнула. — Холодает что-то, поедem домой.

Мария вернулась. Кир и Петер о чём-то спокойно говорили неподалёку. Лайонел бодро складывал стулья. Его красная ветровка, всю дорогу пролежавшая на заднем сидении автомобиля, теперь покоилась на плечах Франтишки.

— За чем ты так увлечённо наблюдала? — весело поинтересовалась она, когда я подошла ближе.

— За ласточками.

— А-а-а, — с интонацией знатока протянула Франтишка. — Наверное, к перелёту готовятся. Знаешь, ласточек считают посредниками между жизнью и смертью. Почему, интересно?

— И правда, почему?

Я взглянула в последний раз на противоположный берег: птицы суетились у норок, как и раньше.

По дороге домой мысли мои занимал тот голос. Голос из прошлого. Он не принадлежал никому из тех людей, кого я помнила, но казался до боли близким и как будто любимым. Я чувствовала, человек, что владел им, занимал в моём сердце особое место. Вспомнить бы только его лицо.

Ночью мне снились ласточки.

Воспоминание: Смотровая вышка

Я вернулась домой.

Сколько времени прошло? Наверное, много. В квартире стоял тот особенный запах, который слышишь только после долгого отсутствия. За порогом моей комнаты поселилась пыль. На душе было скорее радостно, чем нет, но родители не спускали с меня обеспокоенных взглядов. Где же я пропадала всё это время?

Лето наступило незаметно. Не успела оглянуться — и уже июнь. Шумная и нарядная Москва расцветала с каждым тёплым днём, но как бы я ни любила свой город, его по-летнему праздничная суэта не переставала раздражать меня. Странно, раньше всё было иначе. Однако в чём заключалось это «иначе», вспомнить я не могла.

— Мне очень жаль, — говорила мама так тихо, что приходилось читать по губам. Она не смотрела мне в глаза, лишь изредка косилась. — Никто не мог знать, что такое случится. Мы с папой полгода эту поездку планировали, и отменять её теперь... Нас не будет всего-то три недели. Тебе сейчас, конечно, нелегко, но ты ведь справишься тут без нас?

Голос выдавал её неуверенность. И потому маме вдвойне нужно было моё согласие. Что ещё я могла ответить ей?

— Да, справлюсь как-нибудь.

Дни больше не существовали. Они складывались, точно пластиковые стаканчики, порой так плотно приставая друг другу, что двое суток проходили как одни. Я затерялась где-то в середине этой пластиковой башни, словно присохший к доньшку сироп.

Наверное, поэтому солнце не разбудило меня.

Когда я открыла глаза в то утро, часы показывали половину одиннадцатого. Воздух в комнате был холодным, небо в просвете штор — пасмурным. Я плотнее закуталась в тёплое одеяло. Дышалось с трудом, будто на грудную клетку давил тяжёлый камень. Почему же она не сломалась под его весом, будучи такой пустой?

Второй раз я проснулась уже после полудня.

Холод проникал под одеяло и покрывал кожу мурашками. Собравшись с силами, я поднялась и прикрыла окно над кроватью. Протёрла глаза. Марта спала на ковре возле двери, свернувшись плотным клубком. Видимо, тоже замёрзла.

Я рухнула обратно на подушку. И провалялась ещё минут пятнадцать, пока голова не начала гудеть. Странно, что мама не подняла меня к завтраку.

— Точно. Они же уехали вчера.

Я забыла, что осталась одна.

Но это ничего не меняло, ведь я была одна уже очень долгое время. В пузыре из толстого стекла, не подпуская никого близко. Только отчего-то мне мерещилось, что стенки пузыря растянулись. Эта появившаяся под боком пустота предназначалась не для меня. Но для кого?

Я бы проспала весь день, если бы могла. Уснуть больше не получалось. Но и заниматься чем-либо не было желания. Зато, несмотря на всё не проходящую усталость, меня потянуло на свежий воздух.

В тот день я впервые вышла из дома с начала летних каникул. Сложно было поверить, что я провела в четырёх стенах целый месяц. Чужое отражение в зеркале лифта, гулкий полутёмный подъезд — всё это казалось нереальным, точно сон.

Зонтик я не взяла. А дождь начался очень скоро. Ветер то и дело срывал капюшон, так что приходилось придерживать его пальцами; мелкие капли брызгали в глаза, заставляя щуриться. Я брела по ближайшему парку, не разбирая дороги, пока ноги не принесли меня на неприметную аллею, где я раньше никогда не бывала. Хотя думала, что знаю этот парк вдоль и поперёк.

Чуть впереди, сбоку от грунтовой дорожки, виднелась смотровая вышка. Три лестничных марша и крытая квадратная площадка. Краска на перилах и ступеньках облупилась, доски посерели. Там можно было укрыться от дождя. Я поднималась осторожно, и лестница негромко скрипела под моими шагами. Перила неприветливо щетинились, грозя занозами.

С вышки открывался вид на небольшой луг — пойму местной речушки. Ветер пускал по высокой траве зелёные волны и задувал под крышу, обдавая мои щёки дождём. В запахе сырой земли хотелось раствориться. Если бы только это чувство можно было запечатлеть, чтобы возвращаться к нему перед сном.

Я встала вплотную к перилам и подставила лицо ветру. Он опустошал мою голову, а дождь смывал тоску, плескавшуюся в горле. Я закрыла глаза, раскинула руки в стороны. Тогда моё тело начало терять вес. Опора ушла из-под ног, будто меня подняло в воздух, а ветер мягко раскачивал, убаюкивая. Не осталось ничего, кроме шума дождя. В груди разлился тёплый покой. И хватило бы лишь одного лёгкого толчка, чтобы я полетела вниз...

Руки вцепились в перила.

Пошатнувшись, я отступила на два шага.

Тело обдало холодом. Тучи сгустились над горизонтом, воздух стремительно остывал. Я спрятала ладони в рукава толстовки. Пора было возвращаться домой.

Спустившись с вышки, я ещё раз посмотрела на луг. В темноте сумерек, за пеленой дождя он выглядел траурно-печальным и брошенным, забытым за ненужностью. Не это место должно было стать моим последним пристанищем. Призрачная боль, тянувшаяся к нему от моего сердца, уже принадлежала кому-то другому. Кому-то, чья тень пряталась в моём стеклянном пузыре.

Я не помню, когда впервые пожелала исчезнуть. Оказаться где угодно, лишь бы больше не быть здесь. Не помню, сколько раз эта мысль возвращалась ко мне, пока однажды не затаилась в уголке сознания.

В тот день, давший начало июльским дождям, она снова всплыла на поверхность.

И тишина, словно выжидавшая момент, отозвалась отеческим голосом: «Я могу исполнить твоё желание».

На кромке льда

Воспоминание выбило меня из колеи.

Моя жизнь до прихода в Тьярну. Моё желание. Чувства. Живые, тяжёлые, болезненные. Стало противно. Я ждала, когда память вернётся, но открывшаяся истина оставила меня сокрушённой, мучительно бессильной и ничтожной. Как бы ни пыталась, я не могла отделаться от этих чувств. Пусть и разбуженные прошлым, они были слишком настоящими.

Мне не хотелось никого видеть. Заказов не поступало, а потому я перестала приезжать в агентство, сославшись на болезнь. В квартире было холодно и одиноко, но покидать дом без надобности казалось выше моих сил.

— Это пройдёт, — успокаивающе говорил Юлиан, принося мне в комнату горячий чай. — Нет ничего страшного в том, чтобы грустить иногда.

— Я запуталась, Юлиан. Не знаю, как быть дальше. Если мои последние воспоминания все такие, то я не хочу вспоминать. Но тогда я ничего о себе не узнаю.

— А нужно ли тебе это узнавать? — Он сел ко мне на кровать. — Здесь у тебя совсем другая жизнь. И ты можешь стать совсем другим человеком. Тебе ведь не нравится прошлая ты?

Я помотала головой, стяхивая неприятные ощущения.

— Тогда разве не хорошо, что ты всё забыла? Так будет проще построить себя новую.

— А если я продолжу вспоминать? Если этот процесс уже не остановить? Мне кажется, больше я не выдержу.

— Ты не будешь вспоминать, если не хочешь этого. — Юлиан погладил меня по волосам. — В этом я уверен. Просто думай о прошлом поменьше, и всё будет в порядке.

Его поддержка была нужна мне как воздух.

И в то же время я начала осознавать свою беспомощность. Свою зависимость от других людей. Что бы стало со мной, не найди меня Юлиан тогда на берегу реки? Освоилась бы я в Тьярне, если бы не Франтишка? Не будь агентства, нашлось бы мне место? Точно осенний лист, я болталась в воздухе, подхватываемая то одним порывом ветра, то другим. И если бы ветры затихли, я бы мотылялась по мостовой, пока меня бы не растоптали ботинки прохожих.

Невольню я возвращалась к прежней жизни, которую не желала принимать.

Спустя неделю моего затворничества из агентства позвонили. Юлиан только ушёл на работу, и я разогревала оставленный мне завтрак, когда тишину нарушила пронзительная телефонная трель.

— Как твоё самочувствие? — звучал в трубке голос Кира. — Можешь приехать? У нас тут внеплановая проверка, желательно присутствие каждого. Фани тебя подберёт.

Он сбросил, не потрудившись ничего объяснить. Хотя мне не нужны были объяснения, чтобы понять, что я не хочу никуда ехать. В то же время, продолжи я и дальше безвылазно сидеть дома, это точно не пошло бы мне на пользу.

Франтишка чуть нахмурилась, увидев меня, и вышла из машины, чтобы открыть мне дверь.

— Как ты? Выглядишь паршиво.

— Знаю, — сипло ответила я.

— Если тебе плохо, останься дома. Не долечишься сейчас — только хуже будет.

— Я не болею. Это просто... из-за воспоминаний.

Пристально всмотревшись мне в глаза, она вздохнула:

— Понятно.

И завела мотор.

— Ты не спросишь, что я вспомнила?

— Не нужно. Ясно, что ничего приятного, да и до сути догадаться несложно. Все через это прошли.

— Все?

— Рассказы о прошлом под запретом, помнишь? Но если хочешь выговориться, я выслушаю.

В груди заныло.

— Не сейчас, — сказала я, сжав кулаки. — Лучше объясни, зачем нас собирают.

— А, сегодня рыцарская инспекция. Проверят наши источники магии.

— Рыцарская инспекция?

— Ты не знаешь про Рыцарей? Это королевская спецслужба. Занимается обеспечением безопасности на континенте и делами странников заведует. Такое вот сочетание. А королевская она потому, что подчиняется королям и королевам.

— Я думала, у монархов больше нет реальной власти. Или это только в Тьярне?

— Нет, но короли-то никуда не делись. Слышала же про Континентальный Совет? Он появился, когда королевства образовали союз. Ну, понятно, надо же было монархам как-то собираться и обсуждать общие дела. И они это до сих пор регулярно это делают.

— Получается, Рыцари выполняют указания Континентального Совета?

— В точку! И сегодня у нас проверка! Надеюсь, мой источник наконец стабилизировался. Уже устала ждать
Приглашение.

В агентстве, несмотря на внешнее спокойствие, ощущалось напряжение. Кир и Петер вопреки обычаю были в гостиной.

— Приехали? — взволнованно спросила Франтишка с порога.

— Ага, Лайонел уже поднялся, — отозвался Кир, лениво растянувшийся на диване. Петер расхаживал туда-сюда вдоль стены и нервно заламывал пальцы.

— Ох, скоро моя очередь! — Франтишка в нетерпении запрыгала на месте.

— А в каком порядке мы идём? — спросила я.

— «По старшинству», типа в порядке прибытия в этот мир.

— Значит, я последняя?

— Долго ждать не придётся, — сказал Кир.

И через пару минут Лайонел спустился к нам. Сияя, Франтишка тут же взбежала по лестнице, и я услышала как хлопнула дверь кабинета Марии. Без видимой причины мне вдруг стало тревожно. Может быть, просто сказывалось моё подавленное состояние.

— Марта, как ты себя чувствуешь? — улыбнулся Лайонел. — Выглядишь грустной. Ничего не случилось?

Я только мотнула головой, пряча глаза.

— Ну, что рыцари сказали? — поинтересовался Кир.

— Что всё отлично. Источник стабилен, и я могу рассчитывать на Приглашение в ближайшее время.

— Почему же вы все так туда рвётесь? — процедил Петер, перестав мерить шагами гостиную. — К какому-то неясному вознаграждению.

— У каждого свои причины, — развёл руками Лайонел. — И ничто не мешает тебе отказаться от Приглашения. Правда, я думал, что как раз ты с радостью бы его принял. Учитывая твои... — Он замаялся и потёр щеку. — Разве ты не хочешь пойти дальше, в лучший мир?

— Даже если такой мир есть, этим обещаниям я больше не верю.

Словно утомившись, Петер сел на диван и перевёл дыхание.

— Было бы неплохо, не получи я Приглашение вообще. Но *они* вечно ведут себя так, как будто это необходимо, как будто это наша обязанность. Помню, мне говорили, что *здесь* я никому ничего не буду обязан.

Он замолчал, печально смотря себе под ноги. Кир легонько похлопал его по плечу.

Вернулась Франтишка. Расстроенная. Поникнув, она вяло переступала со ступеньки на ступеньку.

— Плохие новости? — спросил Лайонел.

— Не понимаю, в чём дело, — хмуро ответила Франтишка. — За три года всё точно должно было стабилизироваться. Но нет, они сказали, ещё недостаточно. А я ведь всем рекомендациям следую, изо всех сил стараюсь!

— Ну-ну, это очень индивидуальный процесс. В чём-то лучше довериться своему организму и немного подождать.

— Просто мне обидно. — Она прижалась к груди Лайонела. — Я, знаешь, мечтала, что мы с тобой уйдём вместе. Разве было бы не здорово? А теперь одному богу известно, как скоро Приглашение получу я.

— Эй, не сдавайся раньше времени. Если хочешь, я дождусь тебя, — сказал он, приобняв её за плечи. Но почему-то его слова показались мне натужными.

Следующей была очередь Петера. Обернувшись, я с удивлением обнаружила, что на диване он уже не сидел. Огляделась: нигде в гостиной его не было.

— А Петер...

— Исчез, — бросил Кир. — Исчез и ушёл. Почти сразу, как Фани спустилась. Ты не обращай внимания, ему эти осмотры тяжело даются.

— Как будто есть что-то, что даётся ему легко, — обронила я.

— Твоя правда. — Кир поднял глаза в сторону кабинета. — Хоть бы сегодня всё обошло...

Наверху оглушительно грохнула дверь. Я вздрогнула. Кир вскочил на ноги. По лестнице сбежал Петер, взвинченный, красный от злости.

— Этого ублюдка... ненавижу... — шипел он.

Кир шагнул ему навстречу, хотел что-то сказать, но Петер толкнул его плечом и вышел на задний двор. В окно

было видно, как он трясущимися руками пытается прикурить.

— Я с ним поговорю, — сказал вдруг Лайонел и вышел на улицу следом.

В наступившей тишине Кир молча поднялся на второй этаж.

— Пожалуй, сварю кофе, — пролепетала Франтишка, делая шаг в сторону кухни. Взгляд её метался по полу и стенам, но не находил себе места.

Я опустила на диван. Голова потяжелела. При мысли о том, что мне вот-вот придётся встретиться с рыцарями, хотелось сбежать или хотя бы спрятаться. Однако разве у меня был выбор? Я этого совершенно не чувствовала.

Кир вернулся так же тихо, как и уходил. Лицо его помрачнело, но я бы не смогла определить, что стало тому причиной. Окинув глазами опустевшую гостиную, он глухо произнёс:

— Тебе пора. Они ждут. Кажется, даже с нетерпением.

Живот скрутило. Собрав остатки сил, я встала на ноги.

— Мария там, — кивнул Кир на кабинет. — Если что-то будет тебя напрягать, сразу говори ей.

Никогда ещё подъём по лестнице не давался мне с таким трудом. Я была уверена, что потеряю сознание прежде, чем увижу дверь кабинета. Но вот она выросла передо мной, пугающая во много раз больше, чем обычно. Дрожащие пальцы постучали костяшками по гладкому дереву и потянулись к ручке.

— Здравствуй, Марта. — Ровный голос Марии привёл меня в чувства. — Проходи. Позволь представить тебе наших гостей.

Их было двое. Мужчина и женщина в тёмно-синих костюмах с сияющими серебряными эмблемами на груди: лошадь, взвившаяся на дыбы, и два скрещённых меча.

— Это Рей и Рут. Рыцари, прибывшие провести инспекцию. Полагаю, тебе уже объяснили, что это значит.

— В общих чертах.

— Госпожа Овертон, верно? — обратилась ко мне Рут. — Насколько мне известно, сегодня ваша первая инспекция. По такому случаю от лица королевской семьи и от лица Рыцарей приветствую вас в Тьярне. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

Она протянула руку. Нерешительно, я пожала её ладонь. Глянула на Рея — тот лишь усмехнулся, встретив мой взгляд.

— Сначала я задам вам несколько общих вопросов. — Рут взяла со стола планшет и закрепила на нём чистый лист бумаги. — Прошу вас отвечать честно.

Она спрашивала, когда я прибыла и где проживаю, с кем общаюсь и как провожу время. Ожидаемые вопросы, которые почему-то вызывали во мне тревогу. Отвечая не спеша и без подробностей, я рассматривала рыцарей, отчасти пытаясь понять, что же меня беспокоит.

Рут располагала к себе, пусть и держалась строго. Высокая и подтянутая, с тёмными, коротко стриженными волосами и острыми чертами лица. Тонкие губы плотно сжаты, пытливые глаза сужены. Сосредоточенная, с твердым голосом и отчётливым выговором — образцовый инспектор в отличие от Рея, который расслабленно опустил плечи и, казалось, витал в облаках. Красивое, с чуть нахальным выражением лица, едва не доходящие до плеч волны соломенных волос. Даже форменный костюм с туго затянутым галстуком смотрелся на нём чужеродно.

— Теперь, — Рут отложила планшет и достала из кармана пиджака топазовые очки, — мне нужно оценить состояние вашего источника магии.

Голубоватые линзы сделали её взгляд острее, до осязаемого покалывания на коже. Пару минут она внимательно изучала мой источник, после чего снова взялась за планшет.

— Как вы себя чувствуете? Есть ли что-то, что постоянно вас тревожит или угнетает?

— Думаю, да, — тихо ответила я.

— Внешние обстоятельства или же внутренний конфликт?

— Почему это вас интересует?

— Для нас важно психологическое благополучие странников. Мы, Рыцари, можно сказать, представляем хозяев этого мира и потому заботимся о том, чтобы гости остались довольны своим пребыванием здесь. У странников часто обнаруживаются проблемы личного характера, и мы стараемся способствовать их решению. Это часть нашей работы.

— Всё просто, — заговорил вдруг Рей. — Чем лучше вы себя чувствуете, тем быстрее стабилизируется ваш источник. А значит раскрывается потенциал вашей способности. К тому же, это приближает вас к получению Приглашения.

— Я не совсем понимаю. Сейчас многие странники не используют своих способностей, разве не так? И Приглашение тоже интересует не всех.

— Конечно, это всего лишь вытекающие из стабилизации источника. Ваше благополучие, физическое и

психологическое, является для нас главным приоритетом, — твёрдо сказала Рут.

— А вы сами неужели не хотите избавиться от того, что гнетёт вас? — бросил Рей с улыбкой.

— Ну, я...

— Мы с радостью предоставим вам квалифицированную помощь. Лучших специалистов. Они быстро приведут вас в норму.

— В норму? — Горло сдавило так, что стало трудно дышать. — Считаете, я больна...

— Предлагаю закончить на сегодня, — произнесла Мария, и охватившее меня марево мигом рассеялось. — Для первого раза этого будет достаточно?

— Конечно, — кивнула Рут. — Спасибо, что ответили на вопросы, госпожа Овертон.

— Идём, Марта.

Мария подхватила меня под локоть и потянула в коридор. Казалось, без её поддержки я могла бы упасть в любой момент. Но когда мы минули последнюю ступеньку, мне удалось взять тело под контроль.

— Дальше я сама, Мария.

Она посмотрела мне в глаза, задержав взгляд чуть дольше обычного.

— Инспекции не всегда бывают приятными. Не принимай их близко к сердцу.

Похлопав меня по плечу, Мария развернулась к лестнице.

— Передай остальным, что на сегодня я вас отпускаю. Можете отдыхать.

Каблуки застучали вверх. Провожая взглядом её спину, я вспомнила о маме. О тех редких моментах, когда она утешала меня. И пусть руки её были холоднее, чем хотелось бы, а слова — жёстче, я бы многое отдала, чтобы снова оказаться в её объятиях.

После кофе Франтишка предложила отвезти меня домой. Я отказалась. Устала от компании.

Хотя в трамвае людей было в разы больше, чем в агентстве, мне ничего не стоило отстраниться от них. Отгородиться толстым стеклом пузыря, который, похоже, я пронесла с собой в этот мир. Только от собственных переживаний он не защищал. Они смешались и сжались в пульсирующий колючий комок, что не переставая скакал и царапал меня изнутри. Хотелось вытолкнуть его из себя, вытошнить, но я понимала, что, даже если вывернусь наизнанку, он продолжит терзать меня. Так глубоко он сидел.

Жаль, нельзя заставить трамвай ехать быстрее.

В тишине квартиры мне стало легче. Закрыв дверь, я выдохнула и расслабила плечи. Разулась, скинула пальто. Ватные ноги ни за что бы не подняли меня в спальню. Нужно было добраться хотя бы до дивана. Я сделала несколько шагов.

Но на пороге гостиной остановилась. Испугалась в первую секунду, потом же застыла в недоумении.

— Извини, что не предупредила.

На диване, рядом со стопкой постельного белья, сидела Мария и листала какую-то книгу. Так, словно это было обычное дело.

— Как ты?..

— Дверь была не заперта.

Меня передёрнуло. В каком состоянии я уходила утром, раз забыла запереть дверь?

— Милая квартира. — Мария отложила книгу и встала. — Вижу, ты серьёзно подошла к изучению своей способности. Столько зелени, как в оранжерее.

— Почему ты здесь?

Медленно простучав каблуками к окну, она обернулась на меня.

— Инспекция прошла не лучшим образом. Решила справиться о твоём самочувствии. К тому же, в агентстве я не могла сказать тебе всё, что хотела.

Совершенно незнакомым мне жестом, но с уверенностью привычки Мария смахнула со лба чёлку, которая тут же упала обратно, и ощупала серёжку на правом ухе. В её глазах, отчего-то особенно синих в ту минуту, зрела эмоция, неясные блики которой меня настораживали.

— Может, чаю? — предложила я, попутно заглядывая в кухню. Чайник стоял на плите. Я нахмурилась, но рассудила, что могла оставить его там в утренней спешке.

— Не стоит, — ответила наконец Мария. Странно было видеть её такой задумчивой. — Мне уже пора возвращаться к работе. Так что внимательно выслушай, что я хочу тебе сказать. И не задавай вопросов. Условия ясны?

Я кивнула, не до конца уверенная в том, на что соглашаюсь.

— Тебе должно быть известно о табу. Однако я давно заметила твой интерес к запретным темам. — Мария смотрела холодно. — Понимаю, амнезия не даёт тебе покоя, но она не делает тебя исключением из правил. Это не выговор, я всего лишь хочу предупредить тебя. И обезопасить. За время твоего пребывания здесь пройдёт ещё не

одна инспекция. Перед рыцарями держись уверенно и спокойно, принимай их советы, не возражай, не пытайся спорить. Будет тяжело — эмоционально отстраняйся от всего, что они говорят. Как бы ни было на самом деле, старайся показать, что упорно работаешь над своим источником. Не упоминай прошлую жизнь. Проси помощи, только если действительно нуждаешься в ней. Не выказывай недовольства в отношении этого мира, если не можешь отозваться хорошо, то говори нейтрально или не говори ничего. Помни, молчание — твоя главная защита. Рыцари не заставят тебя говорить через силу. — Мария сделала паузу, словно проверяла, внимательно ли я слушаю. — Ещё одно важное правило: никаких обсуждений прошлой жизни в стенах агентства. Вспоминать бытовые и культурные особенности можно, но только в рамках сравнения, без выражения тоски по чему-либо. За пределами агентства говори о чём угодно, но подальше от посторонних ушей. И грамотно выбирай собеседника. Впрочем, это тебе, полагаю, объяснять не надо.

Ошарашенная потоком обрушившихся на меня слов, я молчала. Мария ждала не больше минуты.

— Надеюсь, суть ты уловила. Нужно время, чтобы всё улеглось, поэтому можешь пропустить ещё пару рабочих дней. Если возникнут какие-либо сложности, первым делом обращайся ко мне.

— Но... как мне обратиться, если о проблеме нельзя говорить?

Прикрыв глаза, Мария чуть улыбнулась.

— Попроси куда-нибудь тебя подвезти. Франтишка и Кир иногда бывают заняты.

Как по щелчку пальцев эмоции пропали с её лица. Отыскав глазами каждый из многочисленных цветочных горшков, будто пересчитав их, Мария вышла в прихожую. Я слышала шорох её пальто, бряцанье сумочки, но была не в состоянии сделать даже шаг, чтобы проводить внезапную гостью.

Скрипнула входная дверь, и вдруг всё стихло. Я обернулась: Мария задержалась на пороге.

— Ещё кое-что. Насчёт твоего Юлиана. — Она помолчала, дождавшись, когда полностью захватит моё внимание. — Будь осторожнее. Его намерения могут обернуться совсем не тем, что ты себе вообразила. Хорошенько подумай, прежде чем о чём-то ему рассказывать.

Окинув меня последним взглядом, Мария хлопнула дверью.

И с этим хлопком внутри меня что-то надломилось. Треснуло, и из появившегося просвета начало сочиться густое, вязкое отчаяние. Сердце заметалось в груди. Мне нужно было найти хоть что-нибудь, что могло опровергнуть слова Марии. Но в глаза бросались только тревожные знаки.

Стопка постельного белья на диване. Юлиан рано вставал на работу и в последнее время перестал убирать постель. Я хорошо помнила, в каком состоянии она была, когда я уходила. А Мария скорее бы села на смятую простынь, чем соизволила навести порядок в чужой квартире. Подводила ли меня память?

Чайник на плите. Действительно ли я оставила его там? Сквозь призму сомнения он выглядел зловеще. Блестел круглым боком, будто бросал мне вызов. И я его приняла. Неуверенно коснулась пальцами — гладкий металл оказался тёплым. Словно воду кипятили совсем недавно. Час назад. Может, чуть больше.

По спине пробежали мурашки. Складывающаяся картина пугала, и как бы я ни пыталась убедить себя, что это просто игра воображения, невольно взгляд выхватывал и другие мелочи: ещё не высохшие капельки воды в раковине, две лишние чайные ложки в сушилке, непривычно сдвинутые кухонные табуреты. Что-то было не так. От мысли, что Юлиан хранит от меня секреты, ноги мои подкосились. Я пошатнулась, врезалась плечом в холодильник, обессиленно сползла на пол. Отчаяние заполнило моё нутро до половины и остановилось. Сомнения перекрыли его поток.

Всё, что мне оставалось, это ждать ответов.

Он вернулся поздно вечером, как обычно. Я даже не спустилась его встретить, мне было слишком плохо, голова раскалывалась, и живот сжало спазмами до тошноты.

Юлиан поднялся сам. Согнал с меня дремоту скрипучими шагами на лестнице. Заволновался, увидев, что я лежу в темноте.

— Что с тобой, Марта?

Он включил лампу на столе, прошёл в глубь комнаты и сел на край кровати. Прячась от раздражающего света под одеялом, я что-то простонала в ответ. На лоб мне легла тёплая ладонь.

— Температуры вроде нет, — заключил Юлиан. — Голова болит? Принести тебе таблетку?

— Потом.

— Дверь была открыта.

— Наверное, я забыла.

— Ходила куда-то?

Юлиан ласково гладил меня по волосам, и боль отступала.

— Вызвали в агентство. Сегодня была инспекция, рыцари приходили.

— Вот оно что. — Казалось, он ничуть не удивился. — И как прошло?

— Нормально.

Обычный разговор. Мы вели подобные каждый день, за ужином или вечерним чаем. О работе, о новостях. Но сейчас говорить было так тяжело, что на глаза наворачивались слёзы.

— Ну чего ты, Марта? В чём дело?

— Ни в чём, — промямлила я дрогнувшим голосом и всхлипнула.

— Ну-ну, всё хорошо. — Юлиан притянул меня за плечи и прижал к груди. — Что случилось?

— Ничего. Это просто... почему-то...

Он покачивал меня в руках, как ребёнка, и от этого становилось ещё горче.

— Тебя рыцари обидели? Или тебе снова что-то вспомнилось?

— Нет, — слабо отозвалась я, убаюканная его объятием. — Хватит обо мне. Как твой день?

— Как обычно. Ничего нового.

Я словно стояла на кромке льда, размахивая сигнальным огнём далёким кораблям. Ожидая, когда они заметят меня и поспешат на помощь. Будь я смелее, прыгнула бы в холодную воду и поплыла к ним сама. Но страх сильнее, с опорой под ногами спокойнее, даже если она вот-вот треснет, и меня затянет в чёрную глубину. Казалось бы, отбеги от края, туда, где лёд толще. Но тогда никакие корабли никогда не увидят моего сигнального огня. Мне бы только узнать, сколько ещё продержит меня этот лёд. Пожалуйста, позволь мне постоять на берегу немного дольше.

— Расскажи, — подала я голос, разлепляя глаза, вырываясь из дурмана его тепла. — Расскажи о своей школе. О детях, о других учителях. Ты никогда про них не рассказывал.

— Потому что рассказывать особо не о чем.

— Всё равно. Хоть что-нибудь.

Юлиан вздохнул, крепче сжал меня в объятии.

— Моя школа самая обычная. Коллектив приятный за редким исключением, начальство тоже. А дети... такие, какими и должны быть. Шумные, активные, любопытные. Замечательные, в общем, пусть и проблемных ребят много. Волей-неволей уделяешь им больше внимания, тратишь силы и нервы. Это выматывает, конечно. Но я за этих детей отвечаю. Не прощу себе, если не буду помогать им взрослеть должным образом, адаптироваться, справляться с трудностями. Детство кажется беззаботным, но я не перестаю удивляться, через какие испытания порой проходят мои ученики. Бросать их одних — просто бесчеловечно. Особенно трудных детей.

— А я для тебя... тоже трудный ребёнок?

— Глупости. — Юлиан приподнял за подбородок мою голову и посмотрел в глаза. — Ты никакой не ребёнок и точно не трудная. Всего лишь девушка, заблудившаяся в незнакомом мире. Девушка, которой я помог, а потом...

Он вдруг смолк. Его лицо было так близко.

— Что потом?

— Влюбился.

Юлиан прильнул к моим губам. Всего на несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы понять истинность его чувств. Сложных, неправильных, но сильных чувств. Я тут же обмякла в его руках. Он опустил меня на подушку, укутал одеялом и молча ушёл, погасив свет.

Тогда, проваливаясь в сон, я осознала, что Юлиан совсем не похож на человека из моих воспоминаний. На того, чей голос звал меня с той стороны. На того, к кому я на самом деле так отчаянно тянулась.

И к кому в глубине души хотела вернуться.

Рыцарь и принцесса

В Тьярне похолодало.

Хотя после бабьего лета осень наконец вступила в свои права, холода пришли слишком резко. Всеобщая растерянность обратилась нелепой пестротой городских улиц: кто-то одевался по-сентябрьски легко, а кто-то уже кутался в шубы. Мороз просачивался в щели оконных рам, и стёкла покрывались инеем; ночами часто шёл снег. Только деревья в зелёной листве напоминали, что до зимы ещё далеко.

А одним утром все листья опали. В одночасье они ослабили хватку и застлали сплошным ковром землю и мощёные улочки, так и не успев толком пожелтеть.

В тот же день я вернулась к работе. Всю прошедшую с инспекции неделю моё самочувствие оставляло желать лучшего. Сон стал беспокойным, и ночью, когда комната наполнялась голубоватым светом луны, я садилась на пол и смотрела через потолочное окно на снег или бледные звёзды, если облака растаскивало. От дневной скуки спасал только телевизор, но уже к обеду голова тяжелела и начинала гудеть. Сомнения продолжали терзать меня, и пускай я больше не слушала их, они выедали моё нутро и от этого только крепили, подобно паразитам. В надежде вытравить их я и решила выйти из дома.

Холодный воздух принёс облегчение. Ледяная корка луж хрустела под моими ногами, ветер щипал лицо. На ярком солнце глаза слезились, делая меня совершенно слепой, и я думала, что, если по невнимательности попаду под машину, это будет не таким уж плохим концом. Но всё же была рада, что добралась до агентства без происшествий.

— Ну и погодка, — вздохнула Франтишка, кинув рассеянный взгляд на улицу, и продолжила протирать подоконник. — Вот в прошлом году было тепло до самого ноября.

Странно было видеть её в агентстве с утра, но она объяснила, что взяла отпуск в детском саду. Чтобы проводить с Лайонелом больше времени. И сейчас, пока Франтишка убиралась, он мечтательно наблюдал за её движениями. Однако, несмотря на явную любовь в его взгляде, было в нём и что-то глубоко печальное.

— Ты уже поправилась? — спросил Кир, намекая вовсе не на моё здоровье. Что он, что все остальные, очевидно, знали о моём состоянии хотя бы в общих чертах.

— Почти. Не могу больше сидеть дома.

— Стены давят? — понимающе произнёс Петер, но в глазах его читался иной вопрос. Тот, который не стоило озвучивать в агентстве. Всегда ли мы так осторожно подбирали слова? Или эта перемена случилась после инспекции?

— Наверное, — рассеянно отозвалась я.

Все как-то притихли. Мне начало казаться, что это моё присутствие испортило остальным настроение. К счастью, долго думать об этом не пришлось.

Раздался дверной звонок. Франтишка встрепелась.

— Я открою!

Она выскочила в прихожую. И скоро я услышала её недовольный голос:

— А, это всего лишь ты. Чего тебе нужно?

— Могла бы хоть раз проявить вежливость. Банальное уважение.

— Уважение? — Франтишка была крайне возмущена. — Чем это ты его заслуживаешь?

— Как минимум, я старше.

— На сколько? Лет на пять? Погоды не делает.

— Пусти уже. У меня заказ.

На пороге кухни показался Бертран. Только что его низкий голос звучал так гневно, однако на смуглом лице отразилось лишь лёгкое раздражение. Он был всё в том же чёрном костюме, а взгляд его тёмных глаз был всё так же суров.

— Бертран! — радостно воскликнул Лайонел и поднялся из-за стола. — Давно не виделись.

— Лайонел. — Взгляд Бертрانا потеплел. — Твоя командировка уже кончилась?

— Ага. — Они пожали руки. — А ты, я смотрю, так и работаешь на принцессу.

— Куда я денусь. Вот, приехал с заказом от неё.

— Заказ от принцессы? — оживился Кир. — И к кому же?

— К госпоже Овертон.

Я застыла. Все повернули на меня головы, даже Франтишка высунулась из-за спины Бертрана.

— М-мне?

— Да. Готовы поехать прямо сейчас?

Перед агентством был припаркован чёрный автомобиль, тот самый, что я видела у ателье мод пару недель назад. Вблизи он выглядел ещё массивнее и дороже. Бертран учтиво открыл мне дверь, и я не без колебаний села в машину. Внутри было тепло, чуть пахло одеколоном.

— Не забудьте пристегнуться, — сказал Бертран, мягко захлопнул за мной дверь и незаметно, пока я рассматривала салон, сел за руль. — Ехать недалеко.

Автомобиль тронулся. В животе растеклось неприятное чувство: меня ждала встреча с принцессой. Но которой из трёх?

— Мы так должным образом и не познакомились. Бертран де Мэран. В настоящее время работаю на принцессу Лукию.

— Марта Овертон, — ответила я и поёжилась. — Можно просто по имени... без «вы»...

— Ах, да, извини, если смутил. Профессиональная привычка.

Казалось, Бертран был сосредоточен на дороге. Но через пару минут тишины он снова заговорил:

— Ты недавно в Тьярне?

— Почти два месяца. Мы виделись раньше, если помнишь.

— Помню. Не пойми неправильно, но для двух месяцев у тебя больно потерянный вид.

— Просто... — я опустила глаза, — есть сложности.

Он недолго помолчал, словно что-то обдумывал.

— Лучше я перестану задавать вопросы. Взамен спрашивай у меня что хочешь.

Была одна вещь, уже некоторое время не дававшая мне покоя.

— Почему Франтишка так тебя не любит?

Вздыхнув, Бертран провёл пальцами по правому виску, заправляя за ухо прядь белых волос.

— Перестать бы ей устраивать сцены каждый раз, когда мы видимся. Она практически ничего обо мне не знает. Как мало ей нужно, чтобы невзлюбить кого-то.

— Между вами что-то произошло?

— Ничего личного. Просто я отказался от Приглашения.

— Всего лишь?

— Для Франтишки это непростительный грех. Не замечала, какая она набожная?

— Замечала...

Невольно я задумалась о том, как бы отреагировала Франтишка, если бы я тоже отказалась от Приглашения. Хотя она вряд ли бы это застала.

— Слышала про Сен-Тиел? — спросил вдруг Бертран. — Раньше я жил там. Город луны и селенита. Почти полная противоположность Тьярны.

— Почему же переехал?

— Как раз из-за Приглашения. По правде, в Тьярне я оказался случайно. И принцесса Лукия почти сразу положила на меня глаз.

— Она наняла тебя?

Бертран глянул в мою сторону, словно прикидывал, как лучше ответить.

— Я бы сказал, взяла под покровительство.

Вскоре мы въехали в ворота королевской резиденции. Всю недолгую дорогу от парковки я восхищённо осматривалась, пытаясь унять тревогу от грядущей встречи.

Небольшой парк вокруг дворца выглядел по-своему волшебно в тот день, усыпанный зелёной листвой, с белёсыми от инея голыми деревьями и помёрзшими тёмными цветниками. Чарующее волшебство его околдовало и сам дворец. В обрамлении потерявшего краски парка он словно горел, охваченный пламенем медных витых балконов и янтарных орнаментов, сияющих на фасаде так ярко, хотя солнечный свет едва достигал их из-за облаков. Над дворцовыми дверями поблёскивал герб Тьярны: профиль львиной головы, позади которой, точно нимб, расходились золотые лучи.

Бертран сопроводил меня в просторную комнату для приёмов. Я села на краешек обитой голубым велюром софы, стараясь не слишком засматриваться на богатое убранство. Суетливая горничная забрала моё пальто, предложила горячего чаю для согревания, и я согласилась из вежливости, потому что дрожала больше от волнения и вряд ли бы смогла сделать даже один глоток, не поперхнувшись.

— Её высочество скоро подойдёт, — сообщил Бертран и удалился.

В комнате стояли часы. Высокие, с маятником. Качался он медленно, тягуче замирал в конце дуги, будто увязая в плотном воздухе, и тикал почти неслышно, словно боясь нарушить тишину. Когда мне показалось, что прошло уже минуты три, секундная стрелка совершила лишь пол-оборота. Я глубоко вздохнула.

Горничная подала чай, и комната наполнилась лёгким цветочным ароматом. Хотелось попробовать, но руки чуть тряслись и шея задеревенела, отчего я если бы не разбила чашку, то точно могла облиться. Пришлось делать

вид, что чай для меня слишком горячий.

Как раз к моменту, когда он должен был достаточно остыть, в комнату вбежала принцесса. Каблочки быстро простучали к софе, и прежде чем я успела подумать о том, что мне стоило бы встать, она затараторила:

— Госпожа Овертон, мне так жаль, что я заставила вас ждать, простите, я совершенно не предполагала, что вы так скоро прибудете, это полностью моя оплошность.

На вид совсем ещё девочка. Она даже немного запыхалась, пока говорила. Голос у неё был тонким и звенящим, как колокольчик.

— Ничего страшного, — растерялась я, чувствуя при этом заметное облегчение.

Вошедший следом Бертран смерил меня строгим взглядом. Наверное, потому что я так и не поднялась с софы. Но принцесса никак не отреагировала на мою невежливость, напротив, успокоенная моим ответом, она улыбнулась и села на диван по другую сторону столика.

— О, подали мой любимый чай. Как удачно, — принцесса радостно хлопнула в ладоши. — Бертран, угощайся тоже.

Он сел рядом с ней. Горничная налила им чай, поклонилась и вышла из комнаты.

Мы подняли чашки и почти синхронно сделали первый глоток. Мягкий цветочный вкус окатил язык, и по телу растеклось тепло. Каждый из нас тихонько и по-своему выдохнул, и я, умилившись, едва сдержала улыбку.

Принцесса была в шерстяном свитере, явно лишнем в хорошо отапливаемом дворце. Платок цвета охры покрывал голову и оборачивался вокруг шеи, пряча под собой волосы и обрамляя кукольное лицо. Белая, точно фарфоровая, кожа, аккуратный носик и большие голубовато-сиреневые глаза, сверкающие подобно самоцветам.

Я перевела взгляд на Бертрана. Что бы он ни говорил про покровительство, рядом с принцессой он смотрелся как настоящий телохранитель. Высокий и суровый, готовый в любой момент защитить её.

Принцесса кашлянула, и я устыдилась того, как бесцеремонно их разглядывала.

— Извините, ваше высочество, если веду себя неподобающе. Я совсем не знаю этикета.

— Что вы, всё в порядке, не волнуйтесь. — Она кашлянула снова. Похоже, дело было в простуде. — Я и сама не очень хорошо знаю этикет. К тому же, сегодня вы моя гостя, поэтому, пожалуйста, ни в чём себя не стесняйте.

— Но я ведь приехала, чтобы всего лишь выполнить ваш заказ.

Принцесса как будто расстроилась.

— Конечно, вы правы.

Она оправила платок, подтянула воротник свитера, поёжившись.

— Тогда, если вы готовы, пройдем в оранжерею?

Бертран проводил нас коридорами и до конца длинной галереи к стеклянным дверям и остался ждать снаружи. Следом за принцессой я вошла в светлую оранжерею, мгновенно окутавшую меня тёплой влажностью, запахом почвы и цветов. Яркая зелень не резала глаз, а лёгкой, воздушной сетью раскинулась вдоль дорожек, где-то цепляясь за потолок, где-то стелясь под ногами. Перед входом лежала открытая площадка, выложенная плиткой, с плетёными диванчиками и столиком.

— Сюда.

Принцесса поманила меня на одну из дорожек, окончившуюся широким тупиком. Вокруг росли розовые кусты, бледные и поникшие.

— Это были любимые розы моей мамы, — сказала принцесса с едва заметной грустью. — Раньше они всегда зацветали в сентябре. А в этом году... Уже почти октябрь, но они только всё больше чахнут с каждым днём, как бы садовник ни старался. Должно быть, им не хватает маминой любви. Но это... знаете, как-то неправильно. Я хочу, чтобы розы продолжали цвести, даже без мамы. Она бы тоже этого хотела.

Слова были излишни. Я молча опустила на колени и коснулась влажной земли. Закрывает глаза. Чего-то отчаянно недоставало.

— Можно вашу руку?

Принцесса вопросительно наклонила голову, но всё же протянула мне ладонь. Тонкую и хрупкую. Пальцы её были обжигающе ледяными. Я сжала их, трепетно и осторожно, чувствуя на коже покалывающие разряды эмоций принцессы. И магия моя вдруг изменилась. Полилась в землю сама, широким и бурным потоком, точно давно ждала этого. Повинуясь не мне, а воле принцессы.

— Завтра они зацветут, — сказала я с улыбкой, отпуская её руку.

— Спасибо.

Казалось, принцесса тоже ощутила что-то, так изумлённо она разглядывала свою ладонь.

— А вы сможете приехать снова? — Блестящие глаза смотрели на меня с восторгом. — Завтра. Я хочу, чтобы вы увидели, как прекрасны эти розы.

— Ну-у... завтра у меня пока нет дел... — Просьба была неожиданной и оттого неудобной, но отказать принцессе я просто не могла.

- Значит, вас не затруднит приехать?
- Конечно, я приеду, ваше высочество.
- Лукия, — просияла она. — Можно просто Лукия.

Странно было снова приезжать во дворец. Несмотря на свой статус, казалось, я не имела права на пребывание здесь и, тем более, на дружеское общение с принцессой. Но Лукия встретила меня с совершенно детской радостью, одновременно располагая к себе и приводя в растерянность.

Решив довериться внезапному опасению, явно навеянному предостережением Марии, я ничего не рассказала Юлиану о знакомстве с принцессой.

— Смотри, смотри! — восклицала Лукия, ведя меня по дорожке оранжереи. — Они распустились, как ты и говорила!

Приятельский тон, полный доверия, открытый взгляд и абсолютная искренность. Когда мы с Лукией успели стать подругами, было для меня загадкой.

— Смотри, какие огромные!

Розы, и правда, были огромными. Сочные тёмные листья на шипастых стеблях и круглые белые бутоны, каждый размером с раскрытую ладонь. Высокие кусты доходили мне до плеч и почти достигали макушки Лукии. Сладкий, пьянящий запах пропитал воздух оранжереи насквозь.

— Они ещё никогда не были такими красивыми. Очень жаль, что мама не может их увидеть. Знаю, она бы хотела по-особенному отблагодарить тебя, но я совершенно не представляю, как.

— Это ведь моя работа, так что ничего не нужно, — замахала руками я. — Мне уже заплатили...

— Денег здесь недостаточно, — настаивала Лукия. — Будем считать, что я тебе должна. Если понадобится помощь, королевская помощь, смело обращайся. А теперь, раз уж ты моя гостя, идём пить чай со сладостями!

Мы разместились в светлой комнате на втором этаже. Высокие окна выходили к оранжерее, и через вымытые до блеска стёкла падал рассеянный белый свет: солнце светило удивительно ярко в тот день, хотя небо и завесила сероватая пелена.

— Бертран сегодня не с нами? — спросила я, когда горничная подала чай.

— У него другие дела.

— Но большую часть времени он всё равно проводит рядом с тобой?

— Так получается, — посмеялась Лукия. — Его обязанность — сопровождать меня, когда я покидаю дворец или встречаюсь с незнакомыми людьми. Мне не нужен эскорт, если нет никаких потенциальных опасностей.

— Опасностей?

— Это просто фигура речи.

Лукия безмятежно улыбнулась, но интонация, которую она попыталась скрыть, от меня не ускользнула.

— Поэтому ты всё время во дворце?

Её взгляд блеснул удивлением, мгновенно исчезнувшим под прикрытыми веками.

— Я всё-таки принцесса. Меня все знают в лицо. Конечно, частые выходы в город утомляют.

Врать она совсем не умела.

— Это как-то связано с той аварией?

Спрашивать было чревато, но я почувствовала, что Лукия не обидится. Даже наоборот, будет рада поделиться. Что-то в её неумелом увлиивании это выдавало.

— Я слышала, что ты тогда серьёзно пострадала от магии. А зная, как она влияет на обычных людей...

Лукия подняла ладонь. Спокойный, исполненный благородства жест.

— Нет нужды продолжать, — сказала она неожиданно официально, но ничуть не холодно. Всё с тем же безоговорочным доверием. — Это правда, что я пострадала тогда. Только пострадай я серьёзно, вряд ли бы сидела сейчас перед тобой. И даже так от нормальных людей я заметно отличаюсь. Прячу волосы, кутаюсь по-зимнему. Я сильно мёрзну с тех пор, легко простужаюсь. И ещё...

Она замолчала недоговорив. В тот момент — то ли свет так упал ей на лицо, то ли Лукия так повернула голову — ресницы её заблестели, точно было посыпаны крошечными кристаллами. Как будто отразив цвет глаз, они казались чуть сиреневыми.

— Знаешь, мне нравилось чужое внимание. Народ Тьярны всегда любил меня.

— Больше не любит?

Лукия смотрела печально.

— Дело не в этом. Тамара... Её величество считает, что мои частые выходы в свет могут счесть за попытки надавить на жалость. Ей приходится нелегко после смерти родителей, в отличие от меня и других сестёр она никогда не была всеобщей любимицей. И точно не собирается поднимать свою репутацию за мой счёт.

— Разве это не хорошо? Она не хочет тебя использовать.

Лукия глубоко вздохнула, сделала глоток чая.

— Её мотивация не столь благородна, как ты думаешь. Использовать меня всего лишь невыгодно. И проблемно. Лучше мне сидеть во дворце и не высовываться лишней раз. Для сестёр я не более чем обременительная ноша, досадное напоминание о прошлом.

— Почему ты так спокойно говоришь об этом?

Она дрогнула. Изумлённое выражение её лица смутило меня. Конечно, я ничего не знала о королевской семье и всё равно посчитала её реакцию неправильной. Что на меня нашло?

— В этом вы действительно похожи. Хорошо, что я доверилась своей интуиции.

Заметив моё замешательство, Лукия улыбнулась. Радостно и преданно, отчего я смутилась только сильнее, спрятала глаза и молила, чтобы щёки не покраснели.

— Я рада, что познакомилась с тобой, Марта. Мы можем видеться время от времени? Правда, у меня не так много возможностей... Но мы можем созваниваться, я дам тебе свой номер...

— Лу? — раздался из-за двери слабый голос, и после негромкого стука ручка повернулась. — Лу, ты здесь?

Лукия застыла, словно бы испугалась. В глазах её читалось беспокойство.

Дверь приоткрылась, и в проёме показалась девушка. Худая и болезненно бледная. Только по янтарному оттенку волос я догадалась, что это была принцесса.

— У тебя гость? — растерянно произнесла она. — Прошу прощения, мне никто не сообщил. Не смею более отвлекать вас.

— Анна! — остановила её Лукия и вскочила на ноги. — Мы скоро закончим, и я приду к тебе, хорошо? Подожди немного.

Анна сдержанно кивнула и прикрыла за собой дверь.

— Что-то случилось? — осторожно спросила я.

Лукия выдохнула.

— Нет. — Она опустилась обратно на софу, потёрла лоб, ослабила платок вокруг шеи. — После аварии Анна никак не придёт в себя. Возможно, это прозвучит странно, но для нас с ней потеря родителей стала куда меньшей трагедией, чем потеря брата. Наверное, потому что с родителями мы не были столь близки. Особенно Анна. Они с Адамом близнецы. Они были неразлучны, как будто пришиты друг к другу невидимыми нитями. А я... для меня Адам был героем. Старшим братом, который всегда поможет и защитит. И таким он оставался до самого конца.

Глаза Лукии увлажнились, но она быстро смахнула слёзы.

— Извини, нам придётся отложить нашу беседу. Я беспокоюсь за Анну.

— Конечно. — Я стыдливо отвела взгляд. — Не нужно было рассказывать мне всё это, если тебе тяжело.

— Нет-нет, не подумай, мне правда хотелось поделиться с тобой. И есть ещё многое другое... Только если тебе не в тягость слушать.

— Нисколько.

Лукия облегчённо улыбнулась.

— Тогда я обязательно приглашу тебя на чашку чая в нашу оранжерею. А теперь... — Она прошагала к двери и остановилась в задумчивости. — Я позову кого-нибудь тебя проводить. Подожди пока здесь.

И, махнув мне на прощание, Лукия скрылась в коридоре.

Когда я уже спускалась на первый этаж следом за горничной, меня окликнули.

— Госпожа Овертон?

Это была Рут. Я шарахнулась в сторону, но, вспомнив наставления Марии, попыталась взять себя в руки.

— Что привело вас во дворец? — спросила Рут и отпустила горничную, сказав, что проводит меня сама. — Слышала, её высочество Лукия интересовалась услугами агентства. Вы выполняли её заказ?

— Д-да.

— Надеюсь, её высочество осталась довольна.

— Очень.

Как и на инспекции, Рут была расположена доброжелательно, и моё волнение медленно отступало.

— Проводить вас до ворот? Если желаете, могу отвезти вас до дома.

— Не стоит... Э-эм, простите, я не знаю вашей фамилии.

— Рыцари не носят фамилий. — Отчеканила она. — Зовите меня просто Рут.

— Тогда и вы зовите меня просто Марта.

Рут медлила с ответом, словно в нерешительности.

— Хорошо, — кивнула наконец она. — Если вам так угодно. Идёмте. Вам не стоит более задерживаться во дворце.

— Почему?

— Её величество Тамара сегодня возвращается с Континентального Совета. Скоро здесь начнётся суета. К тому же, велика вероятность, что её величество будет в дурном настроении. Не хватало ещё вам попасть под горячую руку.

— Рыцари всегда так беспокоятся о странниках?

— В уставе этого не прописано. Но, по моему мнению, любые отношения должны строиться на взаимном уважении. Прошу вас.

Рут распахнула дверь, и я шагнула на улицу. С неба крупными редкими хлопьями сыпал снег. Спрятав ладони в карманах пальто, я поёжилась.

— Не считите за грубость, но мне бы не хотелось однажды узнать, что вы чем-то обидели её высочество.

— Вы про Лукию?

Накинув на плечи куртку, Рут раскрыла надо мной неизвестно откуда взявшийся зонтик.

— Её высочеству сейчас приходится очень тяжело, — продолжила она, никак не отреагировав на мой вопрос. — К сожалению, ни её величество, ни её высочество Катерина не оказывают поддержку своим младшим сёстрам. Её высочество Лукия несёт тяжёлый груз. Она не может ни на кого положиться, кроме Бертрана.

Лицо Рут оставалось непроницаемым, но то, как она произнесла имя Бертрана, показалось мне странным. Почему-то она не звала его по фамилии.

— Учтите, я передаю вам эту информацию и прошу ни при каких обстоятельствах не разглашать её. Если же вы желаете продолжить общение с её высочеством, я не стану мешать вам, пока это не приносит ей вреда. Однако не слишком рассчитывайте на содействие.

— Почему вы говорите всё это? — недоумевала я. — Почему мне?

Рут направила на меня долгий взгляд. Не пристальный и не изучающий. Обычно так смотрят, когда просят довериться, когда хотят развеять сомнение, но не могут подобрать нужных слов. Парк, дворец за спиной, даже нас двоих обесцветило снегом. И в этой всеобъемлющей тусклости глаза Рут светились тёплым зеленоватым светом.

— Вы хороший человек, Марта. Вероятно, вы подумаете, что ещё рано судить об этом, ведь мы едва знакомы. Но чтобы стать достойным рыцарем, нужно уметь разбираться в людях. Поэтому я уверена в своём суждении.

Мы остановились у поста охраны. Створки ворот медленно разъезжались. Повернув на них голову, Рут как будто о чём-то задумалась.

— Жаль, что однажды мы с вами простимся, — услышала я. И слова эти мне совсем не понравились. — Берегите себя.

Домой я вернулась с туманом в голове и до самого вечера просидела в гостиной под тихое бормотание телевизора. Юлиан ничуть не удивился моему состоянию, лишь понаблюдал немного, прежде чем запереть входную дверь.

— Ты когда-нибудь думал о том, что мы можем однажды расстаться? — спросила я, когда он подошёл ближе.

— О чём ты?

— Однажды я могу уйти отсюда навсегда.

Юлиан растерялся. Поскрёб поросший щетиной подбородок, смотря куда-то мимо меня.

— Разве ты не собиралась отказаться от Приглашения?

— Я пока не решила.

Уставший после долгого рабочего дня, он тяжело опустился на диван, на неубранную постель. С тех пор, как ко мне начала возвращаться память, Юлиан разрешил мне кутаться в его одеяло. Чтобы я не чувствовала себя одиноко.

— Во всяком случае, это произойдёт нескоро. С чего ты спрашиваешь о таком сейчас?

— Прости. Не хотела тебя расстраивать.

— Всё в порядке. Если у тебя был плохой день, лучше поделись своими переживаниями.

— Плохой день, да? — Я глянула в окно: снег прекратился, облака растаскивало. — Не сказала бы. Просто мысли грустные отчего-то.

Молчание в компании Юлиана всё ещё было непередаваемо прекрасным. Словно летний ветерок, ласкающий щёки. Закрой глаза — непременно его почувствуешь. Казалось, я могла бы многие часы сидеть так, бок о бок с ним, не говоря ни слова. И всё же беспричинная тревога не давала мне покоя.

— Твоя семья... В каких вы отношениях?

Юлиан усмехнулся.

— Раньше ты почти не интересовалась моей жизнью. Что же изменилось?

— Ты сказал, что любишь меня.

Он дрогнул. Набрал в лёгкие воздух, но решил промолчать.

— Разве плохо интересоваться тем, кто к тебе равнодушен?

— Нет, — улыбнулся Юлиан. — Просто мне уже давно не задавали подобных вопросов. Да и рассказать мне нечего.

— Про школу ты говорил то же самое.

— Но это правда. Вся моя семья — это родители, и мы уже давно не общаемся.

— Вы не ладите?

— С ними... сложно.

— С родителями так всегда, в большей или меньшей степени. Конечно, необязательно поддерживать с ними отношения, но... всё же, они наша семья. Нечто настолько важное...

— Знаю. Но ничего не могу с собой поделать.

Взгляд его исполнился сожалением. Вздохнув, Юлиан погладил меня по волосам, приобнял за плечи. Сердце вдруг бешено заколотилось.

— Как твои воспоминания? Не беспокоили больше? — тихо спросил он над моим ухом.

— Нет, — так же тихо ответила я, оцепенев.

— Вот и славно.

Притянув ближе, Юлиан поцеловал меня в висок. Нежно, почти по-отечески. Отпрянул, проведя тёплой ладонью по моей спине, встал на ноги.

— Займусь ужином. Ты же ещё не ела?

Я мотнула головой, что-то невнятно промычав. Он лишь ещё раз улыбнулся.

Оставшись в гостиной одна, я сжалась в клубок, унимая мелкую дрожь, успокаивая сердцебиение. Знакомое волнение. Но оно уже не было приятным, как раньше.

Если бы я знала причину своей тревоги, то выдрала бы её с корнем. Если бы могла, то забыла бы жестокие слова, произнесённые Марией в этой самой гостиной. Что угодно, лишь бы не страдать из-за него. Только не из-за него.

Одна мысль о том, чтобы однажды расстаться с Юлианом, заставляла меня содрогаться. И одновременно совесть напоминала о себе. Коварно шептала изнутри моей головы, что я уже оставила кого-то в своём мире. Родных, друзей. Того, кто занимал особое место в моём сердце. Почему я поступила так жестоко?

И жестоко ли?

Потерянные воспоминания о моих последних днях. Они держали меня в страхе перед ответами, что хранились в них. Но без этих ответов я больше не могла продолжать.

Поэтому, сжав кулаки и стиснув зубы, я позволила своей памяти вернуться.

Воспоминание: Тау

Птицы слетели с ветвей.

Услышав хлопанье крыльев над головой, я подняла глаза, но не увидела ничего, кроме зелёных листьев и ясного неба. От прохладного ветра плечи передёрнуло дрожью. Тетрадь чуть не соскользнула с колен.

Тогда я почувствовала, что сжимаю в пальцах карандаш. Посмотрела на страницу: в верхнем углу чернело толстое кольцо, десятки раз обведённое грифелем. Из груди вырвался усталый выдох. Стоило ли приходить сюда ради этого? Стоит ли вообще... продолжать?

Тело требовало движения. Нехотя я поднялась со скамейки, убрала тетрадь в сумку и покинула своё укромное местечко. Дорожки, скрытые от солнца густыми кронами, ещё не высохли после вчерашнего дождя, и каждый третий шаг приходился на лужу. В кедах хлопала вода, но мне было как никогда всё равно.

«Хочешь, я заберу тебя отсюда?» — спрашивал голос во сне.

Он рассказывал о прекрасном мире, где мечты исполняются по щелчку пальцев. О городе, что для любого странника, из каких бы дальних краёв он не прибыл, становится домом. О людях, каждый день жизни которых подобен празднику. И о том, что я могу стать одной из таких людей. Нужно лишь согласиться.

Но я не ответила. Слова и образы, что он рисовал, манили, наполняли сердце безграничной негой. Однако, как бы ни пыталась, я не смогла перенести их на бумагу. И мне нужно было время, чтобы убедиться в своём желании.

Снова смотровая вышка. Меня притянуло к ней, точно магнитом. В солнечном свете она обрела черты чего-то родного и оттого тревожащего. Могло ли это место стать моим убежищем?

Подниматься было невыносимо тяжело. Когда моё тело успело так ослабеть? На последних ступеньках в глазах потемнело, а голова закружилась до тошноты. Казалось, я вот-вот потеряю сознание.

— Привет, — раздалось над моей головой.

Тошнота отступила на мгновение и тут же вернулась. Тёмная пелена спала, глаза защищало от яркого света.

— Ты в порядке?

Я опёрлась на перила и глубоко вдохнула. Стало легче.

— Эй?

Чужое беспокойство тешило, но в то же время хотелось, чтобы человек, стоящий передо мной, исчез. Чтобы больше не смотрел в мою сторону, не замечал меня.

— Да, всё нормально.

Наконец, я подняла голову.

— Уверена? Может, присядешь?

Солнечные блики в карих глазах. Несмелая улыбка.

— Не нужно.

Окончательно придя в себя, я ступила на площадку. Мир обрушился на меня яркими цветами, звуками и запахами, но быстро затих и отхлынул, точно волна. Незнакомец наклонился, пристально всмотрелся в моё лицо.

— Вижу, волноваться не о чем. Вот и хорошо.

Карие глаза смеялись. Я больше не могла сфокусироваться на них. Стекло моего пузыря помутнело, мир отдалился. Сознание погрузилось глубоко внутрь, как в тёмные океанские воды.

Но его голос выдернул меня из глубины.

— Эх, не такое это оказалось и укромное место. Я всё надеялся, что его никто не найдёт.

— Могу уйти, — почти прошептала я. Развернулась к лестнице, чувствуя едва различимую обиду.

— Прости, не хотел показаться грубым. Я тебя не прогоняю. Но и держать здесь тоже не буду, если собираешься уходить.

Занесённая для шага нога замерла в воздухе и опустилась обратно. Обернуться я не рискнула.

— Как тебя зовут?

По телу пробежала дрожь. Я невольно дёрнулась и тут же смутилась, испугавшись, что мою реакцию истолкуют неправильно. Голос предательски пропал.

— Ты не бойся, я не пытаюсь подкатить. Просто подумал, вдруг мы ещё встретимся. Я здесь почти каждый день бываю и от компании не откажусь.

Это было похоже на приглашение. На душе отлегло. Голос вернулся под мой контроль.

— Не хочу... называть своё имя.

— Даже первую букву не скажешь?

Возмущившись, я повернула голову. Он смотрел с совершенно невинным интересом, точно ребёнок.

— К чему такая настойчивость?

— Мне просто любопытно, — пожал плечами он.

Всего одна буква. Ничего страшного, рассудила я.

— Н.

— Тогда можно называть тебя Эн?

— Угу.

Улыбка не покидала его губ.

— Теперь моя очередь представляться? Чтобы было честно, я тоже ограничусь первой буквой. Т... Не слишком благозвучно... Да, придумал. Можешь звать меня Тау.

— Ладно.

— Приятно познакомиться.

Он улыбнулся ещё шире. Стекланный пузырь вокруг меня стал немного тоньше.

— Надеюсь на скорую встречу.

На этом мы распрощались. Привычной дорогой я возвращалась домой. И всё, что занимало мои мысли, — это его смеющиеся глаза.

Лишь когда я переступила порог квартиры, их образ растаял. Больше ничего не осталось. В груди было пусто.

— Забери меня в свой прекрасный мир, — произнесла я в эту гулкую пустоту.

«Пятнадцать дней, — ответил голос. — Я заберу тебя через пятнадцать дней».

Как это часто бывает, после нескольких особенно холодных дней пришло потепление, и снегопады сменились дождями. Капли шуршали по окнам, искрились в свете янтарных фонарей, завораживая и усыпляя. Я и не заметила, как закрыла глаза и задремала. Юлиан разбудил меня. Раздражённо выдохнув и поведя плечом, он случайно пихнул меня локтем.

— Ох, извини. Не больно?

— Нет, всё нормально. — Ещё не до конца проснувшись, я обвела взглядом гостиную. — Что-то случилось?

По телевизору передавали экстренное сообщение. В юго-восточном округе Тьярны, близ одного из посёлков, произошёл разрыв трубопровода. На экране кричаще-яркими цифрами горел телефон службы спасения, всех проживающих в округе людей призывали готовиться к эвакуации.

— Это...

— Катастрофа. — Юлиан потёр лоб. — Судя по всему, разлив масштабный. Но города он всё равно не коснётся, так что можешь не бояться.

— Насколько это серьёзно?

— Ну-у... будут погибшие. Похоже, трубу прорвало где-то в лесу, а значит всё в том районе умрёт.

— И это совсем никак нельзя предотвратить?

Юлиан лишь мотнул головой.

— Но почему такое произошло? Трубы ведь должны быть очень прочными, да? Чтобы подобных прорывов не случалось. Могло ли что-то извне вмешаться?

— Смотрю, тебя это задело за живое? — грустно усмехнулся он. — Дело не в самих трубах. Дело в магии.

— А что с ней?

Направив пустой взгляд на мерцающий экран, Юлиан молчал. И вовсе не потому, что катастрофа так поразила его. Нет, он всего лишь пытался избежать нашего разговора. От того, как ясно читалось его намерение, мне стало не по себе. Неотрывно следя за выражением его лица, я несмело потянула Юлиана за рукав.

— О... Прости, задумался. — Хотя его песочные глаза помутнели, в словах слышалась ложь. — Магия, да? Иногда бывает, что она выходит из-под контроля. Точно неизвестно почему. Возможно, это какой-то другой сорт магии или что-то вроде примеси. Она куда более разрушительна и нестабильна, чем обычная. Её ещё называют дикой магией.

— Получается, из-за неё прорвало трубопровод?

— Получается, так.

Юлиан вздохнул и тяжело поднялся на ноги.

— Что-то я вымотался. Давай ложиться. — Протянув руку, он взъерошил мне волосы. — Завтра поговорим ладно?

Нехотя встав с дивана, я побрела в свою комнату. Разочарование мелкой пылью осело в груди. Даже если бы к утру у меня появились вопросы, я знала, что всё равно не задам их. Не в ближайшее время. И точно не Юлиану.

Облетевший садик за окном террасы выглядел печальным и серым. В кафе, том самом, куда мы с Франтишкой заходили однажды после церковной службы, посетителей почти не было. С прорыва трубопровода прошло всего несколько дней, и Тьярна затихла, словно бы скорбела. Улицы, что были пропитаны атмосферой праздника от брусчатки до спилен, поплёкли и опустели. И в кафе, где ненавязчивая музыка только нагоняла тоску, я ждала, потягивая зелёный чай и погружившись в мысли.

— Марта! Прости, — Франтишка вошла на террасу и упала на стул, — задержалась по делам.

Вынырнув из размышлений, я подняла глаза на подругу. Вид у неё был потрёпанный, голос слегка осип. Она заказала кофе и, подперев голову ладонью, вяло крутила в пальцах солонку.

— Работа? — аккуратно спросила я.

Солонка стукнула о стол, Франтишка потёрла глаза.

— Дикая магия. Я уже и забыла, насколько она разрушительна.

— А-а, это... тебе приходится...

Выражение её лица отбило у меня всякое желание что-либо спрашивать.

За окном стало накрапывать, и вот уже дождь зашелестел по вялой траве.

— Ничего, если я закурю? — спросила вдруг Франтишка и, получив моё согласие, выудила из сумочки пачку тонких сигарет. Над столом заструился дым.

— Это настолько тяжело?

— Глупый вопрос, не находишь? Как ещё мне должно быть? Эти люди, которых уже не спасти... Им больно,

они просят избавить их от страданий, даже если смерть — единственный вариант. И они благодарят меня. Свою убийцу.

— Не говори так. Ты ведь им помогаешь.

— Это не меняет того, что я их убиваю! — В сердцах Франтишка хлопнула по столу и тут же виновато опустила глаза. — Я больше не хочу ни с кем прощаться вот так, навсегда. Порой я думаю, вдруг однажды мне придётся проводить кого-то из вас. Не хочу... Лучше бы у меня вовсе не было способности.

Сердце щемило. И хуже всего было от того, что я совершенно не знала, как её поддержать.

— О чём таком ты хотела поговорить? — без особо интереса спросила Франтишка.

Поговорить я хотела очень о многом. Мои скудные воспоминания пробуждали во мне эмоции столь яркие, что их едва ли удавалось сдерживать внутри. Следуя совету Марии, я скрывала своё прошлое от Юлиана. И требующие выхода чувства доверить я могла только Франтишке. Однако, услышав о её тяжёлых переживаниях, уже не в силах была рассказать и половины.

— Я кое-что вспомнила о себе.

— Правда? — искренне обрадовалась Франтишка. — Что же это?

— Первая буква имени.

В дыме повисла тишина. Зелёные глаза смотрели на меня расстроено, почти сочувственно.

— И... только?

— Хоть что-то.

— Если ты так говоришь, — Франтишка откинулась на спинку стула и глубоко затаилась, — то я не буду беспокоиться. Но неужели ты захотела встретиться только ради этого?

— Для меня это важно. Не могу же я остаток жизни прожить с чужим именем.

— Имя не определяет тебя, — холодно произнесла Франтишка, и в груди у меня кольнуло. — Так я считаю. Родители выбирают нам имя, ещё не зная, какими людьми мы вырастем. Много ли смысла тогда за него держаться?

— Но ведь в имена вкладывают какой-то смысл. Разве родители через имя не желают нам определённой судьбы?

— Далеко не всегда. А если и желают, с чего должны мы их желания исполнять? Что это за жизнь, если с самого рождения ты живёшь так, как этого хотят другие?

— Детям нужна направляющая рука. Для их же блага.

— Да, да, конечно, для блага. Очень удобное оправдание.

Франтишка всё больше раздражалась, и я поспешила закрыть тему. Надавила ли я на больное или просто завела разговор не в то время, понять было сложно. С Франтишкой часто было сложно. Когда казалось, что я наконец разглядела все грани её характера, она поворачивалась ко мне новой, неожиданной стороной. И по какой-то причине я была убеждена: то, что Франтишка прячет в глубине своего сердца, навсегда останется для меня загадкой.

Встретившись с ней в агентстве на следующий день, я внезапно почувствовала между нами напряжение. Правда, потом решила, что мне почудилось. Возможно, так на Франтишке сказывалась усталость: не было ни широких улыбок, ни лёгких движений. Только Лайонел, пусть и ненадолго, возвращал радость в её глаза.

— Кстати, я собираюсь устроить небольшую вечеринку, — с предвкушением сказал он, — для нашего скромного коллектива. Завтра после работы все вместе поедem в мой загородный дом. Как вам идея?

— Завтра вторник, — заметил Кир.

— И что? Вы с Петером всё равно не работаете.

— Но вечеринка в начале недели...

— Почему бы и нет, — поддержал вдруг Петер. — Недавний пикник прошёл не слишком удачно.

— К тому же Мария уже всё одобрила, — довольно улыбнулся Лайонел. — Считайте, что прийти — это ваша обязанность.

Кир только покачал головой.

Легка на помине, Мария спустилась со второго этажа и заглянула в кухню.

— Все в сборе? Идём в гостиную, у меня есть к вам дело.

Звучало слегка угрожающее. Непохоже, чтобы кто-нибудь знал, о каком деле шла речь. Молча и с некоторой настороженностью мы прошли в гостиную и выжидающе наблюдали за действиями Марии. Она же с привычным спокойствием выдвинула средний ящик комода, извлекла из него фотокамеру и, встретив наши вопросительные взгляды, сказала:

— Хочу сделать общее фото, пока вы не разъехались кто куда по Приглашениям.

Франтишка пришла в восторг.

— Маричка, почему же ты раньше не сказала, что у нас есть камера? Мы бы уже столько фотографий сделали! Ой, а это обязательно сегодня? Сказала бы заранее, я бы оделась подобающе. Подождите чуток, хотя бы макияж пойду поправлю и причёску.

Договаривая последнюю фразу уже на ходу, она умчалась в ванную.

— Как, оказывает, легко её приободрить, — усмехнулся Кир.

— Каждый раз удивляюсь, — отозвался Лайонел. — Ну что, Мария, где нам расположиться?

— На диване, — ответила она, параллельно осматривая камеру на предмет поломки. — Все должны поместиться.

Вскоре в гостиную влетела Франтишка, посвежевшая и заразительно радостная. Она окинула диван критическим взглядом и энергично принялась нас рассаживать.

Когда мы были почти готовы, в дверь позвонили.

— Серьёзно? В такой момент! — Франтишка вскочила на ноги.

— Я открою, — невозмутимо произнесла Мария и вышла в прихожую.

— Если это клиент, пусть ждёт. Мы не настолько благородные, чтобы браться за работу по первому зову.

— Фани, полегче, — рассмеялся Лайонел. — С таким отношением клиентов у нас совсем не останется.

— И пожалуйста. Не так уж они и нужны.

— Без них правда было бы спокойнее, — тихо согласился Петер.

— Прошу, входи, — донеслось из прихожей и в гостиной ко всеобщему удивлению показался Бертран.

— Ты! — воскликнула Франтишка. — Ну конечно, кто ещё мог всё испортить.

— Да что опять... — начал было Бертран, но осёкся и раздражённо выдохнул.

— Прошу без грубостей, — строго сказала Мария. — Франтишка, пожалуйста, держи себя в руках. Бертран пришёл по делу.

— Не хочешь с нами сфотографироваться? — предложил Лайонел. — В каком-то роде ты тоже часть агентства, пусть и не сотрудник.

Бертран нахмурился.

— Нет, всё-таки я здесь не работаю, и будет неправильно...

Он замолчал: Мария подтолкнула его в спину, взглядом приглашая присоединиться. Сдавшись, Бертран приютился с краю дивана, рядом со мной.

— Подождите! Раз так, то Тим тоже должен быть на фото!

— А-а, Фани, — простонал Кир. — Сколько можно. Давайте побыстрее с этим закончим.

Но она всё же в очередной раз вскочила со своего места, придвинула горшок с лимонным деревом к дивану и разметила его возле меня. Так, чтобы как можно сильнее заслонить Бертрана.

— Теперь готовы? — спросила Мария, терпеливо ожидавшая всё это время. — На счёт три. Раз. Два.

Вспышка. Мне показалось, что я забыла улыбнуться.

— По-моему, я моргнул, — забеспокоился Петер.

— Ты ещё и дёрнулся, — сказал Кир, от чего Петер принял совсем удручённый вид.

С тихим жужжанием из камеры вылезла тонкая пластинка. Взявшись за уголок, Мария дёрнула её в сторону и отцепила от крепления.

— Можно посмотреть? — в нетерпении спросила Франтишка.

— Конечно. — Окинув снимок беглым взглядом, Мария отдала его нам.

— Уже проявилось? — удивилась я.

— Да, это флюоритовая бумага, на ней изображение появляется буквально мгновенно, — пояснила Франтишка. — Похоже на полароид, но не то же самое. Ещё и стоит гораздо дороже. А, Маричка, так дело и деньгах? Поэтому ты ничего про камеру не говорила? Если тебе такое не по карману, не нужно молчать. наших с Лвичеком денег хватит на миллион таких фотографий!

— Деньги здесь ни при чём. Я просто берегла её для особого случая.

— Тогда тебе тоже надо сфотографироваться.

— Не стоит, это лишнее.

— Ладно тебе, Маричка, не стесняйся! — Франтишка потянула её за руку.

— Если я буду в кадре, кому-то другому придётся снимать.

— Я сделаю, — поднялся на ноги Лайонел. — Моей красоты и на одном фото более чем достаточно.

Франтишка усадила Марию на диван и приобняла за плечи, светясь от счастья. Сама Мария, с идеальной ровной спиной и серьёзным лицом, как будто фотографировалась на паспорт. Кир вздохнул и закатил глаза. Петер ёрзал и после каждого движения одёргивал пиджак. Бертран задумчиво рассматривал листья лимонного дерева.

— Жаль, что я не сотрудник агентства, — еле слышно произнёс он.

— Все смотрим в объектив! — скомандовал Лайонел.

Вспышка. В груди разлилось тепло.

— Кажется, я снова моргнул.

— Скорее, дай посмотреть, как вышло!

— Ну и шуму от вас иногда. Бездельники, по-другому и не назовёшь.

Высвободившись из объятий Франтишки, Мария собралась уходить, но Лайонел остановил её, тронув за плечо.

— Не посмотришь?

Она перевела безразличный взгляд на протянутую фотографию. Помедлив, взяла её в пальцы. Так долго Мария обычно смотрела только на бумаги. Вдруг она отвернулась, как если бы хотела спрятать лицо. Смахнула со лба чёлку, коснулась серёжки на правом ухе. Уже знакомый мне странный жест.

— Ну, как тебе?

Опустив фотографию, Мария молчала ещё несколько секунд.

— Получилось хорошо, — заключила она, и в голосе её слышалась улыбка. Которая, правда, сразу же испарилась. — Бертран, по какому делу ты приехал?

— Я приехал за Мартой. — Деликатно отодвинув горшок с лимоном, он поднялся с дивана и обратился ко мне: — Лукия хочет с тобой увидеться.

Размытые дорожки, голые деревья и ещё не убранные кучи мокрых листьев, как бы уныло они ни выглядели, не могли затмить великолепие королевского дворца. Хотя на таком фоне он смотрелся чужеродно, точно неудачная деталь коллажа.

— Лукия ждёт в оранжерее, — сказал Бертран, когда мы вышли из машины. — Идём. Туда можно войти с улицы.

— Что я вижу, — раздалось со стороны. — Верно говорят: плохая погода сулит неприятные встречи.

Бертран напрягся и медленно повернулся на голос. Испугавшись, я не спешила следовать его примеру. Адресованные нам слова прозвучали величественно и гордо, но вместе с тем в них слышалась угроза.

— Помнится, я просила не попадаться мне на глаза, ворон.

— Искренне сожалею, ваше величество.

Страх развернул меня к ней лицом. Королева Тамара стояла в нескольких метрах от нас. Скрестив руки на груди, она смотрела с холодной яростью и вселяла тревогу куда большую, чем сопровождавшие её телохранители. Даже под пасмурным небом её волосы сияли янтарём. И даже неброское длинное пальто на её плечах казалось королевской мантией. Одним своим присутствием она как будто разрежала воздух.

— Такого больше не повторится, — выдавил Бертран и склонил голову.

— Очень на это надеюсь. А теперь потеряйся уже.

Небрежно махнув рукой, королева направилась к автомобилю, у которого ожидал водитель. Меня она оставила без малейшего внимания. И пока я в растерянности пыталась определить, что чувствую по этому поводу, Бертран подхватил меня под локоть и спешно потянул за собой.

— Всё будет в порядке?

— Я бы на это не рассчитывал. О себе можешь не волноваться, к слову. Но вот меня явно не ждёт ничего хорошего.

— Ты в чём-то провинился перед её величеством?

Бертран сбавил шаг и наконец отпустил мою руку.

— Нет. У её неприязни другие причины, и чтобы напомнить об этом, ей даже повод не нужен.

— Почему она назвала тебя вороном?

Он остановился, удивлённо посмотрел на меня.

— Думал, ты знаешь. Я могу превращаться в ворона. Показать?

— А, ну, необязательно, я и так верю. Но посмотреть было бы интересно.

Ничего не ответив, Бертран отступил на пару шагов, и меня вдруг ослепило вспышкой. В который раз за тот день. А когда зрение вернулось, на ветке ближайшего дерева я увидела ворона. Чернильно-чёрного. Только на правой стороне шеи ярким пятном горело несколько белых перьев.

Ещё одна вспышка. Передо мной снова стоял Бертран. Его густые волосы казались чернее, чем обычно.

— А эта белая прядь?..

— Эта? — он коснулся правого виска. — Она у меня с рождения, досталась от отца. Что, моё превращение тебя совсем не поразило?

— Ах, нет, просто мне уже давно интересно...

— Спокойно, я не обижаюсь. — Бертран оправил пальто и устало выдохнул. — Идём. Нехорошо заставлять Лукию ждать так долго.

Вечерело, и промозглый воздух карабкался в рукава и за шиворот. Поэтому в оранжерее, где от разогретой влажной земли поднималось тепло, мне сразу стало жарко. Дышалось с трудом.

— Марта!

Лукия махнула рукой. Она сидела на плетёном диванчике, утопая в мешковатой шерстяной кофте, укрыв ноги пледом. Платок на её голове был нежно-розовым с цветочным узором.

— Я так рада тебя видеть! Извини, что позвала так внезапно, надеюсь, я не отвлекла тебя не от каких важных дел? И кстати, ты ведь не против, если Анна побудет сегодня с нами?

Она сидела рядом с Лукией, отстранённая, безразличная к происходящему вокруг. Тусклых, едва доходивших до плеч локонов давно не касалась расчёска, а зеленовато-голубые глаза остекленели, стали похожи на два белёсых аквамарина. Скорбь приглушила её естественную красоту, точно вуаль, однако ничуть не умалила.

Медленно переведя на меня взгляд, Анна кивнула.

Я опустила на соседний диванчик, и Лукия налила мне чай. Бертран, словно охранник, встал у стеклянных, ведущих на галерею дверей, явно не намереваясь участвовать в нашей беседе.

— В городе сейчас так тихо, — заметила я.

— Да-а, — с некоторой печалью протянула Лукия. — Такое затишье нам хорошо знакомо.

— Наверное, мне не стоило поднимать эту тему...

— Нет-нет, всё в порядке, — голос её встревоженно зазвенел. — Прошу, не думай, что можешь задеть нас подобными словами.

Я смущённо опустила глаза.

— У странников такие порядки, что я всегда боюсь сказать что-то не то.

— Понимаю. — Лукия искоса посмотрела на Бертрана. — Но мы не странники, поэтому ничего не бойся. Даже если ты нас обидишь, я знаю, что это будет не нарочно.

Её доброта трогала до слёз. Вот только чем я заслужила подобное отношение, было мне неизвестно.

— Вообще-то, я и сама хотела об этом поговорить. Вся эта шумиха вокруг разлива магии... навеивает воспоминания.

Анна зажмурилась, обхватила себя руками. Лукия приобняла сестру за плечи.

— Это тяжело. Тем не менее, я хочу, чтобы ты, Марта, знала. Хочу постепенно рассказать тебе всё о тех событиях. Наверное, ты спросишь, почему я выбрала именно тебя. — В нерешительности она провела пальцами по лбу. — Пока что я не могу назвать причину. Извини. Если тебе сложно довериться мне, я пойму. Просто... для меня это действительно важно.

— Выслушай, — полушёпотом произнесла Анна. — Пожалуйста. Больше никому.

Гнетущее чувство закопошилось под сердцем. Сложившаяся ситуация совсем не нравилась мне, было в ней нечто беспокоящее. Оно намекало, что простым выслушиванием я не отделаюсь, что я буду так или иначе вовлечена в происходящее, которое, возможно, ещё даже не началось. Мне хватало собственных нерешённых проблем. Я должна была отказаться, как бы потом ни мучила меня совесть. Но я не увидела возможности. Как будто моё участие уже было решено кем-то другим.

— Конечно, я выслушаю.

Лукия облегчённо выдохнула, но во взгляде Анны промелькнула жалость. Или мне померещилось?

— Та авария... Прошло уже больше года, а многие вопросы так и остались неотвеченными. И точная причина аварии всё ещё не известна. — Лукия наполнила опустевшую чашку и сделала глоток. — Почему водитель внезапно потерял управление? Что такое могло случиться с дорогой, по которой сёстры ехали всего днём ранее? Середина лета, солнечная погода... Разве это не вызывает подозрения?

— Хочешь сказать, — в горле у меня встал ком, — авария была кем-то подстроена?

Она отвела печальные глаза, оправила платок под подбородком. Простой жест, чтобы дать мне понять: Лукия знает это наверняка.

— Не думаю, что водитель был соучастником. Ну, во всяком случае, его об этом уже не спросишь.

— Он тоже погиб?

— Все мы должны были погибнуть. — Лукия вжалась в спинку дивана, съёжилась, как от холода. — Не то чтобы я чувствую вину за то, что выжила. Просто это нечестно. У Адама было гораздо больше причин жить дальше.

— Лу! — встрепенулась вдруг Анна. В голосе её слышались испуг, и горечь, и возмущение. — Как ты можешь говорить нечто подобное.

— Мне жаль, — Лукия съёжилась ещё сильнее. — Жаль, что я даже не поблагодарила его. Почему Адам защитил меня? Почему именно он должен был спасти меня, а не наоборот?

Она резко смолкла. Поникла, провела ладонями по лицу, точно в попытке смыть нахлынувшие эмоции, потёрла виски.

— Извините. Не пойму, что вдруг нашло на меня.

Лукия перевела дыхание, выпрямила спину. До чего же сильным был её дух, раз она могла так быстро вернуть самообладание? Раз после всего, через что она прошла и что ей приходилось выносить до сих пор, она сохраняла волю двигаться вперёд? На её фоне я чувствовала себя такой слабой.

— Ход расследования намерено тормозят, — продолжила Лукия. — Более того, даже когда становятся известны какие-то детали, меня в них не посвящают. Однако я не настолько глупа, чтобы не искать правду самостоятельно. Что-то я уже знаю, до чего-то только догадываюсь, но не сомневаюсь, мои догадки верны.

— Что это за догадки? — осторожно спросила я.

— Они использовали дикую магию, — твёрдо и холодно ответила Лукия. — У меня есть веские основания так думать, но пока что я не стану их называть. Посуди сама, дикая магия легко объясняет неполадки в работе автомобиля, даже прорыв топливного бака. И всё же представить, что они решились обречь нас на такую ужасную смерть...

— Они? — Сердце забилось быстрее. — Неужели ты уже нашла виновника.

Анна спрятала глаза, прикрыла ладонью рот. Лукия поджала губы. Её пальцы беспокойно зарылись в складки шерстяной кофты.

— Пожалуй, хватит на сегодня об этом. Лучше поговорим о чём-нибудь хорошем.

Она переменялась в лице, просияла, словно только что мы обсуждали вовсе не аварию, а последние сплетни, собравшись всего лишь на очередные девичьи посиделки.

— Я хочу послушать про агентство! Про других странников. Бертран рассказывал мне, но совсем немного. У вас ведь Лайонел Холт работает, да? Он правда такой замечательный, как о нём говорят? А другие странники какие? Расскажи! Я так хочу узнать о вас побольше!

Резкая смена настроения привела меня в растерянность. Однако у меня не было другого выбора, кроме как исполнить её просьбу. Проглотить появившиеся вопросы, подыграть ей и начать с радостью рассказывать о своих коллегах и друзьях. Пусть даже в тот момент это казалось совершенно неправильным.

Моими историями Лукия была очарована. Хотя на мой взгляд, очаровываться в них было нечем. Ненадолго я забыла, что сижу в обществе двух принцесс. И вспомнила, что в этом мире не являюсь обычным человеком.

— Кажется, вам пора закругляться, — сказал Бертран и кивнул на двери. — Катерина идёт.

Не успела я осознать услышанное, как она вошла в оранжерею. «Законодательница моды», — назвала её однажды Франтишка. И правда, такие складчатые юбки до колен и свитера с высокими воротниками я часто видела на улицах и по телевизору. Даже слишком часто. Стукнув каблучками зелёных, в тон свитеру, туфель, Катерина ласково произнесла:

— Лулу, Нана. Уже поздно. Думаю, вашей гостье самое время возвращаться домой.

— Но, Кати, мы только-только заговорили о самом интересном. Дашь нам ещё несколько минут? — Лукия невинно хлопала ресницами, но кулаки её были сжаты.

— Нет, Лулу, — отрезала Катерина и покачала головой. — Вам с Наной давно пора отдыхать. Помнишь, что сказал доктор?

— Тишина и покой после восьми вечера, — тихо ответила Анна.

— А сейчас почти девять. Давайте по своим комнатам, пока я не рассердилась.

— Необязательно обращаться с нами как с детьми.

Анна встала и медленно зашагала в сторону галереи. Лукия тоже поднялась, но задержалась возле меня. Взяла мои руки в свои, стиснула пальцы.

— Спасибо, что пришла сегодня. И что выслушала. Это много значит для меня, правда.

Она хотела сказать что-то ещё, но не осмелилась. Опустила плечи и, не попрощавшись, поспешила следом за Анной. Бертран лишь проводил их взглядом, оставшись стоять на месте.

— Вам лучше уйти, — обратилась Катерина ко мне, беззлобно, но до того холодно, что волосы на моём затылке зашевелились. — В девять выпускают собак. Будет досадно, если кто-то из них на вас набросится. Они надрессированы атаковать чужаков.

— Я провожу гостью, — сказал Бертран. — Со мной волноваться о собаках не придётся.

— На ваше счастье, подбитые птицы их не интересуют.

Воздух потяжелел. Я набросила пальто и первая направилась к выходу, лишь бы скорее покинуть оранжерею.

— Очень надеюсь, у вас нет дурных намерений, — остановил меня ледяной голос Катерины. — Лукия наивная и доверчивая девочка, к тому же впечатлительная. Если я узнаю, что вы воспользовались её расположением в личных целях — будьте уверены, ваш особый статус как странницы не спасёт вас. Потворствовать её глупым затеям я бы на вашем месте тоже не стала. Мало ли, как это растолкуют. Полагаю, лишние проблемы вам не нужны.

Она снисходительно улыбнулась, ожидая ответа. Но я не могла произнести ни слова.

— Ваше высочество, если я правильно понял, вы хотели, чтобы гостя поскорее удалась. Предлагаю на этом закончить разговор, — вступился за меня Бертран.

— Конечно. — Довольство сошло с лица Катерины. — Не смею более вас задерживать.

Оказавшись на улице, я едва не рухнула на землю. Колени тряслись. Бертран подошёл ближе и протянул мне руку.

— Забудь всё, что она сказала. Ничего, кроме лишних тревог, это тебе не принесёт, поверь.

Бертран был на стороне Лукии. И на моей стороне. Потому я с благодарностью оперлась на его руку.

— Часто ты выслушиваешь такое?

Он вздохнул, поднял глаза к небу.

— Чаще, чем хотелось бы.

— И ты так спокойно это терпишь?

— К сожалению, Марта, у меня нет выбора.

Свет из окон приятно золотил его смуглое лицо. Но блики быстро меркли в глазах.

— Придёшь на вечеринку к Лайонелу?

— Он меня, конечно, пригласил, — задумчиво протянул Бертран. Продолжать он не спешил. — Не знаю. Как я уже говорил, я не сотрудник агентства.

— Пусть так. Но для Лайонела ты в первую очередь друг, разве нет?

— Друг... — Казалось, ему сложно было произнести это вслух. — Друг, значит.

— Я тоже буду рада, если ты придёшь.

Бертран глянул на меня, и губы его тронула улыбка.

— Раз так, то я подумаю.

Кир отчаянно боролся со сном. Хлопал себя по щекам, щипал за руки, тёр глаза. И всё равно его голова то и дело заваливалась и падала.

— Уломали меня пойти на вечеринку, — ворчал он, — чтобы мы веселились все вместе. Почему тогда я опять работаю бензоколонкой? Внезапно кончились деньги, или что?

Мы вдвоём сидели в машине и ждали, когда остальные вернутся из супермаркета. Кир, понятно, был там сейчас бесполезен, а меня оставили на парковке, видимо, за компанию.

— Ты так не хочешь веселиться?

— Я не люблю вечеринки. — Он зарылся пальцами в и без того растрёпанные волосы. Мне подумалось, что ему бы не помешала стрижка. — Слишком они утомительные. И шумные. От полного провала их спасает только выпивка.

— Кстати... не подумай, что я читаю нравоучения, но тебе уже можно пить?

Кир посмотрел на меня оскорблённо.

— Шутишь? Не знаешь, сколько мне лет?

— Мы это как-то не обсуждали...

— Девятнадцать. — Обиженный, он отвернулся и скрестил руки на груди. — Спасибо за беспокойство, мам, но я уже сам могу решать, как распоряжаться своим здоровьем.

— Прости, прости, спросила не подумав.

— Забей. Сегодня я особенно не в духе. О, — Кир стукнул костяшками пальцев по окну, — идут.

Пакетов у них было больше, чем я ожидала. Пока Лайонел и Петер загружали продукты в багажник, Франтишка заглянула в салон.

— Ещё жив, Кир?

— Заткнись. Еле держусь, не видишь?

— Давай помогу. — Она порылась в бардачке и высунулась из-за пассажирского кресла. — Смотри сюда.

В её поднятой руке сверкнул фонарик. Кир отпрянул и заслонило лицо.

— С ума сошла? Решила меня ослепить?

— Ну вот, взбодрился немного, — обрадовалась Франтишка. — Слушай, а раз ты выделяешь чистую магию и от этого устаёшь, можно ли тебя заправить?

— Заправить? — я подозрительно сощурилась.

— Да, как машину. Станет тебе полегче, если выпьешь стакан-другой магии?

— Ты, походу, решила меня на тот свет отправить, — ужаснулся Кир.

— Что? Я просто предположила. Чего в этом преступного?

— Не стоит так шутить, Фани, — серьёзно сказал Петер и сел к нам на заднее сиденье. — При приёме внутри магия опасна даже для нас.

— С чего бы? Как тогда внутри нас могут быть источники этой самой магии?

— Парадоксально, но это факт, — сказал Лайонел, садясь за руль. — Помнишь, как магия покалывает кожу? А теперь представь, насколько сильнее она будет жечь во рту.

Франтишка передёрнула плечами.

— То-то же. Извини, что так подставили тебя с заправкой, Кир. Отсыпайся, пока мы едем.

— Спасибо за заботу.

Кир привалился к Петеру и, кажется, сразу уснул. Щёлкнули пряжки ремней безопасности, машина тронулась. Вечер обещал быть долгим.

Дом Лайонела находился в элитном посёлке, построенном из расчёта на странников. Ухоженные участки, свежий ремонт и меблированные комнаты, всегда готовые принять нового жильца. Хозяйева здесь сменялись очень часто.

— Уходя по Приглашению, много вещей с собой не заберёшь, поэтому свои сбережения странники обычно тратят на недвижимость, — объяснял Лайонел, когда мы подъезжали. — Конечно, есть бесплатная общага, но зачем ютиться там, если можешь позволить себе большее? Здесь дома сдаются внаём. Цены заоблачные, зато включён всевозможный сервис. Уборка, уход за садом, и никаких забот о счетах. Короче, роскошная жизнь. Самое то для странников при деньгах.

— Ты ведь здесь почти не бываешь, — заметила Франтишка. — Деньги на ветер.

— Естественно, цена снижается, если не живёшь здесь постоянно. Меня вообще несколько месяцев в Тьярне не было.

— Дом никому другому не сдали?

— Было бы смешно. Но нет. Я звонил на выходных, просил прибраться к нашему приезду.

Несмотря на слякотную погоду, посёлок выглядел аккуратным и чистым. За участками действительно хорошо ухаживали. Дома не походили друг на друга, но были выдержаны в одном стиле и все вместе, точно кусочки пазла, составляли единую, приятную глазу картину. Наверное, будь у меня достаточно денег, я бы тоже переехала сюда.

Странно, но думать о переезде было гораздо легче, чем раньше.

Лайонел припарковал машину, и мы вышли под моросящий дождь. Именно в тот момент, стоило нам начать разгружать багажник, полило как из ведра.

— Фани! Лови ключи. — Лайонел перекинул ей связку. — Бегите внутрь, мы дотащим пакеты.

Вода пузырилась под ногами. Повезло, что она не просочилась в сапоги. Волосы же всего за минуту промокли насквозь, и отчего-то меня это очень расстроило.

— А-а-а, весь макияж насмарку! — прорычала Франтишка, отперев дверь. Она быстро скинула обувь и рванула куда-то в глубь дома. Из-за стены доносила её приглушённая ругань.

— Марта, дорогу.

Я отступила, пропуская внутрь Лайонела.

— Парни, не стойте под дождём!

— Да уже как-то без разницы, — отозвался Кир, но всё же вошёл. — Как знал, что ничего хорошего из этой вечеринки не выйдет.

Петер тряхнул головой, как собака, обдавая нас холодными брызгами.

— Ничего, сейчас быстро высушимся, — раздался весёлый голос Франтишки. Она вернулась со стопкой полотенец.

Пока в прихожей вода стекала с наших пальто и курток, мы обтирали волосы и грелись под феном. Франтишка только поправила макияж и, собрав ещё влажные кудри в пучок, понесла пакеты на кухню.

— Ты сразу за готовку, Фани? — окликнул Лайонел. — Может, хотя бы за приезд сначала выпьем?

— Давайте дождёмся Маричку. Она с минуты на минуту будет тут.

Мария и правда приехала меньше чем через десять минут. Войдя в дом, она остановилась у порога и окинула взглядом сначала мокрый пол, потом нас, взъерошенных и слегка уставших.

— Ба! Кто бы мог подумать, что никто из моих сотрудников не удосужится посмотреть прогноз погоды.

Казалось, настроение у неё было приподнятое. Помахивая зонтиком, будто не зная, куда его пристроить, Мария медленно прошагала в гостиную.

Франтишка оперативно заставляла кофейный столик закусками, Лайонел открывал бутылки с пивом и сидром. Наконец, последняя крышка брякнула о столешницу.

— За встречу!

Зазвенело стекло. Шипящий сидр полился в горло, приятно обдавая его холодом. Я и забыла, что раньше очень любила выпивать.

— За встречу, — буркнул Кир. — Ну и тосты у тебя. Мы таким составом почти каждый день собираемся, чему тут радоваться?

— Сегодня особенный день.

— Чем же?

Лайонел не ответил. Кир, в свою очередь, не придумал этому никакого значения.

Вечеринка началась, хотя она мало чем отличалась от наших посиделок в агентстве в конце рабочего дня. Всё те же неспешные разговоры ни о чём, но под музыку и с алкоголем. Даже присутствие Марии было едва заметно, настолько тихо и неподвижно она сидела в кресле.

Голос Кира становился всё громче. Они с Лайонелом что-то бурно обсуждали, а Франтишка то и дело вставляла свои комментарии, которые собеседники упрямо игнорировали. Я пыталась вслушаться в их разговор, но быстро потеряла нить. Впрочем даже просто наблюдать со стороны было увлекательно.

Сбоку донёсся вздох. Я обернулась: Петер задумчиво рассматривал мокрые следы, оставленные на столике пивной бутылкой. Всё ещё не расчёсанный, он выглядел более потерянным, чем обычно.

— Тебе скучно?

— А? — Опомившись, он поднял на меня глаза. Серые, но не такие тусклые, какими я привыкла их видеть. — Нет, вовсе нет.

— Тогда в чём дело? — Алкоголь развязал мне язык. Если бы не это, я бы уже оставила Петера в покое. — Чувствуешь себя не в своей тарелке?

— Это настолько очевидно?

— Я просто предположила.

Петер покрутил бутылку в ладонях и поставил на столик.

— Ты довольно проницательна, Марта. Я давно заметил, что многого от тебя не спрячешь.

— Спасибо, наверное. Не пойму, это комплимент или... наоборот.

Он лишь пожал плечами. Что бы ни имелось в виду, его слова меня смутили.

— Кир отлично проводит время. — Петер глотнул пива и поморщился. — Я немного завидую. Хотел бы так же, но я совсем не пьянею.

— Это ничего. — Повинуясь минутному порыву, я похлопала его по голове, пригладила волосы. — Всё у тебя будет хорошо.

Петер вдруг изменился в лице. Испугавшись, я отдернула руку. Такая глубокая грусть читалась в его взгляде, что казалось, он вот-вот заплачет.

— Прости, я не...

Меня прервал дверной звонок. Голоса стихли, и все в комнате замерли, застигнутые врасплох неожиданным гостем.

— Кого это принесло? — возмутилась Франтишка. — Сиди, Лвичек, я сама открою.

Под наше молчание она вышла в прихожую. Мы слушали её шаги, затем клацанье дверного замка.

— Вау, какие люди! — Я очень живо представила, как Франтишка всплеснула руками в раздражении. — Какого чёрта ты забыл здесь, Берти?

— К твоему сведению, Фанфан, я по приглашению.

Он вошёл в гостиную, махнул нам в знак приветствия. В неизменном чёрном костюме и почему-то с мокрой головой.

— Не подашь мне полотенце? — обратился Бертран к Франтишке, с мрачным видом стоявшей за его спиной.

— Повтори-ка, как ты меня назвал?

— Фанфан. Что, на твоей родине не принято такое сокращение? Извини уж, не буду так тебя звать, если прекратишь моё имя коверкать.

— Ты! Да ты!..

Не выдержав, Кир прыснул.

— С таким угрюмым лицом тебя только Фанфан и называть! — смеялся он. Так громко и заразительно, словно совсем другой человек.

— Рад, что ты пришёл, Бертран, — сказал Лайонел. — Или вернее, прилетел?

— Как видишь.

Франтишка швырнула в Бертрана полотенце.

— Прогонять не буду, но лучшего сервиса не жди.

Он выдохнул и всё же не смог сдержать улыбку. Окинул гостиную взглядом.

— Смотрю, у вас тут весело.

— Кстати о весёлом, — начал Кир. Он пил уже вторую бутылку. — Оказывается, Марта до сегодняшнего дня не знала, сколько мне лет. Представляете? Может, ты и имён наших не помнишь?

— Эй, хватит! Знать возраст друг друга разве так важно?

— Марта всё ещё новенькая в агентстве, — заступилась за меня Мария. — Конечно, она пока многого не знает.

— И что ты предлагаешь, нам всем по очереди представиться?

— Так неинтересно, — Франтишка хитро усмехнулась, явно что-то задумав. — Давайте каждый расскажет о себе то, чего больше никто не знает. Ну, отличная идея? Дополнительные баллы за стыдные факты! Я первая, покажу пример. — Она прокашлялась и выдержала драматическую паузу. — Меня зовут Франтишка, мне двадцать два года. Я работаю в детском саду. Когда воспитательница выводит детей на прогулку, я, пока никто не видит, играю в куклы.

— Откровенно, — присвистнул Кир. — В детстве не наигралась?

— И что с того? — надулась Франтишка. — Я это признаю и не стыжусь этого. Давай, теперь твоя очередь.

— Ладно. Кир, девятнадцать лет. И я, эм... мне нравится петь.

— Правда? Как насчёт собрать дуэт?

— Ни за что, Фани. Я никому никогда не позволю услышать моё ужасное пение.

— Вообще-то, — Петер несмело поднял руку, — я его слышал пару раз.

— Что?! — Кир залился краской. Румяный и неловкий, он куда больше походил на молодого человека своего возраста. — Серьёзно? Ты это даже не упоминал. Я настолько ужасно звучу, да? Не надо, не отвечай. Лучше я проживу остаток своих дней в неведении.

— Петер, давай теперь свой секрет.

— А, ну... мне двадцать пять лет...

— Уже? — удивилась я. — Когда был твой день рождения?

— В сентябре. Не переживай, я не собирался его отмечать. — Петер нервно раскручивал пустую бутылку в ладонях, бегал глазами из угла в угол. — Сойдёт за секрет, что я ненавижу свой день рождения? Ничего лучше я придумать не могу.

— Это какой-то грустный секрет, — разочаровалась Франтишка.

— Ладно-ладно, и этого достаточно. — Лайонел приобнял её за плечи. — Секреты не должны быть весёлыми. Моя очередь? — Он обвёл нас довольным взглядом. — Я Лайонел, и мне тоже двадцать пять. А мой страшный секрет — только не упадите — у меня на самом деле нет водительских прав.

— А! И ты сегодня был за рулём! — воскликнул Кир.

— Отсутствие прав не значит, что я не умею водить.

— Как тебя ещё не поймали? — сощурилась Франтишка.

— Это потому что я странник. И потому что у меня много денег, — Лайонел развёл руками. — Кто следующий? Бертран?

— Как скажете, — охотно отозвался тот. — Мне двадцать семь, и я...

— Стой! — прервала его Франтишка. — Ты у нас самый загадочный. Поэтому я хочу выведать у тебя кое-что конкретное, Берти.

— Ну давай, Фанфан, порази меня.

— Вот принцесса Лукия... Скажи, она же неспроста тебя рядом держит? Между вами что-то есть, да?

— Думай, что говоришь, — вспыхнул Бертран. — Ей ещё нет восемнадцати.

— Ой, когда это кому-то мешало? Любовь не знает границ! Хорошо, пусть не Лукия, но с кем-то из принцесс у тебя точно роман. Или даже с королевой?

— Мечтай. Хотя, если тебе так интересны отношения...

— Я знала! Ну, ну, что за невероятная особа способна терпеть твой характер?

Бертран закатил глаза и ответил:

— Рут.

— Да ладно, та рыцарша?

— Не называй её так.

— Ничего себе, Берти, а ты полон сюрпризов. Как тебя угораздило влюбиться в эту снежную королеву?

— Без комментариев. И прекрати оскорблять Рут.

— Ничего я её не оскорбляю, это просто речевой оборот.

— Ребята, ребята, хватит, — примирительно сказал Лайонел. — Мы на вечеринке или где? Оставим разногласия и насладимся компанией друг друга.

Франтишка вздохнула.

— Ладно, но только потому что ты просишь, Лвичек. Так, теперь очередь Марички! Разрешаю назвать только возраст, так как это само по себе уже большой секрет.

Мария поболтала едва начатой бутылкой сидра.

— Отказываюсь.

— Ах! Нет, Маричка, не может быть! — Франтишка подскочила к ней, опустила на корточки, накрыла её ладонь своей. — Как я и думала. Тебе больше тридцати?

Мария только отвела взгляд.

— Тут нечего стесняться. К тому же, ты очень молодо выглядишь.

— Фани, — Лайонел хлопнул её по голове, — не лезь к начальнице. Хочешь, чтобы тебя уволили?

— Увольнять не стану, но тему попрошу закрыть, — дипломатично заключила Мария и посмотрела на меня. — Думаю, настала очередь Марты.

В животе колыхнулось отрезвляющее волнение. Я была так увлечена разговором, что совершенно не подумала, о чём рассказывать самой. Мне не пришла даже мысль, что моя очередь когда-то настанет. Глаза друзей искрились любопытством.

— Меня зовут...

Я осеклась. На секунду захотелось назвать своё настоящее имя. Вернее, ту малую часть его, что не давала мне покоя с тех самых пор, как вспомнилась. Но я не решилась.

— Меня зовут Марта, мне двадцать один год, и я люблю рисовать.

Эти слова вызвали намного больший ажиотаж, чем я ожидала. Не успела опомниться, как раздала обещаний, которые вряд ли бы выполнила, ведь портреты никогда не были моей сильной стороной. И всё же, внезапно окружённая столь искренним интересом к собственному скромному навыку, я улыбалась от уха до уха.

Да, этого тепла, этого принятия мне не хватало уже очень давно.

За оживлённым разговором никто из нас не заметил, как дождь стих. Лишь когда мы сами замолкли, тишина за окном дала о себе знать. Умиротворяющая, мягкая, в неё хотелось нырнуть и никогда не выплывать на поверхность. В такой тишине приходят самые приятные сны.

— Ах, вспомнила! — Франтишка соскочила с колен Лайонела. — Пора заняться тортом!

Ей не нужно было повода, чтобы что-то для нас испечь. Но, как она любила говорить, нечего растрчивать силы на трудоёмкие торты без особого случая. И такой случай Франтишка долго ждала. Она перевязала покрепче растрепавшиеся волосы, совсем непослушные после дождя, и побежала на кухню, потащив с собой Кира, который практически не сопротивлялся. Петер увязался за ними.

— Не присоединишься? — спросила меня Мария.

— А должна? Или вы собирались поговорить о чём-то без нас?

— Если хочешь остаться, Марта, оставайся, — рассмеялся Лайонел. Но было что-то печальное в его смехе. Как и во взгляде, чересчур задумчивом в тот вечер. Куда он смотрел, и что виделось ему там? — Похоже, от твоих глаз ничего не скроешь. Мне это в тебе нравится. Однако у любопытства есть цена. Готова ли ты её заплатить?

Я растерялась, не зная, как реагировать. Но Лайонел не ждал ответа. Откинувшись на спинку дивана, он провёл ладонью по волосам и произнёс:

— Я получил Приглашение.

Мария испустила тихий вздох. Бертран же напрягся, точно эта новость напугала его.

— И что ты планируешь делать? Если откажешься, я помогу...

— Я уже принял его.

Бертран побледнел, опустил глаза.

— Почему? Ты мог бы остаться. Ещё не поздно...

Лайонел мотнул головой.

— Завтра я ухожу. Таково моё решение.

Руки у меня похолодели. Я глянула на Марию, ища в ней опоры, но увидела в выражении её лица лишь горечь.

— Значит, — услышала я собственный голос, — это прощальная вечеринка?

— Выходит, что так. Только давайте без слёз. Особенно ты, Марта, мы же с тобой всего месяц знакомы.

— Просто... почему-то мне кажется, что без тебя всё здесь сильно изменится.

— В переменах нет ничего плохого. — Наклонившись, Лайонел снял с моих волос заколку. Дешёвую и простенькую, но однажды зацепившую мой блуждавший по прилавкам взгляд. Отпущенные пряди упали на лоб. Покрутив заколку в пальцах, Лайонел обратил её в золото. — Держи. На память обо мне.

Приняв подарок, я трепетно сжала его в кулаке.

— А как же Фани? Разве вы не хотели уйти вместе?

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Она ещё не знает?

— Нет. Я скажу ей позже.

Пусть Лайонел и говорил о своём уходе легко, я расстроилась. Пусть, как он и заметил, мы были едва знакомы. Возможно, именно его, казалось, несерьёзное отношение расстраивало больше всего. Я подняла на него глаза, но не нашла подходящих слов, способных выразить мои чувства.

— Знаешь, раньше, — Лайонел переглянулся с Марией, — в прошлой жизни я был никем. На самом дне, в нищете и голоде. Совершенно один. И когда на пике отчаяния я пожелал другой судьбы, мне ответил голос. Тот,

что отвечает всем странникам. Я думал, что найду счастье здесь. Разве могло быть иначе, имей я деньги и славу? Но даже воплотив свои самые смелые мечты, я так и не стал счастливым. Не в этой жизни.

— Поэтому ты уходишь? В мир ещё лучший, чем этот, чтобы найти счастье?

Лайонел хмыкнул.

— Не уверен, найду ли я счастье там. Но покой точно обрету.

— Досадно лишаться такого сотрудника, — холодно произнесла Мария.

— Будешь скучать?

Она молчала, смотря себе под ноги.

— Ну же, Мария. — Лайонел подошёл к ней и взял за руки. — Скажи, что будешь скучать. Пожелай мне доброго пути. Без твоего напутствия, боюсь, я могу заплутать.

Мне показалось, что губы её дрожали. Медленно подняв голову, Мария набрала в лёгкие воздуха. Но не успела ничего сказать.

— Ребята! — В гостиную ворвалась Франтишка. — Торт скоро будет готов! Предлагаю потихоньку перемещаться на кухню.

Кир выглянул из-за её спины.

— Лайонел, надо тебе почаще устраивать такие вечеринки.

Он выпустил руки Марии. Неохотно. Выпрямился, расправил плечи. И широко улыбнулся, заставляя воздух вокруг себя переливаться золотыми искрами.

— Ничего не могу обещать.

Воспоминание: Четырнадцать дней

«Чтобы стать счастливым, нужно позволить себе быть счастливым».

Стоило вспомнить эту фразу, и в горле у меня начало зудеть. Прямо как в первый раз, но горче. От кого же я услышала эти слова?

И почему они вспомнились мне именно в то утро? Лучше бы я не просыпалась вовсе. Но солнце как назло ярко светило в щель между занавесками. Укрывшись одеялом с головой, я свернулась в клубок. Тепло утешило меня.

«Продержись до конца, — зазвучал в тишине голос. — Чтобы стать счастливой в новом мире, тебе нужно быть сильной».

Нужно. Всегда ли счастье было таким требовательным? Сколько ещё дней мне ждать? Четырнадцать или уже тринадцать?

Захотелось плакать. Снова, в очередной из множества раз, я чувствовала поднимающуюся к горлу волну. Но слёзы не шли, и болезненная тоска притуплялась, растворялась во мне, оставляя лишь неприятный осадок. Если бы только можно было вывернуть себя наизнанку, чтобы избавиться от этого сора.

Марта запрыгнула на кровать, принялась тыкаться в моё лицо мокрым носом. Пришлось подниматься. Тело налилось вязкой тяжестью, ноги и руки не слушались.

Кое-как я доковыляла до кухни, насыпала Марте корма и упала на стул. Кошка с наслаждением хрустела над миской — я же не могла заставить себя даже думать о завтраке. Хорошо знакомое мне настроение. Когда есть становится тяжело и еда теряет вкус, а голод и насыщение превращаются в плохо различимые чувства.

И ладно, переживу, подумала я.

Умылась холодной водой, вернулась в комнату, рухнула на кровать. Голову заполонили гнетущие мысли. Не в силах отогнать их, я провалилась без дела ещё пару часов, пока тревоги не загнали меня в угол. Стены давили, и теснота раздражала до отчаяния, потому что только внутри своей крошечной комнаты я ощущала себя в безопасности. Только здесь мне было спокойно. Но не в тот день.

Нужно было проветрить голову.

Однако прогулка едва ли помогала. Я бродила по округе, прячась в непривычно тихих дворах спального района. Наверное, это погода разогнала людей. Солнце скрылось, бледно светило через прорези в облаках и совсем не грело. Не такую погоду я ждала в середине лета.

Желудок сжимался от голода, но аппетит так и не пришёл. Голова гудела. Подставив лицо ветру, я закрыла глаза. Втянула носом сырой воздух и почувствовала, что не могу вдохнуть полной грудью, точно её стянуло обручем.

Холодно. Но я не хотела возвращаться домой.

И снова парк. Снова смотровая вышка. Я увидела Тау ещё издали. Приставив к глазам бинокль, он что-то высматривал в стороне речки.

Медленно поднявшись наверх, я встретила его улыбку.

— Эн! Ты всё-таки пришла.

— Так получилось.

Подойдя ближе, я села на дощатый пол и прислонилась спиной к перилам.

— День не задался? — поинтересовался Тау.

— Угу. Ещё один паршивый день.

— Но сегодня ты от меня не шарахаешься.

Я смутилась и притянула колени к груди. Не стала ничего говорить, и Тау тоже молчал. Долго; похоже, увлёкся своим занятием.

— Тебе удобно там сидеть? — вдруг спросил он с искренним любопытством.

— Нормально, — растерянно ответила я.

Поразмыслив несколько секунд, Тау убрал бинокль и сел на пол в метре от меня.

— А, и правда, довольно удобно. Жестковато только. И грязно слегка.

Он скрестил ноги и положил ладони на колени. Ветерок колыхал его русые волосы, переплетал светлые, выгоревшие пряди.

— Ну? И что у тебя случилось?

Я напряглась, но постаралась скрыть это за недоумевающим взглядом.

— Не угадал? — удивился Тау. — Извини, просто у тебя такое грустное лицо.

— Оно у меня всегда такое.

Он засмеялся.

— Могу выслушать, если хочешь на что-то пожаловаться.

Карие глаза его искрились, хотя солнце совсем не касалось их.

Я вздохнула. Запрокинула голову и уставилась на крышу. На самом деле желание пожаловаться часто посещало меня. Но я отмахивалась от него, старалась заглушить, считая, что не имею права на жалобы. Как, живя в тепле и сытости, я могу быть недовольна своим положением? Разве это не делает меня ужасным человеком?

— Глупости, — сказал Тау. — Ведь для человека его личные проблемы всегда трагедии, какими бы в сущности незначительными они ни были. Все мы эгоисты. Так почему бы не жаловаться, если от этого становится легче?

Прочёл ли он мои мысли, или я, не заметив, сама озвучила их? Вроде бы Тау смотрел на меня, но я никак не могла поймать его взгляд.

— Всё будет хорошо.

Слова полоснули по сердцу. Я скривилась и опустила голову, вжалась в перила. Тишина забила в уши. С каких пор эта фраза стала причинять мне боль? Почему она больше не успокаивает? Неужели я так часто повторяла её, что успела привыкнуть?

Могут ли мои надежды никогда не оправдаться?

Скрипнули доски — Тау встал на ноги и отряхнул джинсы. Бинобль снова мелькнул в его руке. Я подняла глаза, почувствовала ветерок на щеках. Мысли рассеялись.

— Что такое ты там высматриваешь?

— Птиц, — ответил Тау, не отрываясь от бинокля.

— Здесь можно увидеть кого-то, кроме воробьёв?

— Конечно! Зачем, по-твоему, здесь стоит эта вышка? Она, между прочим, орнитологическая. Хочешь сама посмотреть? Могу ещё научить тебя различать птичьи песни.

— Я их знала раньше. Учила в универе на практике.

— А-а, так ты тоже будущий биолог?

— Наверное.

Тау глянул на меня и сощурился. Задумчиво постучал пальцами по биноклю.

— Моё предложение показать птиц ещё открыто.

— Может, в другой раз.

С удивлением я обнаружила, что дышу полной грудью. Обруч исчез. Сердце билось ровно.

«Всего две недели, — произнёс голос. — Ты выдержишь этот срок?»

— Да, — ответила я одними губами.

Багряный лес

Лайонел ушёл.

Он не взял с собой никаких вещей. Я подумала, так он хотел оставить больше воспоминаний о себе. Однако на утро после отбытия в его квартире случился пожар, а позже выяснилось, что загородный дом тоже сгорел. Причины возгораний остались неизвестными, и по городу быстро разнеслись слухи о том, что это было делом рук завистников или врагов Лайонела. Хотя прежде никто и не предполагал, что у него есть недоброжелатели. Мне же начало казаться, что за пожарами стоял сам Лайонел. Словно бы он пытался стереть из этого мира собственное существование.

— Тоже мне трагедия, — фыркала Франтишка. — Невелика потеря.

— Злишься, что он ушёл без тебя? — спросил Кир, помешивая кофе.

— Пф-ф, да пусть катится ко всем чертям! После всего я бы ни за какие деньги не пошла с ним вместе.

— Что между вами случилось? — недоумевала я. — Ты так расстроена, потому что Лайонел не сказал о Приглашении заранее?

— Конечно, это расстраивает, но если бы у него были для этого нормальные причины! Я догадывалась, что вместе нам уйти не получится, и была готова к расставанию, была готова ждать здесь одна столько, сколько придётся, ради будущего воссоединения. Но он, этот подонок, заявил, что никогда не любил меня! Да кого он разыгрывает, как такое вообще можно говорить после года — года! — отношений, после стольких грёбанных признаний! Забудь всё, что было между нами — вот так возьму, мать твою, и забуду, подумаешь, любовь до гроба. Куда бы этот сукин сын ни попал, пусть в канаве подохнет с такими заявлениями.

Отдышавшись, Франтишка допила свой кофе и встала из-за стола.

— Я домой. Передайте Маричке, что у меня поднялась температура.

Так она и ушла, громко хлопнув дверью. И в агентстве имя Лайонела больше не звучало.

Мне казалось, у меня нет особых оснований грустить. Как и сказал Лайонел, я его почти не знала. И всё же чувствовала внутри странную пустоту. Даже подаренную им золотую заколку я больше не смела носить.

— Что тебя тяготит? — спросил Юлиан. Он выглянул из кухни, где был занят ужином.

— Ничего. — Охваченная неожиданной тоской, я сидела перед цветочными горшками и гладила листья. Пыль и рассеянный свет окутали их дымкой, точно туман.

— Не надо, я же вижу, что что-то не так. Не хочешь рассказывать?

Раздражение зудом рассыпалось по затылку и шее. Впервые я испытывала подобное из-за Юлиана, и потому открываться ему не хотелось вдвойне. Был бы на его месте Тау...

— Это правда ничего серьёзного. Всего по чуть-чуть, знаешь же, как это бывает.

— Знаю. — Он топтался на месте, подбирая слова. — Просто беспокоюсь. Когда вижу тебя грустной, думаю, что сам немного виноват в этом. Я ведь делаю всё возможное, чтобы твоё состояние поскорее улучшилось. Наверное, недостаточно стараюсь.

— Почему вдруг? Ты ведь говорил, что это нормально — грустить время от времени.

Юлиан опустил глаза.

— Ты права. Извини, не буду больше донимать.

Он вёл себя странно. Или же я просто стала замечать все эти странности. Чем больше я молчала, тем очевиднее они становились, заставляя меня окончательно запутаться в собственных чувствах к Юлиану. И хуже всего было сжимавшее моё сердце ощущение: что-то вот-вот случится.

Мария имела вид куда более серьёзный, чем обычно, а такое едва ли возможно было вообразить. Вопреки привычному порядку, в тот день она надела брюки и, попивая кофе, ждала нас на кухне. По удивительному стечению обстоятельств, я подъехала к агентству в ту же минуту, что и Кир с Петером.

— Не спешите раздеваться, — произнесла Мария, поднявшись из-за стола. — Мы отправляемся.

— Куда это? — удивился Кир.

— Смотреть дикую магию. Давайте, все на выход.

— А Фани? — спросил Петер.

— Поедем без неё. Она на дикую магию достаточно насмотрелась.

Озадаченные, мы сели в машину Марии, и Кир с облегчением выдохнул, узнав, что заправлять её не нужно. Отчего-то воздух был тяжёлым. Хотя у нас, очевидно, возникло множество вопросов, мы не торопились их озвучивать, и в салоне воцарилась выжидательная тишина. Мария же явно не собиралась ничего объяснять.

Первым не выдержал Петер.

— Всё-таки куда мы едем? Что значит «смотреть дикую магию»?

Мария не отрывала взгляда от дороги, и ни один мускул не дрогнул на её лице.

— На прошлой неделе в юго-восточном округе произошёл разрыв трубопровода и разлив магии. Девятнадцать человек погибли, ещё семьдесят два пострадали. Значительный участок леса стал мёртвой зоной. Вам будет полезно посмотреть, на что способна дикая магия. К тому же, она могла ещё остаться там в чистом виде.

— Мёртвая зона, — заметил Кир. — И нас туда пустят?

— Я получила разрешение на въезд, а также мне одобрили отказ от сопровождения. Поэтому нам никто не помешает.

— Что же такое ты хочешь нам показать?

— Ничего криминального, если тебя *это* волнует.

За чертой города Мария долго вела по магистрали, а затем свернула на узкую дорогу, теряющуюся за деревьями. Мы въехали в лес. Тёмный и сырой, казалось, он всё теснее обступал нас, нависал над крышей автомобиля, не спуская с него внимательных глаз. Колёса спотыкались о битый асфальт, и с каждой выбоиной сердце моё ухало. Мария сбавила скорость. Гнетущее предчувствие сдавило грудь.

Вскоре я увидела впереди пару служебных машин, припаркованных по краям дороги, и нас остановили сигнальным жезлом. Мария открыла окно и протянула бумаги двум подошедшим мужчинам. На их куртках поблёскивали знакомые мне серебряные эмблемы.

— Рыцари? — нахмурился Кир. — Они занимаются этим разливом?

— Тут ведь дикая магия замешана, а значит дело серьёзное, — сказал Петер.

— Верно. — Мария забрала бумаги и тронулась. — Рыцари специализируются на магической безопасности, не только на странниках. Конечно, они заведуют этим делом, всё-таки подобные катастрофы случаются нечасто.

Асфальт чуть искрился и хрустел под колёсами, точно был посыпан песком. Кристаллическая пыль. При мысли о том, что ещё недавно земля здесь была залита магией, по спине у меня пробежали мурашки. Заметив на правой обочине временный указатель, Мария затормозила.

— Полагаю, нам туда.

За указателем виднелась свежая тропа. Дождавшись, когда мы выйдем из машины, Мария открыла багажник и извлекла четыре пары резиновых сапог.

— Надевайте. Это мера предосторожности.

Переобувшись, мы двинулись в глубь леса. Высокие ели заслонили лохматыми лапами небо, не пропуская солнечный свет, и в сумраке я пристально смотрела под ноги. Хруст сухих веток отдавался эхом в напряжённой тишине. Было холодно, пахло хвоей.

Через пару минут впереди показался просвет. Мы вышли к железной дороге, тянущейся по центру широкой просеки. Из-за разлива путь был перекрыт, поезда не ходили. Жухлая трава под подошвами рассыпалась в пыль.

— Поспешим, — сказала Мария, уже пересёкшая рельсы. В чаще по другую сторону что-то сверкало и краснело. — Не хотелось бы провести здесь полдня.

— Петер! — окрикнул Кир. — Чего ты завис?

Он остановился в нескольких шагах и потрясённо, почти с ужасом, смотрел на пути, прослеживая их глазами то вправо, то влево.

— Петер.

Он вздрогнул, когда Кир тронул его за плечо, и растерянно схватился за голову.

— Что с тобой?

— Нет, нет, ничего, это просто, — взгляд его, как бы Петер ни сопротивлялся, раз за разом цеплялся за рельсы, — просто это место, как будто, не знаю даже, словно оно...

— Эй, эй, успокойся, это всего лишь железная дорога.

Кира, похоже, такая реакция застала врасплох, и он сам начал нервничать. На помощь пришла Мария. Взяв Петера за руку, она поймала его взгляд и долго, сосредоточенно смотрела ему в глаза.

— Лучше?

— Да, — выдохнул Петер, и Мария отпрянула.

— Теперь мне кажется, что не брать с собой Франтишку было ошибкой. Если все пришли в норму, то предлагаю ускориться. И, пожалуйста, постарайтесь держать себя в руках. Я бы предпочла обойтись без происшествий, проблемы с Рыцарями нам сейчас совсем не нужны.

Она бодро зашагала вперёд, с усердием впечатывая сапоги в землю. Редко что-либо так выводило Марию из равновесия, и потому предчувствие чего-то нехорошего лишь больше росло во мне. И вправду, стоила ли затея с дикой магией всего этого?

Снова сухие ветки оглушительно трещали под ногами. Лес густел, но из глубины его как будто шёл свет. Красноватый свет. И очень скоро его источник предстал нашим глазам.

Сначала среди тёмно-зелёных елей показалась одна багряная, потом ещё несколько, и вот уже весь лес вокруг нас сменил цвет. Красная хвоя мерцала, точно мишура, и пропускала солнечные лучи до земли, усыпанной такой же красной кристаллической пылью. Ветер качал верхушки елей, и во все стороны разносился глухой звон. В глазах рябило, уши заложило. Терпкий, сырой запах леса исчез. А ещё через несколько шагов земля стала рыхлой, пропитанной влагой, точно болотный мох; она неприятно хлюпала под сапогами.

— Остановимся здесь, — сказала Мария. Прислонившись к ближайшему стволу, она дала нам время привыкнуть к окружению. — Вам ведь ещё не доводилось видеть, во что магия превращает живую материю? На самом деле, нечто подобное тому, что стало с этим лесом, практически не происходит. А если происходит, то в большинстве случаев это последствия именно дикой магии. Точно неизвестно, какими свойствами, кроме огромной разрушительной силы, она обладает. Её сложно изучать, а ещё говорят, будто бы каждый раз, когда дикая магия появляется, у неё обнаруживают новые особенности. Удивительно, что она превращает всё в такие красивые кристаллы.

Мария протянула руку и сорвала с ветки пучок багряных иголок, но они сразу же раскрошились в её ладони. Из интереса я повторила за ней: кристаллы оказались лёгкими и холодными, точно льдинки, и трескались от малейшего прикосновения. Причудливая игра света на их гранях завораживала.

— Кстати, — Мария просеяла красную пыль сквозь пальцы, — эта жидкость у нас под ногами — остатки дикой магии. Надеюсь, вы понимаете, что трогать её не стоит.

Кир, уже присевший на корточки и потянувший руку к земле, услышав эти слова, дёрнулся и отпрянул. Но слишком резко. Качнувшись, он не удержал равновесие.

Магия всплеснула под его ладонью. Кир вскрикнул. Вскочил, шагнул назад, и Петер подхватил его, испугавшись, что он снова упадёт.

— Проклятье, — буркнула Мария. Быстро и уверенно, словно делала такое каждый день, она выудила из-за пазухи платок и стёрла с ладони Кира остатки магии. Его всего трясло.

— Мария, что происходит? — лепетал Петер, трясаясь почти так же сильно. — Рука... С рукой всё в порядке?

— Неужели непонятно, что дикая магия очень опасна? Каким идиотом нужно быть... Чёрт!

Мария взяла Кира за подбородок, всмотрелась в его глаза. Он едва ли реагировал, только тяжело дышал.

— Но ведь, — подала голос я, — Кир постоянно контактирует с чистой магией. Наверное, он просто не подумал...

— Ты права. Это полностью моя ошибка, — сказала Мария с привычной холодностью. — Возвращаемся. Сейчас же.

Когда мы выбрались из леса и посадили Кира в машину, он немного пришёл в себя. Взгляд его стал ясным, но дышалось ему всё ещё с трудом. Магия не оставила никаких следов на его ладони, и я терялась в догадках, что же произошло. Наверняка, Мария знала ответ. Она дала Киру бутылку воды, но руки его так дрожали, что он не мог сделать и глотка. Я подумала, что ему была нужна поддержка Петера, но тот отошёл от машины подальше и закурил. Конечно, он перенервничал. Я и сама едва находила в себе силы, чтобы не рухнуть на асфальт.

Только Мария сохраняла хладнокровие. Хотя мне и казалось, что причиной её спокойствия скорее была усталость, какую я никогда прежде не замечала. Тяжёлая, словно копившаяся многие годы. Очень давняя усталость.

— Мария, — хрипло произнёс Кир, после того как она помогла ему с бутылкой, — что всё это значит? Что это было? — Он посмотрел на свою ладонь, будто хотел найти в ней ответы, а потом поднял влажные, полные боли глаза. — Почему?.. Как такое вообще...

Он захлебнулся. Зажал рот рукой, словно пытаясь остановить льющиеся наружу чувства. Мария подошла ближе, притянула его голову к своей груди и гладила по волосам, пока Кир не перестал дрожать.

— Франтишка была бы сейчас очень кстати, — тихо сказала она.

А если бы Франтишки не было вовсе? Она так часто помогала успокоить Петера, но достаточно ли её за это благодарили? Пусть она и руководствовалась чувством вины, задумывались ли мы хоть раз, каково ей было? Потому что в ту минуту я, способная лишь наблюдать за тем, как Кир страдает, ощущала жгут, что всё ту же стягивал мою поясницу, врезался в кожу и, если бы я перестала сопротивляться, уже бы разорвал меня пополам. Не слишком ли многое мы возлагали на плечи Франтишки?

— Поедем?

Синие глаза Марии смотрели на меня, но как будто не видели. Моргнув несколько раз, она смахнула со лба чёлку и коснулась мочки уха. Петер уже сел в машину.

— Д-да, — рассеянно отозвалась я и тоже поспешила внутрь.

Мы разместились и пристегнули ремни, но Мария, положив руки на руль, сидела неподвижно и не собиралась заводить двигатель.

— Простите меня, — наконец сказала она с искренним сожалением, пусть и едва слышимым. — Мне следовало предупредить вас заранее и лучше позаботиться о вашей безопасности. С моей стороны глупо было полагать, что подобное мероприятие пройдёт гладко. То, что мне позволили провести вас на закрытую территорию, не значило, что это стоило делать. Я не достойна должности руководителя, которую занимаю. Если вы потребуете компенсацию или захотите уйти из агентства, я не стану возражать...

— Хватит уже, — глухо сказал Кир. — Ты сама себя слышишь? Говоришь так, будто кто-то умер. Я вообще-то не меньше твоего виноват в случившемся, и даже не начинай про ответственность и прочее. Вечно ты поделовому... — Он зажмурился и потёр лоб. — Прекращай себя корить, и поехали. У меня от этого места голова трещит.

Я была удивлена, даже восхищена тем, что именно Кир высказал наши общие мысли. Поначалу я едва не остановила его словами, что он не обязан этого говорить. Но быстро поняла, насколько сильнее действовало на Марию сказанное его устами. Кто, если не Кир, должен был осадить её?

Петер встревоженно переводил взгляд с одного лица на другое. Глотал ртом воздух, но не решался нарушить молчание. Мария так ничего и не ответила. Словно статуя, она не моргая смотрела прямо перед собой. А потом, вернувшись к жизни, как ни в чём не бывало завела машину.

— Я развезу вас по домам.

Тучи сгущались к дождю. Долго. После всего случившегося хотелось, чтобы поскорее полило. Чтобы капли прибили к земле пыль, которая оседала на горле при каждом вдохе. Только пыль эта была эфемерной, и поднялась она в салоне, за закрытыми окнами, куда бы ни за что не проник дождь. Я закрыла глаза и представила, как холодная вода капает на моё лицо и стекает за шиворот, как мокрые волосы прилипают к шее. Немного, но мне полегчало.

Может быть, чтобы успокоить нас, а может, саму себя, Мария свернула с шоссе на объездную дорогу. Слабое укачивание снимало тяжесть с груди, ещё сохранившие зелень пейзажи отвлекали от неприятных мыслей. Мы ехали вдоль реки, которая через пару десятков километров должна была вместе с нами пересечь черту города.

Вдалеке замаячил знакомый силуэт. Я напрягла зрение, и сердце моё забилося чаще. Сама того не осознав, я вцепилась в рукав Марии.

— Останови.

— Марта, мне неудобно вести так...

— Останови машину, пожалуйста!

Меня бросило вперёд. Мария вздрогнула, словно не ожидала, что так резко нажмёт на тормоз. Автомобиль ещё ехал, но достаточно медленно, чтобы я решилась открыть дверь и выпрыгнуть наружу.

— Марта!

Я побежала. Слух отключился, тело двигалось по собственной воле. Поле зрения критически сузилось, оставив в фокусе лишь неказистую, высившуюся над землёй конструкцию.

Смотровая вышка. Точно такая, какой я её помнила. Квадратная крыша, лестница в три пролёта. Почему до неё было так далеко? С каждым шагом взгляд всё больше мутнел, а под рёбрами всё сильнее болело. Я подумала: успею ли добежать прежде, чем эта боль станет невыносимой? И что случится, если не добежу?

Тогда мне казалось, что от этой вышки зависит моя жизнь.

Нога скользнула по мокрой траве. Земля накренилась и понеслась мне навстречу. На мгновение всё исчезло, словно бы меня вытолкнуло из тела в густую, непроницаемую черноту. Но сознание тут же вернулось.

Сначала я почувствовала холод. Потом — ломоту в груди. С трудом я повернулась на бок и попыталась подняться, но дрожащие ноги не слушались. Хотелось закричать на них от злости, но и голос предал меня. Запрокинула голову: до вышки оставались считанные шаги.

— Марта!

Меня подхватили под мышки и дёрнули вверх. Потащили куда-то — я видела лишь, как мои ноги волочатся по земле — и тут же опустили. К своему изумлению, я обнаружила, что сижу на деревянной ступеньке.

— Марта, что на тебя нашло? — Передо мной возникло лицо Марии, размытое, смазанное в бледное пятно. Голос же был спокойным и мягким; долго не затихая, словно струна, он возвращал ясность сознания. — Это совсем на тебя не похоже. Ты нас перепугала.

Кто-то сжал мою ладонь. Я обернулась и встретилась взглядом с Петером. Он ничего не сказал, но смотрел так, как будто боялся, что, если отпустит мою руку, я исчезну.

— Что так взволновало тебя в этой вышке? — спросила Мария. — Почему ты так отчаянно бежала к ней?

Странно, но от кипевшего во мне волнения не осталось ни следа. Стоило только оказаться под крышей вышки, как внутри разлилась безмятежность. Не давая себе отчёта, я улыбнулась:

— Мы можем подняться наверх?

Пусть ноги ослабли, преодолевать ступеньку за ступенькой было легко, словно бы меня тянули невидимые тросы. На площадку задувал ветер. Он пах по-летнему, дождём и сырой землёй. Я хотела подойти к перилам, чтобы подставить ему лицо, но Петер крепко держал меня за локоть.

— Не надо. На краю небезопасно.

— Но площадка огорожена.

— Вышка выглядит старой, — сказала Мария, — и перила не внушают доверия.

— И мы всё равно поднялись сюда, — заметила я. — Почему, если это опасно?

— Потому что это важно для тебя. Или я неправа?

Получив в ответ моё молчание, Мария покачала головой и повернулась к лестнице.

— Подожду вас внизу. Не задерживайтесь.

Скрип ступенек затерялся в шелесте ветра. Я поёжилась, и Петер неуверенно приобнял меня за плечи. Хоть мы и были на вышке одни, я чувствовала присутствие ещё кого-то. Или, скорее, пробуждённые воспоминания дорисовали его образ, намертво привязанный к этому месту. Тау. Настолько расплывчат он был в моей памяти, что казался нереальным. Однако мои чувства к нему, пусть и такие же расплывчатые, были настоящими.

— Знаешь, я уже видела эту вышку раньше. В нашем мире.

Петер вдруг до боли сжал моё плечо. Я вздрогнула, и он испуганно отдернул руку.

— В чём дело?

— Ни в чём. — Он отвёл глаза. Выдохнул, запустил пальцы в волосы. — По правде сказать, я понимаю. Отчасти. Та железная дорога в лесу, я тоже видел её раньше. Жаль, чувства с ней связаны совсем не приятные.

Я погладила Петера по руке. Стало совестно. Ещё пять минут назад, когда мной овладел порыв, когда нечто околдовало меня, если бы появилась возможность вернуться домой, в свой мир, я бы воспользовалась ей. Даже не зная наверняка, вернусь ли. Будь то портал или пропасть, прыгнула бы без колебаний. Откуда взялась во мне такая отчаянная смелость, такая глупость? Разве правильно было бы уйти вот так, ни с кем не попрощавшись, ничего не объяснив? Глядя на Петера, я осознала, что не могу бросить его и остальных. Не так. И не сейчас.

— Нам пора.

Вышка не отпускала меня. Под ногами хлопала сырая земля, по лобовому стеклу скатывались дождевые капли — я стояла на деревянной площадке и вдыхала влажный воздух. За окном перелески сменялись то голыми полями, то домами и заборами посёлков — прохладный ветер задувал под квадратную крышу и ласкал мои щёки. Фонарные столбы, светофоры и сигнальные огни машин, Мария открыла передо мной дверь подъезда — кто-то ещё был на вышке, совсем рядом, но прятался в тени. Или он и был тенью? Образ Тау размылся, стёрся, и лишь улыбающиеся блестящие глаза смотрели на меня сквозь белёсую дымку. Что же они разглядели во мне, скрытой этой промозглой мглой?

— Марта, боже мой, что случилось?

Встревоженный голос Юлиана — и глаза закрылись, исчезли, а вместе с ними исчезла и вышка, наконец отпускающая меня. В гостиной клубился холодный сумрак. Казалось, только что Мария помогала мне отпереть дверь квартиры, и вот уже за окном стемнело. Я так и просидела на диване до самого вечера, не двигаясь и ничего не видя перед собой. Но Юлиан вернулся с работы, проступил в тумане моего полусна, ошеломляюще настоящий. Его взволнованный взгляд пробежал по мне вверх и вниз, а пальцы, такие тёплые, осыпали трепетными прикосновениями мои волосы, лицо, руки. Если бы только я могла хоть что-то ответить ему.

Так и не связав даже пары слов, опустошённая и измученная, я уснула в его объятиях.

Утро встретило меня запиской на кухонном столе: «Звонила Мария, сегодня в агентстве выходной. Хорошенько отдохни». Образцовый почерк Юлиана, ровные строчки и выверенные промежутки между словами. Строгий, но завораживающий. Довольно долго я просто рассматривала его, не вникая в смысл написанного.

Новость о выходном не вызвала у меня никаких эмоций. Впрочем, мне нужно было время прийти в себя. Всё вокруг казалось реальным лишь наполовину, и воспоминания больше походили на выдумки, очень давние фантазии, которые прокручиваешь в голове так часто, что начинаешь в них верить. Знакомое чувство подвешенности. Словно я застряла между двумя мирами. Какой из них настоящий? Какой из них мой?

Память всё усложняла. Даже будь я уверена в своих желаниях, я бы не решилась что-либо предпринять: кто знает, что таит в себе моё прошлое. Хорошо, что оно не обрушилось на меня разом в один момент. Но долгое ожидание изнуряло.

Точно парализованная, я сидела на холодном полу, спиной к стене, и смотрела в потолочное окошко. Всё впустую. Меня выбросило туда же, откуда я начинала. Пусть прошёл не один месяц, пусть я многое узнала и вспомнила, изменилось ли хоть что-нибудь? То же квадратное окно в потолке, но ни единого лучика света не пробивалось через серые тучи. Те же тяжёлые чувства, но с другим оттенком. Это замкнулся круг или начался новый виток спирали? Хотелось верить в последнее. Только не получалось.

Юлиана не было рядом. Даже когда мы касались друг друга, я едва ощущала его присутствие. И всё никак не могла понять, кто же из нас выстроил эту стену. Был ли смысл пытаться сломать её? Лёд под моими ногами стал угрожающе тонок. Но мне не хватало смелости сойти с него, не хватало весомых причин. Казалось, у меня остался последний шанс проверить его на прочность. А заодно и свои чувства. Расплести эти нити, спутавшиеся в мудрёный клубок, натянуть эти струны как можно туже. Разорвутся — и пусть. Тогда я думала, что терять мне было уже нечего. И всё же немного сожалела о своём вопросе.

— Вернуться?

Юлиан убавил звук телевизора и обеспокоенно глянул на меня. Мы сидели на незастеленном диване, греясь под одеялом: вечер выдался морозным.

— Просто интересуюсь. Кто-нибудь из странников возвращался обратно, в наш мир?

— Не припомню таких историй.

— Но теоретически это возможно?

Юлиан нахмурился. Его рука на моих плечах ощутимо напряглась.

— К чему вдруг такие вопросы? Сначала Приглашение, теперь это.

— Я всего лишь хочу понять. Мне кажется, из-за потери памяти я отличаюсь от других странников, вот и пытаюсь разобраться. Большинство уходит куда-то дальше по Приглашению, но может, есть такие, кто решает вернуться? Конечно, мы сюда приходим по собственному желанию, но всё же...

— Такая уж у странников природа, — буркнул он. — Есть нечто, что движет ими, заставляет бежать вперёд. Не похоже, чтобы кому-либо из них на самом деле было важно, что там впереди или что останется за спиной. Лишь бы добежать. Не знаю даже, от хорошей ли это жизни или наоборот.

— Что тебя так злит?

Я заглянула Юлиану в глаза. Тот же причудливый пыльно-песочный цвет, что и у кудрявых волос. Лицо его в голубоватых отсветах экрана казалось болезненно бледным и осунувшимся.

— Не хочешь, чтобы я уходила? — Мои пальцы коснулись его щеки, провели по короткой щетине. — Ты ведь лучше меня понимаешь, что это естественный ход вещей для странников.

— Говоришь так, будто уже всё решила.

— Ничего я не решила.

Юлиан уронил голову — пальцы соскользнули в его волосы. Жёсткие и непослушные. Шумно выдохнув, он уткнулся лбом мне в шею.

— Понимаю и оттого не хочу вдвойне. Буду за тебя тревожиться. Если бы мог, ушёл бы с тобой. В любом из направлений.

— Я не ребёнок. Помнишь, ты сам это сказал? А отпускать не готов.

— Не готов. Потому что люблю тебя.

Свет в комнате был приглушён. Юлиан стиснул мою талию, прижался губами к шее. В окне над крышами тёмным пологом нависало небо, тяжёлое, будто грозящее раздавить город. Я прерывисто вдохнула.

Юлиан положил меня на спину, погладил по щеке.

— Жаль, что ты появилась в моей жизни так поздно.

В полумраке комнаты он целовал меня. Нежно и сдержанно поначалу. Но я ничего не почувствовала, даже когда поцелуй стал глубже, даже когда горячая ладонь забралась мне под свитер. Раньше по моей коже пробегала дрожь от одного только прикосновения. Теперь же не было ничего: ни возбуждения, ни страха, ни отвращения. И лишь ночное небо слегка давило на грудь, затрудняя дыхание.

Юлиан остановился. Посмотрел на меня грустными глазами.

— Зачем ты позволяешь мне это? Тебе ведь не хочется. Почему не оттолкнёшь, не рассердишься?

Я отвела взгляд.

— Не знаю.

И мне вдруг стало противно от самой себя.

— Марта? — испугался Юлиан. — Прости, я...

— Ничего. Ты здесь ни при чём.

Утерев невольные слёзы, я поднялась с дивана. Плечи затрясло как от холода.

— Скажи, за что ты полюбил меня? — спросила я, не оборачиваясь. — Объясни. Назови хоть одну причину, потому что я их не вижу.

За спиной зашуршала простыня, и меня обняли тёплые руки. Но тепло их совсем не грело.

— Ты меня выдумал. Я всего лишь пустая оболочка, которую ты наполнил тем, что тебе нравится.

— Неправда.

— Тогда назови причины, — голос мой сорвался. — Твои чувства как на ладони, но они больше не отзываются во мне. Почему? Раньше они делали меня настоящей. Я чувствовала себя настоящей. Почему же теперь

внутри эта пустота?

В груди kloкотало так, словно меня в любой момент могло вывернуть наизнанку. Юлиан взволнованно сжал мою ладонь.

— Кто вообще такая Марта Овертон? Это тело принадлежит мне или ей? Чью жизнь я проживаю? Как можно существовать с буквой вместо имени?

Грудь сдавило ещё сильнее, дышать стало больно. Ноги подкосились, и Юлиан едва удержал меня.

— Ты снова вспомнила что-то? — ошеломлённо спросил он над моим ухом.

— Тебя это так беспокоит? — огрызнулась я, окончательно потеряв контроль. — Твои вопросы уже стали навязчивыми. Ты боишься чего-то? Есть что-то, что мне нельзя вспоминать? Если вернётся память, если я стану прежней собой, ты больше не будешь меня любить?

— Нет, Марта, ты всё не так поняла...

Юлиан растерялся, и я вырвалась из его объятий, бросилась к лестнице.

— Я просто хочу помочь тебе! — выкрикнул он в отчаянье.

— Тогда оставь меня в покое! — ответила я в сердцах и хлопнула дверью.

Ни шаги, ни слова не раздались мне вслед. Внизу было тихо, в моей комнате — темно и холодно. Обессиленная, я припала к стене, сползла на пол и разразилась рыданиями. Лёд треснул. Чёрные воды поглотили меня, потянули вниз. Бурные потоки подхватили и трепали измученное тело, пока оно не достигло дна.

Вдруг я обнаружила опору там, где никогда бы не подумала искать.

Слёзы унялись. Песок подо мной был на удивление мягким и тёплым. Он забивался в волосы, шуршал по коже, убаюкивая. И я уснула в одиночестве, под невесомым песочным покровом.

Только ночное небо молчаливо наблюдало за мной через потолочное окошко.

Воспоминание: Птицы

Тау показывал мне птиц. Я согласилась не столько из интереса, сколько от скуки, просто чтобы оставшиеся две недели поскорее прошли. И хотя я не собиралась всерьёз внимать его рассказам, вдруг обнаружила, что ловлю каждое слово. Даже если мы наблюдали за скворцами или высматривали в ветвях зяблика, едва заслышав хорошо знакомую песню, Тау был полон энтузиазма. Мне нравилось видеть искры в его глазах. Бинобль приятной тяжестью ложился в ладони, ремешок чуть щекотал шею. Отражаемый в окулярах мир почему-то казался ярче. Близ вышки щебетали лазоревки, в ивах на берегу речки гнездились жуланы, а в кустах черёмухи мелькали славки и камышовки.

Птицы никогда не привлекали меня. Но, пусть я и находила это странным, они пробудили во мне угасшую тягу к рисованию. В плавных линиях их крошечных тел, в штрихах их оперения, столь поразительно простых, было нечто непередаваемо прекрасное.

В ночные часы, когда я безуспешно пыталась заснуть, голос рассказывал мне о мире, в который обещал отвести. А однажды утром на моём столе появилась книга. Потрёпанная, пахнущая старостью, однако запах этот в чём-то сильно отличался от того, что я слышала раньше. Он принадлежал другому миру. Как и сухой хруст корешка, как и шероховатость страниц.

— Магия? Ты ничего не говорил о магии.

«Поэтому здесь эта книга, — ответил голос. — Она поведаст тебе о магии моего мира».

— Она научит меня ею пользоваться?

«Нет. Этому тебя не научит ни одна книга. Свою внутреннюю магию ты должна открыть сама».

— Внутреннюю?

«Каждый странник обладает внутренней магией. Она есть отражение ваших сокровенных желаний и стремлений, что становятся её источником. Источник формируется со временем. Уже скоро твоя магия проявит себя».

Больше голос ничего не сказал. Свыкшаяся с ожиданием, я бы легко отбросила мысли о внутренней магии до поры, если бы не одно но. Сокровенное желание. Было ли у меня такое?

Или вернее, как давно у меня не осталось никаких желаний?

Жаль, никто не мог ответить на мой вопрос. Даже Тау, который, казалось, понимал так многое и без труда угадывал моё настроение, вряд ли бы разглядел что-либо в глубине моей души. Впрочем, спросить его всё равно не было лишним.

— А! — коротко воскликнул Тау, отняв бинобль и тут же снова приставив к глазам. — Да ладно, не может быть.

Солнце светило ярко в тот день. Было приятно смотреть на чистое небо, на сочную зелень в золотых лучах и вдыхать запах ещё влажной земли, но жара толстым одеялом укутывала тело, делая его практически неподъёмно тяжёлым. Тень под крышей вышки едва ли спасала. Подтянувшись на перилах, я встала с пола и взяла бинобль.

— Что ты там увидел?

— Зарянка, — Тау неопределённо указал в сторону прибрежных кустов. — Так странно. Они никогда здесь не гнездились, да и не должны, не их это биотоп. Разве что кормиться прилетела. Но почему сейчас? Ладно бы осенью, но летом? — Нахмурившись, он постукивал пальцем себе по носу. Жест до того милый, что непременно вызывал у меня улыбку.

— У зарянки оранжевая грудка, да?

— Да-да. Видишь её?

— Не-а, — я опустила бинобль, даже толком в него не посмотрев. — Наверное, улетела уже.

— Наверное, — сказал Тау расстроено, но проверять не стал, лишь повернул голову в сторону реки. Впервые он был передо мной таким, слегка печальным и задумчивым. Замер, точно на фотографии. И хотя черты его были как никогда отчётливыми, они всё равно ускользали от меня.

Не отрывая от Тау взгляда, я сложила руки на перилах и подпёрла подбородок ладонью. Забравшееся под крышу солнце пекло макушку. Что-то колыхнулось внутри. Что-то до боли знакомое, но сокрытое так глубоко, что не дотянешься. И хуже всего было осознавать, что я сама погребла это нечто там, на глубине.

— Зачем ты наблюдаешь за птицами? Не думаю, что ты собираешься стать орнитологом. Но и на простое хобби это не похоже.

Он шелохнулся, словно от дуновения ветра; его губы приоткрылись, но голос прозвучал сразу со всех сторон:

— Ласточки.

Громко захлопали крылья. Я обернулась, но птиц нигде не было. А когда снова посмотрела на Тау, встретила его блестящие глаза. Ясные, без тени печали.

— Ласточки?

— Да, они часто тут бывают. Мы их видели, помнишь, небольшие стайки? Ловят мошек, купаются в речке — и всегда в полёте. Красивые птицы.

— Симпатичные. Так и что с ними?

Тау улыбнулся.

— Слышала про ласточку с золотым крылом?

Я лишь недоумённо пожала плечами.

— Очень редко можно встретить её близ воды. Она ничем не отличается от других, только нижняя сторона её крыльев блестит на солнце золотом. Говорят, если поймать такую ласточку, она исполнит любое желание.

— Так это легенда?

— Может быть, — посмеялся он. — Но я почему-то в неё верю. Вот и высматриваю тут золотую ласточку. Мечтаю встретить её однажды.

— Хочешь её поймать?

В листве зашуршал ветер. Тау молчал, смотрел куда-то вдаль — я не могла проследить, где заканчивался его взгляд. Но исходивший от него свет был таким тёплым. Меня охватил странный трепет, душевный подъём, какой я не испытывала уже очень, очень давно. словно на короткую минуту вернулись лучшие времена моей жизни.

— Думаю, это замечательная мечта, — сказала я. — У меня вот совсем никакой нет. Ни мечты, ни желаний.

— Ещё появятся, — сказал Тау. — Можешь мне поверить.

— Поверить... — Трепет утих, и в груди осела сладковатая тоска. — Хотелось бы. Но, кажется, не осталось ничего, во что бы я могла поверить всем сердцем.

Солнце грело мои похолодевшие пальцы. Высокая трава качалась и дрожала на ветру. Было тихо.

И в небе над рекой танцевали ласточки.

Общежитие стояло особняком, и хотя его стены были выкрашены в привычные для Тьярны тёплые цвета, выглядело оно неприветливо. Не то уплощенная крыша придавала ему неуютный вид, не то решётчатый забор, огораживающий территорию. Невысокое и вытянутое, с общим входом посередине, здание больше напоминало учебный корпус или филиал какого-нибудь института, чем жилой дом. Закрытые окна, пустые балконы и недвижимая тишина. Как мне и говорили, редкие странники задерживались здесь надолго.

Ворота были распахнуты, охранник, чья седая голова виднелась в окошке небольшой пристройки, похоже, клевал носом. Я стояла в шаге от тонкой линии, что отделяла территорию общежития от тротуара, и ждала, пока Юлиан достанет из багажника мои вещи. Он не спешил. Как будто надеялся, что я вдруг передумаю. Но я, пусть и не была твёрдо уверена в своём решении, точно не собиралась возвращаться в квартиру к Юлиану. И его уговоры ничуть меня не переубедили, лишь портили настроение.

Наконец он прикатил к моим ногам чемодан и водрузил сверху увесистую сумку. Всё нажитое мной за три проведённых в Тьярне месяца. Довольно много для столь короткого срока. Но в то же время так мало, чтобы описать жизнь одного человека. Значило ли моё существование хоть что-нибудь для этого мира? Если здесь странники — люди без прошлого и будущего, задерживающиеся на этих землях лишь на какую-то пару лет, то в чём состоит их настоящая ценность?

Я мотнула головой, отгоняя мысли, и посмотрела на Юлиана.

— Ну, тут и распрощаемся.

— Может, проводить тебя хотя бы до дверей?

— Зачем? Это ведь ничего не изменит.

— Хотел помочь с вещами. Забыл, что тебе моя помощь не нужна.

Пристыдив меня, Юлиан, похоже, и сам пожалел о сказанном. Подмывало схватить чемодан, развернуться и уйти, не говоря больше ни слова, но я держалась. Не время было устраивать сцену.

— Хотя бы позвони, как обустроишься. То есть ты не обязана, конечно, но мне так будет спокойнее.

Я кивнула, отвела глаза. Повисла пауза. Никто из нас не решался попрощаться первым. И я, всё же не совладав с собой, просто сбежала: несмело взяла свои вещи и шагнула за ворота.

Ремень сумки больно давил на плечо, но я старалась не подавать виду. Должно быть, со стороны смешно было наблюдать, как я неуклюже плелась к дверям общежития, волоча за собой чемодан. Юлиан же, наверняка, смотрел с жалостью.

— Прости меня.

Остановившись, я обернулась — он потупился, шаркнул ногой. Словно нашкодивший ребёнок.

— Не извиняйся. В ссорах всегда виноваты двое.

— Знаю, но... если быть честным, я слишком многое скрывал от тебя.

По спине пробежала дрожь. Сжав кулаки, только бы не поддаться эмоциям, я тихо ответила:

— Я догадывалась.

Юлиан прикрыл глаза рукой. Не думала, что когда-нибудь увижу его исполненным такого сожаления.

— Можешь не рассказывать. Сейчас я всё равно не готова слушать.

— Боюсь, даже выслушав все причины до последней, ты всё равно никогда не простишь меня.

— Если так уверен, зачем просишь прощения?

— Потому что иначе себя я тоже никогда не прощу.

Каким бы раскаявшимся Юлиан ни выглядел, я не могла отделаться от мысли, что он пытается мной манипулировать. Мне хотелось подойти к нему, тронуть за плечо, улыбнуться сочувственно. Было противно от собственной слабости.

— Не хочешь отвечать сейчас — не отвечай, — сказал Юлиан. — Я буду ждать столько, сколько потребуется.

— А если я никогда не отвечу?

Он развёл руками.

— Значит так тому и быть. Я лишь надеюсь, что мы не расstaёмся навсегда.

Это «навсегда» ещё долго терзало меня. Сколько времени мы проведём порознь? Увидимся ли мы снова, и что будет с нами тогда? Расскажет ли Юлиан правду, и смогу ли я простить его?

А ведь мы так толком и не попрощались.

В холле меня встретил Кир и помог поднять вещи на третий этаж, где жили они с Петером. Мне выделили комнату по соседству. После спальни в мансарде она совсем не казалась мне тесной, разве что растений не хватало.

— Ну, располагайся, — сказал Кир. Он выглядел отстранённым и ещё более уставшим, чем обычно. — Если

что, ты знаешь, где нас искать.

Развернувшись, он уже собирался уйти, но вдруг остановился и, смотря куда-то в глубь коридора, медленно добавил:

— Да, ужин сегодня за мной. Позову тебя, когда всё будет готово.

Его состояние вызывало беспокойство, однако, к своему стыду, я почувствовала облегчение от того, что он ничего не стал спрашивать про Юлиана.

Хотя в комнате было прохладно, я открыла окно. Отчего-то городской воздух пах иначе. И даже столь обыкновенная для меня тишина одиночества звучала совсем по-другому. Опустившись на кровать, долгие минуты я сидела неподвижно, стараясь не издавать ни шороха, и вслушивалась в незнакомые звуки, глухо доносившиеся с улицы, из-за стен и потолка. Я знала, что привыкну со временем. Такова человеческая природа — рано или поздно мы свыкаемся с любыми переменами, перестаём замечать их. Но всё равно грядущие дни и недели, что мне пришлось бы приспособливаться к новой жизни, пугали меня. Казалось, я настолько поверила в собственную беспомощность, что уже не могла отпустить её.

Была лишь одна вещь, что придавала мне сил. Покопавшись в сумке, я вытащила на свет небольшой свёрток. Бережно развернула полотенце и провела пальцами по затёртому пластику. Бинокль. Тот самый, что я видела в своих воспоминаниях. Юлиан вручил мне его перед отъездом, не потрудившись объяснить, почему молчал о нём всё это время. Помимо ключей от дома бинокль был единственным, что я принесла в Тьярну из нашего мира. Какую же страшную тайну он хранил в себе?

Смотреть в окуляры было боязно. Что бы мне ни открылось в них, я сомневалась, что выдержу. Потому завернула бинокль обратно в полотенце и убрала поглубже в шкаф. Нечто навязывало мне это бережное отношение. И отчего-то я чувствовала: Тау здесь ни при чём. Слишком призрачным было его существование, тогда как приятная тяжесть бинокля, точно якорь, удерживала меня в реальности. Где бы эта настоящая реальность ни находилась.

Начался дождь. Крупные капли били по стеклу, и звуки их ударов больше походили на стук метаемых в окно бусин. Я представила, как эти бусины падают, отскакивают от асфальта и разлетаются в разные стороны. Кто будет собирать их потом? Я бы хотела. Но для начала мне не мешало собрать разбросанные вокруг частички самой себя. Вот только их бусины были слишком мелкими, и они, звеня по гладкому мраморному полу, укатывались бесконечно далеко, стоило лишь попробовать зацепить одну пальцами.

Я вздохнула, размяла плечи. И принялась распаковывать чемодан.

Франтишка суежилась у плиты. Она любила поболтать за готовкой, но в тот вечер молчала, лишь чрезмерно энергичными движениями разгоняя наполнившую кухню тоску. Петер ёрзал на стуле: то смотрел через плечо, словно хотел предложить помощь, но не решался и снова поворачивался лицом к столу, то опускал взгляд на беспокойные руки, то направлял его куда-то сквозь стены. Кир сидел, подперев голову, и его глаза, казалось, не видели ничего.

— Готово! — Франтишка хлопнула в ладоши и чуть ли не бросила сковороду в центр стола.

— Фани, зачем же так агрессивно? — испугался Петер.

— Агрессивно? Отнюдь, мне просто не терпится вас накормить.

Потянувшись к полке, Франтишка подцепила пару стаканов, но они вдруг выскользнули из её пальцев. Звон — и осколки разлетелись по полу. Петер вскочил и закрутился по кухне в поисках метлы. Франтишка тоже крутилась, но больше растерянно. Кир лишь посмотрел себе под ноги и с хрустом придавил один из осколков подошвой. Я поспешила помочь с уборкой.

— Ох, сегодня, наверное, не мой день, — вздыхала Франтишка. — В садике я тоже умудрилась стакан разбить. Когда мы наконец прибрались и расселись за стол, она подала тарелки и приборы всем, кроме себя.

— Ты не будешь? — уточнила я.

— Нет-нет, поела на работе и до сих пор сыта.

Петер первым делом наполнил тарелку Кира, и тот, не дожидаясь нас, начал есть. Однако вдруг остановился и, дожёвывая, недоумённо смотрел на пустую вилку, после чего произнёс:

— Не посолено.

Глаза Франтишки округлились.

— Как? В самом деле?

— Да, — кивнула я, попробовав.

— Совсем без соли, — подтвердил Петер.

— Какой ужас! — Франтишка заслонила лицо руками. — Мне так стыдно! Простите, что я всё испортила!

— Ладно тебе, — лениво сказал Кир. Похоже, еда вывела его из состояния отрешённости. — У всех бывают осечки. Что мы, сами посолить не сможем?

— Всё равно мне очень стыдно, — поникла Франтишка, и успокаивать её дальше было бесполезно.

Затянувшуюся неловкую паузу прервал дверной звонок. Мы все оцепенели. Как после внезапного раската грома. Франтишка первой пришла в движение. Вскочила, что-то неразборчиво бормоча, засемила в коридор. Остальные так и сидели в напряжённом ожидании.

К кухне приблизились неуверенные шаги, и озадаченная Франтишка показалась в дверном проёме.

— Там никого, но в почтовую щель бросили письмо. — Она махнула конвертом. — Неподписанное, запечатанное. Будем вскрывать?

— Позволь мне.

Франтишка вздрогнула, настолько тихо Мария возникла рядом. Получив конверт, она прощупала его и внимательно осмотрела со всех сторон.

— Обычное анонимное письмо, полагаю. Я открою, если никто не против.

Разорвав конверт и вытащив сложенный пополам лист, Мария пробежала текст глазами и произнесла:

— Можете ознакомиться, но эта работа не для нас.

Письмо пошло по рукам, и только у меня оно задержалось надолго. Я перечитывала строки снова и снова, но предложения разваливались и слова рассыпались по бумаге бессвязным крошевом. Лишь после пятого прочтения отдельные фразы начали обретать смысл.

— Не стоит так утруждаться, Марта, — сказала Мария. — Письмо было написано в отчаянии, и разбирать этот поток эмоций — только силы зря тратить.

— А мы совсем ничего не можем сделать? — спросила я. — Всё-таки человек пропал.

— Это не так, — холодно ответила Мария, отводя взгляд. — Каждый странник стоит на учёте. Если бы он действительно пропал, рыцари бы уже давно его искали. Однако они зарегистрировали факт его ухода по Приглашению. Здесь нечего оспаривать.

— Но эта девушка, — я потрясла письмом, — утверждает, что он бы ни за что не ушёл, ничего ей не сказав. Это на него не похоже. И он дал обещание не уходить без предупреждения.

— Можно подумать, эти их обещания что-то значат, — со злобой процедила Франтишка сквозь зубы. — Задурят голову и бросают, как наиграются. А нам потом мучиться.

— Я бы не была так категорична. — Мария погладила её по плечу. — Правда в том, что мы не знаем, как всё было на самом деле. Однако нам наверняка известно, что странник получил Приглашение и принял его. Конец истории. Теперь его уже не найти.

Вытянув письмо из моих пальцев, Мария поднялась в кабинет. Я же тупо уставилась на свои ладони, всё ещё ощущая кожей шероховатость бумаги, тонкие ложбинки букв. Чувство чего-то неправильного закопошилось в затылке.

— А ведь у нас уже бывали такие письма, кажется, — задумчиво протянул Петер. — Я имею в виду, про пропавших.

— Да, бывали. — Расстроенная тем, что мы потеряли всякий интерес к еде, Франтишка вяло убирала со стола. — В них всегда одно и то же. Слезы, стенания, рыцари посылают, полиция тем более, а все разумные люди крутят пальцем у виска. И они правы, между прочим. Нечего убиваться по тому, кто не удосужился даже попрощаться.

— То есть все те исчезновения были одинаковыми? Никто не пропадал, а просто уходил без предупреждения?

— Чего ты к этому прицепилась, Марта? — громко звякнула посуда, брошенная Франтишкой в раковину. — Боже, да какая разница, что стало с этими... Чёрт! — Ударив по краю столешницы, она шумно втянула носом воздух. — Всё, довели вы меня этими разговорами. Довели, слышите? Достало! Сами себе готовьте, сами убирайте, и вообще, я сюда больше не приду, поняли? Пошло бы оно всё...

Словно захлебнувшись, Франтишка смолкла и бросилась прочь из кухни. Я хотела остановить её, но Кир придержал меня за рукав.

— Не надо. Пусть идёт.

Хлопнула входная дверь. Я осела на стул, упёрлась ладонями в колени. Они чуть дрожали. Тяжело встав, Кир шагнул к раковине, и зашумела полившаяся из крана вода. В звоне тарелок и приборов было что-то успокаивающее.

— Знаешь, — Петер заглянул мне в глаза, — Мария всегда говорила про эти письма то же, что сказала сегодня. Никто в агентстве не пытался разобраться, что там действительно случилось. К лучшему или к худшему, мы почти сразу забывали об этом. Но, если честно, первое такое письмо меня тоже долго беспокоило. Так что, может быть, и есть смысл попробовать что-то выяснить.

— А может быть, смысла нет, — глухо произнёс Кир. — Ну предположим, что человек пропал, и что тогда? Будете его искать? Вы хотя бы представляете себе, каково это? Сколько сил и времени это отнимает? В итоге вы же всё равно никого не найдёте. Только дадите кому-то ложную надежду.

— Откуда такая уверенность, что не найдём? — возмутился Петер.

Кир выключил воду и развернулся. Взгляд его был ледяным.

— Просто знаю.

В тот день мы разошлись раньше обычного. Разбежались, как от ещё не занявшегося огня, словно боялись обжечься, задохнуться невидимым дымом, словно хотели, чтобы этот пожар потушил кто-то другой. Кир скользнул мимо автомобиля, бросив, что немного прогуляется в одиночестве. Петер довёз меня до общежития, но, разволновавшись, поехал обратно. Я даже не пыталась представить, как он собирался искать Кира.

Сердце моё было не на месте.

А когда я ступила в холл, оно забилося в груди перепуганной птицей.

Рей. Я зажмурилась, потом ещё раз и ещё, но глаза меня не обманывали. Он стоял, перекинув форменную куртку через локоть, и обаятельно улыбался. Галстук его был ослаблен, верхняя пуговица рубашки — расстёгнута. Небрежно отведённые назад волосы будто растрепало ветром. Несомненно, Рей был очень привлекателен. И я не могла объяснить себе, почему один его вид наводил на меня такой страх.

— Выдохните, госпожа Овертон, — сказал он, подойдя на расстояние шага. Я опомнилась, отшатнулась. Он не сдержал смехок. — Не беспокойтесь, я прибыл сюда не для инспекции. Впрочем, если вы не откажете, я бы задал вам парочку вопросов.

— Какого рода вопросов?

Рей спрятал свободную руку в карман, качнулся на пятках, не отрывая от меня изучающего взгляда.

— Осторожность — ценное качество. В то же время, сейчас оно лишь выдаёт ваше недоверие. Я не желаю вам зла, госпожа Овертон, и никогда не желал. Если я был груб с вами, то позвольте мне заглазить свою оплошность. Вы же знаете, это наш, рыцарский, долг — присматривать за странниками.

— И по-вашему, этого достаточно для доверия? — сердилась я, но старалась не повышать голос.

— Этого я не утверждал. Но не буду лукавить, меня тревожит ваше настороженное отношение. Насколько я могу судить, к Рут вы относитесь несколько иначе.

Меня бросило в озноб. Вспомнились наставления Марии, и я моментально пожалела о своей нескрываемой враждебности. «Держись перед рыцарями спокойно, не спорь и не возражай». В разговоре с Реем мне явно не стоило забывать об этом.

Со всей естественностью, какую могла изобразить, я выпрямила спину и провела пальцами по лбу, как бы смахивая усталость.

— Простите, тяжёлый день. Еле держу себя в руках. Значит, вам известно, что Рут встречалась со мной?

— Конечно. Как никак, она моя подчинённая. — Заметив удивление на моём лице, Рей усмехнулся. — Да-да, обычно все думают наоборот. Даже в штабе, как это ни прискорбно. Ну, довольно пустой болтовни. — Он снова шагнул ко мне и встал вполоборота. — Что вы решили? Ответите на мои вопросы?

Я было замаялась, но быстро нашлась, что сказать:

— Вы, кажется, говорили, что приехали не за этим.

— Ах да, я перехватил Бертрана по дороге сюда. — В глазах Рея мелькнула досада. — Её высочество Лукия снова послала за вами. Я заверил её, что сам доставлю вас во дворец в целости и сохранности. Уж в этом удовольствии вы мне не откажете? А по дороге, может, и на вопросы ответите? Я не большой любитель ехать в тишине.

Отступать было некуда. Не успела я опомниться, как сидела в служебной машине, тёмно-синей, с рыцарскими эмблемами на боках. В салоне было стерильно чисто, сильно пахло синтетическим ароматизатором. Я зажала нос, но запах всё равно достигал меня, словно просачивался через кожу.

— Вы уж извините за это, — поморщился Рей, садясь за руль. — Тут всё пропиталось сигаретным дымом, спасибо предыдущему владельцу. Ничем не вывести, а другую машину мне не выдают. Приходится справляться так. Не переношу сигаретных запахов.

Я понимающе кивнула и внутренне даже немного ему посочувствовала. Пускай Рей и Рут тесно взаимодействовали с королевской семьёй, это вовсе не значило, что они занимали высокие посты. Рыцари служат королям. Стоило ли удивляться?

Поначалу я ещё надеялась, что поездка пройдёт в молчании. Но не прошло и трёх минут, как Рей заговорил.

— Что ж, госпожа Овертон, не поделитесь со мной, почему вы так резко сменили место жительства?

— Это личное, — уклончиво ответила я.

— Повздорили с сожителем?

Для него подобный вопрос был сущим пустяком. Во мне же одновременно вспыхнули раздражение и болезненная печаль.

— Не отрицаете, но и не соглашаетесь. Бойтесь? Или это личное личное?

— Я не на допросе и не хочу вдаваться в подробности.

— Имеете право. Спрошу иначе: что-то не устроило вас в конкретном месте или человеке, верно? Дело не в нашем мире в целом?

— Откуда такое предположение? — искренне изумилась я.

— Не все странники остаются довольны тем, как наш мир с ними обходится. Это может выражаться в частых или внезапных сменах жилья и работы. Поэтому на подобные случаи мы обращаем особое внимание. Даже если странники рано или поздно нас покинут, мы стараемся произвести наилучшее впечатление. Первое правило гостеприимства.

— Тьярна очень гостеприимный город, как по мне.

— В таком случае, могу ли я заключить, что вы довольны своей жизнью здесь?

— Вполне, — соврала я.

Рей неожиданно смолк. По выражение его лица сложно было угадать, сосредоточен ли он на дороге или на собственных мыслях. Скорее, так бы выглядел человек, не сосредоточенный ни на чём. Но я не позволяла себе расслабиться. Только не в присутствии рыцаря.

— Ответьте на ещё один вопрос, госпожа Овертон, — скучающе произнёс Рей. — Вы верите во Владыку?

— Вы имеете в виду... бога?

Он откинулся на спинку сиденья, расслабленно положил левую руку на руль, а правую запустил во внутренний карман пиджака.

— Богом его назвать сложно. Но всё же он своего рода прародитель всех странников. — Достав что-то из-за пазухи, Рей протянул мне сжатый кулак. — Возьмите. — Я подставила ладони, и в них упал круглый чёрный камешек, нанизанный на тонкий кожаный ремешок. — Узнаёте?

— Морион? — предположила я, рассматривая причудливую гравировку, напоминающую древние письмена.

— Именно, камень Владыки. Говорят, такие талисманы приносят удачу. Я думал отдать его вам, потому и спросил про веру.

Талисман был буроватым на просвет и источал странное, чуждое мне тепло. Однако нечто притягательное, магнетическое отбивало всякое желание его отпустить.

— Не знаю. Как и в любой другой религии, легенда о Владыке похожа на вымысел. Но тогда кто приводит нас сюда? Кто присылает Приглашения? Если существует какая-то закономерность, то этому должно быть разумное объяснение.

— Здесь наши мнения сходятся, — улыбнулся Рей, и я почти забыла, что каких-то полчаса назад замирала в страхе перед этой улыбкой. — Всё возможно объяснить рационально. Но пока нам не хватает базовых знаний. — Он оправил пиджак и застегнул верхнюю пуговицу рубашки. — Если хотите, оставьте талисман себе. Мне от него всё равно никакого прока.

— Получается, вы носили его с собой не из-за своей веры?

— Нет. Даже если бы я верил во Владыку, он бы всё равно не был *моим* богом. Я не странник, а обычный человек. И талисман вряд ли бы мне помог.

— Странники по сути тоже обычные люди.

— Сомневаюсь.

Остаток пути мы разговаривали ни о чём, как и полагается малознакомым людям. Я бросила талисман в сумку и переключилась на другие мысли. Меня ждала Лукия. И в моей голове очень вовремя появился вопрос, ответ на который, как мне казалось, она могла знать.

По сравнению с другими комнатами дворца у Лукии было намного теплее, даже жарко. И всё равно на её узкие плечи была накинута шерстяная шаль. Покрывавший голову платок был светло-бежевым, без узоров или рисунка. Слишком простым для принцессы.

В её комнате я чувствовала себя чужой. Пусть она и оказалась не такой роскошной, как я представляла, в самом воздухе витало что-то по-королевски величественное. А может, мне это чудилось лишь потому, что я знала, кому принадлежат эти покои.

Плотные шторы были задёрнуты, пряча ещё не потемневшее небо. От согревающего света янтарных ламп становилось только жарче. Но Лукия куталась в шаль, и я не решилась попросить приоткрыть форточку или принести холодной воды. Сняла кардиган и понадеялась, что привыкну.

Когда подали чай, Лукия приказала горничной не беспокоить нас и заперла за ней дверь.

— Зачем это? — с опаской спросила я.

— Меры предосторожности. Бертран будет охранять снаружи. Нам не нужны лишние уши.

— Мы ведь в королевском дворце. Разве здесь кто-то может нас подслушать?

Несколько раз звякнув о блюдец, Лукия поднесла чашку к губам и прихлебнула. Мои слова утонули в этих звуках.

— Бережёного бог бережёт, — сказа она.

— У вас тоже так говорят?

— Странники подарили нашему миру гораздо больше, чем ты можешь вообразить. Технологии, культура, социальный строй — вся наша история была написана с оглядкой на вашу. Мы как паразиты на теле вашей планеты.

— Почему сразу паразиты?

— Поверь, так оно и есть. Ты ещё многого о нас не знаешь.

— Но узнаю однажды?

— Выбор будет за тобой.

Я окончательно потеряла нить. Лукия будто бы играла со мной, танцевала на топком берегу, то вытягивая меня из мутной воды, то толкая обратно. Голова шла кругом. Чай встал поперёк горла.

— Дорогу осилит идущий, — довольно произнесла Лукия и снова отхлебнула из чашки.

А я поняла, что вот-вот сорвусь, если это продолжится. С меня было достаточно ещё в агентстве. Сколько должно произойти в один день, чтобы он кончился?

— Лукия, — я сцепила пальцы, едва удерживая контроль над голосом, — ты же не просто так позвала меня сегодня? Пожалуйста, скажи, чего ты хочешь. Иначе я уйду.

Её бледное лицо стало ещё бледнее. Она заметалась, не зная, куда деть руки, куда спрятать глаза. В итоге она просто закрыла лицо ладонями.

— Я опять это сделала, да? Опять увлеклась?

— Немного... хотя я не уверена, о чём ты.

— Проклятье. — Отняв руки от лица, Лукия смотрела в пол. — Что бы я ни делала, я остаюсь такой же, как они. Потому что поддаюсь их влиянию? Или потому что мы одной крови?

— Ты про своих сестёр?

— И про них тоже. — Она подняла потухший взгляд, шмыгнула носом. — Извини. Заставляю тебя терпеть мои заморочки. В самом деле, я позвала тебя не для этого.

С улицы донёлся собачий лай. Лукия вздрогнула, повернулась к окну, прислушалась. Вздохнула.

— Кати дрессирует собак, похоже.

В этих словах звучала несвойственная ей грусть. Исполненная смирения. Обычно с такой интонацией говорят, когда сдаются. Неужели Лукия?..

— Я хотела рассказать тебе про аварию. Точнее, про то, что было после.

Внутри меня туго натянулась струна. Совсем не та, которую прежде задевал Юлиан. И я как никогда ясно ощутила: в этот раз она точно лопнет. Если не сейчас, то позже. А значит сопротивляться не было смысла. Я смолчала, сдвинула внутренний крик. Только бы струна выдержала этот удар.

— Мне немного страшно, — продолжила Лукия. — Открываться кому-то... Думаю, ты понимаешь. Но тебе я правда хочу показать. Поэтому, пожалуйста...

Не договорив, она потянула узел платка. Из-под него посыпался блестящий песок. И не успела я вдохнуть, как перед глазами что-то ослепительно засверкало. Лукия терпеливо ждала. Моргая и щурясь, я наконец осознала, что видела.

Её волосы были цвета аметиста. Коротко и грубо остриженные, точно неумелой детской рукой. Они и сияли как аметист, преломляя и отражая золотистый свет ламп. Я не могла оторвать от них взгляд, не могла сдвинуться с места.

— Шокирующее зрелище, да? — Лукия набросила платок на голову, чтобы приглушить сияние. — Дикая магия сделала это со мной. Только она на такое способна.

— Это... завораживает.

Лукия помрачнела.

— Лишь до тех пор, пока ты не узнаешь, какой ценой это мне досталось. — Она обхватила себя за плечи, как будто замёрзла. — Первые несколько дней были невыносимы. Меня била лихорадка. Глаза жгло, и они болели так, словно в них впивались сотни крошечных осколков. Я думала, что умру от этой боли. Думала, что больше никогда не смогу видеть. А потом всё прекратилось. Я проснулась, дрожа от холода. По подушке были раскиданы янтарные локоны. Я не сразу поняла, что они мои.

Мне стало тяжело смотреть на неё. Но не смотреть казалось нечестным.

— Тогда это ничуть не напугало меня и не огорчило. Я узнала, что была единственной выжившей. Что лишилась родителей и брата. Вот так просто, в мгновение ока моя жизнь рухнула. Вместе с моими планами, желаниями, надеждами. Поначалу я ненавидела себя за то, что выжила, что так легко отделалась. Но потом ко мне пришло осознание: раз я жива, значит ещё не всё потеряно. Наверное, это и придало мне сил. — Лукия кашлянула и плотнее закуталась в шаль. — Пару месяцев спустя мои волосы снова стали расти. Но они были другими.

Поменяли цвет и засверкали, точно кристаллы. Совсем как мои глаза.

Лукия надломила прядь подлиннее — легко, как переламывают сухие травинки или тонкие карамельные леденцы, — сжала пальцы, разжала, и из её ладони высыпалась мелкая блестящая пыль. Точно так же крошились иголки багряных елей, погибших из-за дикой магии.

— Видишь? Чем дальше от корней, тем более они ломкие. Мне уже никогда не отрастить их до прежней длины. Впрочем, их нельзя никому показывать.

— Но мне ты показала... Почему?

Вместо ответа Лукия зашла кашлем, её плечи мелко дрожали. Услышав стук, она тяжело поднялась и отперла дверь. В комнату заглянул Бертран.

— Кто-то идёт?

— Нет. Я просто начал беспокоиться. Как ты?

— Устала немного, только и всего. Уже довольно поздно.

— Лукия, у тебя жар. И ты не сказала? Мы бы отменили встречу, зачем же так себя изводить?

— Всё в порядке, правда. Мы уже закончили. Проводи Марту, ладно? Я тут справлюсь.

Она не сдержалась и снова кашлянула. Бертран посмотрел косо, но промолчал. Перевёл взгляд на меня. Смутившись, я заторопилась покинуть комнату. Как могла я не заметить самочувствия Лукии? От стыда кровь прилила к щекам, и голова закружилась от того, что я резко сорвалась с места. Но как бы мне ни хотелось поскорее уйти, стоило переступить порог, как ждавший своего часа вопрос пересёк сознание. Я замерла в нерешительности.

— Можно спросить кое-что напоследок?

— Конечно, — улыбнулась Лукия.

— Ты знаешь что-нибудь про пропавших странников? В рыцарских документах они значатся как ушедшие по Приглашению, но в действительности... есть вероятность, что они никуда не уходили. Я подумала, тебе может быть что-то известно.

— Пропавшие... — Она взволновано переглянулась с Бертраном. — Да, кое-что мне...

— Оставим этот разговор на потом, — оборвал Бертран. — Лукии нужно отдыхать.

Пусть и слегка, но я расстроилась, что не получила ответ. Конечно, с моей стороны было бы грубо мучать Лукию дальше. Однако я не могла знать наверняка, когда мы встретимся в следующий раз. Отчего-то я боялась, что это случится нескоро.

— Лучше тебе бросить это, Марта, — сказал Бертран, пока мы шли коридорами дворца.

— Бросить что?

— Я понимаю твоё любопытство, но, для твоего же блага, перестань копать в этом направлении. Неужели Мария не говорила, что вас это не касается?

— И что, если говорила? По-твоему, махнуть рукой и забыть будет правильно?

— Неправильно. Конечно, это неправильно. Но если ты продолжишь сейчас, — Бертран вдруг наклонился к моему уху и шепнул: — станешь ещё одной пропавшей.

По телу пробежала дрожь. Слова застряли в горле вместе с воздухом.

— Извини. — Бертран коснулся моей спины и подтолкнул вперёд. — Но иначе ты бы ни за что не остановилась, верно?

Я не помнила, как села в машину и как вышла у ворот общежития. Как поднялась на третий этаж и открыла дверь своей комнаты. Помнила только, как лопнула струна. Как больно её грубые концы хлестнули меня изнутри. Из глаз брызнули слёзы, ноги подкосились.

Как же много я плакала последнее время.

В моё окно смотрело холодное тёмное небо. Под его пристальным взглядом мне было особенно одиноко. И пусть. Свернувшись клубочком, я сдерживала плач, только бы его никто не услышал. Вовсе не потому, что я не хотела делить с кем-то свои слёзы. Нет, потому что другим хватало своих забот.

Думали ли они так же? Значило ли это, что мы сами создали своё одиночество?

Ответа не было.

Были лишь горячие слёзы.

Воспоминание: Ливень

Тау не было на вышке. И на что я рассчитывала, придя сюда в такой ливень?

Ночь не принесла мне отдыха. Оставив шторы открытыми, я лежала в кровати и смотрела в тёмное пасмурное небо. Я не слушала голос, сколько бы он ни пытался привлечь моё внимание. Мысли мои были заняты мечтами. Своими, которых не существовало. И Тау.

Его мечта... Из уст кого-либо другого она прозвучала бы глупостью. Но мелодия его голоса, блеск его глаз превращали её в нечто волшебное и прекрасное, достойное героя сказки или мифа. Я вспоминала, что говорил Тау, слово в слово, и златокрылая ласточка оживала передо мной, кружила в ночном небе, высоко, как будто желая отогнать приближающийся дождь. Я могла бы зарисовать её, но не стала. Всё равно она бы получилась неправильной, ненастоящей. Пускай сначала Тау встретится со своей ласточкой. Потом он расскажет мне о ней, расскажет то, чего я бы никогда не увидела сама. И я буду слушать не отрываясь, запоминая каждую незначительную деталь, чтобы после перенести их на бумагу. Только тогда нарисованная мной золотая ласточка будет отдалённо напоминать себя настоящую.

В этих грёзах я провела всю ночь. И всё утро, которое ничем не отличалось от ночи. А когда наступил полдень, сердце моё забилось так быстро, что я подскочила в кровати. Марта, дремавшая на столе, вздрогнула и уставилась на меня круглыми глазами. Я приложила ладонь к груди, не веря самой себе. Непреодолимое желание пульсировало под пальцами. *Моё* желание.

Наспех приведу себя в порядок, я выбежала из дома.

Дождь не остановил меня. Хотя лило с такой силой, что зонт едва ли защищал голову и плечи. Джинсы неприятно липли к коленям. Вниз по улицам текли бурные потоки воды, и хватило оступиться лишь раз, чтобы ноги промокли насквозь.

До последнего я надеялась увидеть на вышке Тау. Но он не появился, даже когда я шагнула на крытую площадку и протёрла залитые дождём глаза. И правда, кто бы додумался в такую непогоду наблюдать за птицами?

— Дура. Какая же ты дура.

Зонт выскользнул из руки и стукнулся об пол. Стало холодно. Я плотнее запахнула куртку и тут обнаружила висящий на шее бинокль. Казалось, он возник из воздуха, потому что, как ни силилась, я не смогла вспомнить, чтобы брала его из дома.

Луг размыло дождём. Он стал похож на полотно импрессиониста: крупные штрихи и линии, цветные пятна, что складываются в картину, только если смотришь на них издалека. Эта картина заставляла тосковать по дому. Тому дому, в который я больше никогда не вернусь. Который почему-то стёрся из памяти, но остался в сердце смутным ощущением. Таким же смутным, как этот дождливый луг.

Я накинула капюшон и повесила бинокль поверх куртки. Один шаг — и дождь поглотил меня. Он был повсюду, он окружал со всех сторон, и я тонула в нём, точно в озере, тонула в высокой траве, в земле, что хлюпала под ногами. Бинокль покачивался и ударял в живот, окуляры наполнились водой. Волосы липли к лицу, и капли скатывались по щекам к подбородку, падали за шиворот. Я промокла до нитки. Но так и не увидела ни одной птицы.

— Эп!

Я обернулась. Он бежал ко мне через луг, легко, как будто ни трава, ни дождь не мешали ему. Без зонта, с непокрытой головой.

— Совсем с ума сошла? Ливень, а ты тут!..

Он схватил меня за руку, но я не почувствовала его прикосновения.

— Быстро под крышу! Ты же простудишься.

— Но как же ласточка?

Остановившись, Тау непонимающе посмотрел на меня. Я не знала, рассержен ли он или расстроен.

— Какая ещё к чёрту ласточка?

— Золотая. Которую ты ищешь.

Его ответ исчез в шуме дождя. Всё исчезло. Остался только всепоглощающий ливень.

Я очнулась уже на вышке. Стояла на площадке, слушая и наблюдая, как с меня стекает вода. С Тау не упало ни капли, дождь обошёл его стороной.

В носу зачесалось, и я громко чихнула.

— Ну вот, так и знал, что простудишься. Тебе бы поскорее домой.

— Всё нормально, — отозвалась я. Закоченевшие пальцы болели, меня трясло, и потому тяжело было устоять на ногах. Я прислонилась к деревянной опоре, обхватила себя руками.

— Зачем ты здесь?

Тау злился. Злился на меня. Глаза защипало, и я опустила голову.

— Могу спросить у тебя то же самое.

— Зачем?

Теперь в его голосе звучала горечь. Я испугалась и вдруг затараторила:

— Из-за ласточки, про которую ты рассказывал. Эта твоя мечта, она потрясающая, она так меня впечатлила, что я не спала всю ночь, а утром решила, что должна непременно помочь тебе, понимаешь? Я хочу, чтобы ты обязательно нашёл эту ласточку, хочу помочь тебе исполнить мечту. Это моё желание. *Моя мечта. Я наконец-то нашла её.*

— Глупость...

Он произнёс это так тихо, что я едва расслышала. Тау шагнул ко мне, потянулся к моему лицу.

— Эн, это же ужасная глупость, — выпалил он, посмотрев мне в глаза. Щёки согрелись не то от его тёплых ладоней, не то от смущения. — Ты не должна мечтать о том, чтобы исполнить мою мечту. Это неправильно. Чёрт, да ты и не должна делать то же, что делаю я. Таскаться с дурацким биноклем и высматривать птиц — не нужно, если ты этого не хочешь.

— А если я хочу?

— Ты в этом уверена, на все сто? Тебе это может казаться. Ты можешь принимать за желание другие чувства. Нехорошо вот так отчаянно браться за какое-то дело. Тем более, если это чужая мечта.

Что-то трескалось и осыпалось. Словно сам мир трещал по швам.

— Не нужно проживать мою жизнь. У тебя есть собственная. И мечта тоже. Так что бросай эту чушь, ладно? Пообещай, что бросишь.

Я кивнула, не видя ничего перед собой. Дрожь унялась. Снова остался только ливень.

Он был повсюду.

Снаружи и внутри.

Спой для меня

У тебя собственная жизнь, сказал Тау. Очевидная истина. Потому я никак не могла понять, что он имел в виду. Что так взволновало его?

Почему о чём-то можно мечтать, а о чём-то — нет? Что вообще такое мечта?

Как ни странно, эти бесплодные размышления отвлекали меня от повседневных тревог. Дома никто не ждал моего возвращения с работы, и я тоже никого не ждала по вечерам. Вернее, отучила себя ждать. Было грустно, но со временем это чувство притупилось, заместилось чем-то другим. По утрам на плите привычно свистел закипающий чайник, но никто не оставлял мне завтрак, который бы сохранял тепло к моему пробуждению. Я приспособилась готовить завтраки сама и вскоре даже стала получать от этого удовольствие.

В агентство я ездила вместе с Киром и Петером, и вместе же мы возвращались в общежитие. Вместе ужинали и пили вечерний чай, зачастую вместе проводили выходные. И хотя личные переживания мы упрямо держали в себе, мне было спокойно в их компании. Прошое не дышало в затылок, а будущее не пугало, как раньше. Не сговариваясь, мы отложили проблемы в долгий ящик, и жизнь замедлилась. Практически остановилась. И если ещё недавно стагнация угнетала меня, то теперь я могла вдохнуть полной грудью. Спешить было некуда.

— Вот вы мечтаете о чём-нибудь? — спросила я однажды за чаем.

Петер дёрнул головой, взгляд его забежал из угла в угол, чашка закрутилась в ладонях. Мы сидели в комнате Кира, и разговор тёл неторопливо, вяло, как это случалось под конец недели, когда каждого больше занимали собственные мысли. Я и Петер разместились за столом, а сам Кир — на полу, прислонившись к кровати. Стульев хватало на всех, и на голом линолеуме было холодно, но уговаривать Кира не имело смысла. Он был не в настроении в тот вечер. Как и многие вечера до этого.

— Ты в детство впала или что? — раздражённо отозвался он. — Ещё дурацкие вопросы будут?

— Просто решила поинтересоваться, — ступевалась я.

— Кир, зачем же грубить? — нахмурился Петер. — Мы так хорошо сидели.

— Хорошо? А кто первым занервничал? Нечего тут.

Петер смущённо опустил глаза, и Кир спохватился:

— Извини, не хотел так резко...

— Нет, это я начала. Простите.

Мы пристыженно смолкли. В тишине раздавалось мягкое тиканье часов, и казалось, можно было услышать биение сердец друг друга.

Шумно выдохнув, Кир поднялся с пола.

— Боже. Ну и жалкое же зрелище мы представляем. Попили чаю, называется. — Он снова выдохнул и потёр виски. — Мечты, да? К чему вдруг ты об этом спросила?

К чему. Я и сама хотела бы знать, почему эти мысли так настойчиво преследовали меня. Почему именно они наполняли мои бессонные ночи и минуты бездельного одиночества. Задавая вопросы, я надеялась хотя бы ненадолго снять этот груз со своих плеч.

— Просто так. Недавно я пыталась вспомнить какую-нибудь свою мечту, но ничего не вспомнила. Может, у меня и вовсе нет мечты.

— Разве это плохо? — сказал Петер. — Я бы с радостью больше ни о чём не мечтал.

— Шутишь?

Он открыл было рот, чтобы ответить, но замялся, отвёл взгляд и неловко поёжился.

— Нет. Ни одна моя мечта всё равно не исполнилась.

— Обычное дело, — холодно произнёс Кир. — Навоображаешь себе не пойми чего, а потом...

Он осёкся. Шагнул от нас, встал спиной, будто бы рассматривал что-то на стене.

— Но как же все те счастливые люди со сбывшимися мечтами? — Петер склонил голову набок. — Если бы мечты всегда сбывались, наверное, каждый был бы счастлив.

Возникла пауза. Кир медленно развернулся. На его лице застыло недоумение, словно он не мог поверить тому, что слышит.

— Что ты несёшь? — пробормотал он, подавив нервный смешок. — Петер, и как только тебе удаётся быть таким... Твоя наивность однажды доведёт меня.

— Чего ты? — всполошился Петер. — Я же не сказал ничего такого.

— Ничего такого... Конечно, ты ведь и в жизни ничего не понимаешь. Думаешь, люди просто так говорят: «Бойся своих желаний»? Думаешь, это так легко — взять и исполнить чью-то мечту? Многие вещи попросту невозможны. Мечтаешь о чём-то годами, тешишь себя, может, только ради этого и живёшь, и что в итоге? Всё было зря. Всё было бессмысленно с самого начала. И как после такого я должен продолжать...

Звон. Кир вздрогнул. Трясущейся рукой Петер задел чашку, и она разбилась об пол. Остатки чая растеклись лужей.

— Извини, я сейчас всё уберу, — засуетился Петер.

— Уйдите уже.

— Кир, подожди... — хотела успокоить его я, но он не позволил.

— Мне повторить? Уходите. Я устал, у меня болит голова. Это моя комната, а вы всё никак не уйдёте. Могу я наконец побыть один?

Схватив растерявшегося Петера за локоть, я вытянула его в коридор. Сердце громко стучало в ушах, щёки горели. Меня захлестнул стыд. Стыд от бессилия, от безучастности, от слепоты к чужим чувствам.

Петер печально смотрел на закрывшуюся за нами дверь. Я тронула его за плечо:

— Ты только не принимай это на свой счёт, ладно?

— Но, — грусть плескалась в его серых глазах, — когда такое происходит, обычно виноват я.

— Сейчас никто не виноват.

— Правда? Ты правда так считаешь?

У меня защемило в груди от того, с каким облегчением он выдохнул после моего кивка. Не решаясь разойтись, отчасти потому что боялись остаться наедине с самими собой, мы ещё недолго постояли в коридоре. Молча, словно случайно встретившиеся далёкие знакомые.

Когда тишина стала невыносимой, мы пожелали друг другу спокойной ночи и скрылись за дверьми своих комнат.

От Лукии ничего не было слышно. Не то чтобы я ждала от неё новостей, но затянувшееся затишье слегка меня беспокоило. Близился ноябрь.

Одним особенно холодным вечером ко мне постучали. Недовольная комендантша, скрестив руки на груди, заявила, что мне звонят, и повела меня на первый этаж, в свой закуток, где на столе стояло несколько телефонов. Не прекращая ворчать, она куда-то ушла, наверное, чтобы не мешать моему разговору. Я подняла со стола трубку.

Голос на том конце был слабым и хриплым, но его тонкий, пусть и приглушённый, звон, напоминавший колокольчик, ни с чем нельзя было спутать. Лукия не знала номера моей комнаты, потому позвонила на общий телефон. Удивительно, что она не воспользовалась своим положением, чтобы приструнить комендантшу.

— Не волнуйся. Я скоро поправлюсь. И тогда мы обязательно встретимся.

Слушая её короткие фразы, прерываемые кашлем, я хотела как можно быстрее закончить разговор. Лишь бы Лукия отдыхала и не тратила силы попусту. Почему она так напрягалась из-за меня? Ничто не мешало ей попросить Бертрана позвонить мне или даже приехать. И всё же она сделала всё сама, словно так было должно.

Но уверенность в её голосе успокоила меня. Я знала, мне не устоять перед Лукией. Как перед капризами младшей сестры, которой у меня никогда не было.

— Буду с нетерпением ждать нашей встречи, — улыбнулась я в трубку.

Впервые за долгое время мне поступила пара заказов. Первый пришёл из Главного ботанического сада Тьярны, просьба помочь в сохранении одного из редких видов папоротников, внезапно поражённого болезнью. Как выразился сотрудник сада, болезнь похожа на ржавчину, но точно ею не является, а самое страшное — ничем не выводится. Меня это, впрочем, едва ли волновало. Ярро-оранжевый крап, разукрасивший резные листья папоротника, исчез наутро после моего визита.

Второй заказ был от отца-одиночки. Его восьмилетняя дочь, вдохновившись увлечением подруги, принесла домой пучок фиалковых листьев для разведения и уже устала горшками все подоконники в квартире. Всё шло хорошо, пока девочка не уехала в Мирлтаун, погостить у бабушки с дедушкой. И даже такие неприхотливые цветы, как фиалки, начали вянуть в неумелых отцовских руках.

— Она расстроится. Она очень любит фиалки, — говорил он, понурился.

Я испытывала смешанные чувства. Конечно, мне было жаль отца, он держал маленький художественный магазин, почти не приносящий денег, рисовал нехитрые акварельки на заказ и по выходным подрабатывал в фотоателье, жертвуя то небольшое время, что мог проводить с дочерью. С другой стороны, при первой же встрече мне захотелось сбежать. Казавшееся иррациональным, это желание имело под собой прочную основу: он напоминал мне Юлиана. И при каждом взгляде в его такие же песочные глаза сердце моё ныло.

Наспех разобравшись с фиалками, я покинула их скромную квартиру. Она тоже, несмотря на множество отличий, слишком походила на тот, когда-то бывший для меня уютным и родным дом, из которого я с таким трудом вырвалась.

Встревоженные воспоминания ещё долго терзали меня. Так долго, что субботним вечером я вышла под тёмное небо, на обжигающе ледяной ветер, одевшись слишком легко, и побрела по полупустым улицам. Мне было всё

равно, куда идти, лишь бы подальше от чужих глаз. Лишь бы не слышать собственных мыслей. Щёки щипало и уши болели от холода, но именно это помогло мне отвлечься, почувствовать себя здесь и сейчас. Голова опустела. Пока вдруг за очередным поворотом мой взгляд не выхватил в ряду однообразных магазинчиков витрину художественной лавки. Я замерла на месте. Поёжилась от налетевшего порыва. Мне не мешало согреться.

Тихо звякнул колокольчик, лицо обдало тёплым, сухим воздухом, пахнущим бумагой и красками.

— Добро пожаловать! — раздалось из-за кассы.

Мир за порогом лавки предстал передо мной до того ясным и отчётливым, до того настоящим, что казалось, по другую сторону двери вовсе ничего не существовало. Были только стройные ряды тюбиков и флаконов, стопки бумаги и веера кистей. Такие знакомые, что грудь изнутри окатывало горьковато-сладкой волной. Я медленно шла вдоль стеллажей, прикасаясь ко всему, до чего могла дотянуться. Цвета калейдоскопом плясали в глазах, запахи кружили голову.

Чтобы лучше разглядеть верхние полки, я сделала два шага назад и столкнулась с кем-то. Мгновенно наваждение растворилось, выбросив меня в реальность.

— Госпожа странница?

Я развернулась: передо мной стоял отец девочки, что разводила фиалки. Он смотрел с восхищением.

— Это правда вы? Простите, пожалуйста, я забыл ваше имя. — Голос его чуть заметно дрожал от волнения. Он поджал губы, пряча улыбку. — Спасибо вам огромное ещё раз. Моя дочурка будет так рада увидеть фиалки цветущими. И спасибо, что посетили мой магазин, госпожа странница. Это большая честь для меня. Если вам нужна помощь, я счастлив быть к вашим услугам.

Меня тронула его искренность, и теперь уходить, ничего не купив, было бы невежливо. Смущённая и растерянная, я обвела взглядом стеллажи.

— Тогда... покажете цветные карандаши?

Больше мне не хотелось ни убежать, ни спрятаться. Он взахлёб рассказывал про достоинства карандашей разных марок и, принеся чистый лист, восторженно отмечал особенности плотности и текстуры выходявших из-под моей руки штрихов. Он больше не напоминал мне Юлиана. Нет, блеск в его глазах был совсем таким же, как у Тау, когда тот говорил о птицах. И хотя я почти сразу решила, какие карандаши возьму, я позволила ему рассказать всё в мельчайших деталях. Улыбка не сходила с его губ.

Я возвращалась домой, неся греющий руки бумажный свёрток, и думала о том, что скоро начнутся снегопады. Мои мысли не метались, как обычно, в поисках предмета для рисования. Ещё не купив карандаши и бумагу, я знала, кого нарисую первым.

Где-то в агентстве хранилось наше общее фото, которое можно было взять за ориентир. Но я не собиралась ждать до понедельника. К тому же, мне хотелось нарисовать Лайонела по памяти. Так, чтобы его внешность, насколько бы далека она ни оказалась от действительности, отражала мои чувства к нему. А может, и чувства всех нас.

Положив перед собой золотую заколку, я сосредоточилась. Закрыла глаза и представила Лайонела. В нашу первую встречу, в день прощальной вечеринки. Он оживал в моём сознании, вырастал и наливался красками, словно распускающийся бутон. Ярко-красный и пышный, как амариллис. Его образ источал золотистый свет, чистый и тёплый, и казалось, я видела это сияние ещё вчера, но почему-то боль, которой оно отдавалось, была застарелой и царапала, точно затупившийся нож. С такой же болью Лайонел смотрел на меня тогда, прощаясь.

Я присидела над портретом полночи и, закончив, убрала его поглубже в ящик стола вместе с заколкой.

Франтишка всё меньше и меньше времени проводила в агентстве. Она стала позже приходить, говоря, что её задерживают в садике, а потом и домой начала уезжать раньше, ссылаясь на усталость. Обеды, что она готовила, становились проще и чаще повторялись. В гостиной скопилась пыль, полы в прихожей были усеяны следами от уличной обуви. Я взяла на себя мытьё посуды и поддержание чистоты на кухне. Никто не задавал вопросов и не выказывал беспокойства, потому что Франтишка оставалась такой же бодрой и улыбчивой, какой была всегда. Словно бы она почувствовала себя лучше после того случая с анонимным письмом.

И вот, одним пасмурным ноябрьским днём, Франтишка не пришла.

Какое-то время мы ждали. Потом сходили в магазин, и Кир приготовил еду. Я подумала, что уже давно так вкусно не обедала.

— Не в обиду Фани, но может, ты всегда будешь готовить, Кир? — сказал Петер.

— Тебе недостаточно того, что я делаю дома?

— Дома ты обычно кормишь нас полуфабрикатами.

— Какая разница, что есть? И вообще, я ненавижу готовить.

— Тогда нечестно, что у тебя это так хорошо получается, — надул губы Петер. — Я бы хотел научиться, но мне совсем не даётся.

Он спрятал руки под столом, точно стеснялся их.

Я собрала грязную посуду, Кир поставил вариться кофе. Франтишка так и не появилась. Я не могла вспомнить, когда последний раз снимала её чашку с полки. Стало тревожно.

Допив кофе, мы молча сидели на кухне втроём. Кир то и дело поглядывал на часы, Петер всматривался в окно, вертел головой, чтобы видеть то один, то другой конец улицы. Рисуя пальцами фигуры на поверхности стола, я пыталась отвлечься, но напряжение росло внутри, подбираясь к горлу. Я поднялась, расставила ровнее свободные стулья, вымыла посуду и плиту, подмела пол. Стоило остановиться хоть на секунду, как под рёбрами начинало жечь.

Из прихожей донёсся стук каблуков, и в двери показалась Мария. Вид у неё был мрачный.

— С Франтишкой что-то случилось.

Сердце моё упало, и, чтобы не свалиться вслед за ним, я схватилась за край стола. В глазах потемнело.

— Что ты узнала? — спросил Кир с лёгкой дрожью в голосе.

— Она уже две недели как не работает в детском саду. Я звонила ей домой, но она не отвечает. Кто-то должен к ней съездить. Будет лучше, если это сделаешь ты, Марта.

Я пришла в чувства и посмотрела на Марию. Мольба, читавшаяся в её холодном взгляде, напугала меня. Но ещё страшнее было от того, с чем мне предстояло бы столкнуться.

— Хорошо, — выдавила я. — Только возьму кое-что из дома.

К Франтишке я поехала сама. Трамвай приятно потряхивало, и эмоции унимались, позволяя мне мыслить более трезво. У меня не было плана действий. По правде, я не имела ни малейшего понятия, что делать. Мама сказала бы: «Ты разберёшься на месте». Но я сомневалась как в своей интуиции, так и в том, справлюсь ли вообще. Что бы меня ни ожидало, морально я не была готова.

В тот единственный раз, когда Франтишка пригласила меня к себе, мы испекли торт Юлиану на день рождения. Как же сильно всё изменилось за каких-то пару месяцев. Я шла мимо жавшихся друг к другу домов, высматривая номерные таблички, чуть бликующие в ярком свете фонарей. На домофоне нужного подъезда среди прочих значилась фамилия Франтишки. Ответа долго не было. Спустя минуту я заподозрила, что её могло не быть дома, но продолжила стоять под дверью, потому что всё равно не знала, где ещё искать. Вдруг гудки прервались.

— Да? — тихо прохрустел динамик.

— Фани, это я, Марта. Я... мы... У тебя всё хорошо? Ты не предупреждала, что берёшь сегодня выходной.

Динамик хрустел, но Франтишка ничего не говорила.

— Я могу зайти? Мы с тобой давно не виделись вне работы, не болтали о том о сём.

Домофон замолк. С щелчком дверь открылась, и я, сглотив, ступила внутрь.

Она стояла на лестничной площадке. Свет, скроенный в прямоугольник окном между этажами, падал ей на ноги и резкой границей пересекал живот. Лицо оставалось в тени.

— Марта! — в её голосе слышалась улыбка. — Вот это сюрприз! Заходи скорей.

В квартире было сумрачно и прохладно. Не заперев за мной дверь, Франтишка засемила по коридору и скрылась за поворотом. Судя по звукам, она суматошно приводила в порядок кухню. Комнаты были тёмными, однако, проходя мимо спальни, я смогла разглядеть смятую постель и разбросанные по полу вещи.

— Я, конечно, не ждала гостей сегодня, но сейчас что-нибудь сообразим. Ты голодная? Ничего готового у меня нет, и продуктов что-то тоже мало. Ох, как не вовремя всё покончилось, ха-ха!

Она металась туда-сюда, начинала делать одно и, бросив, тут же бралась за другое. Сполоснула пару стаканов из груды грязной посуды, смахнула крошки со стола, где он не был заставлен чем ни попадя, хлопнула дверцей шкафчика, едва ли посмотрев, что в нём лежало. Я замерла на пороге, наблюдая её хаотичные движения. Нечёсаные волосы, заношенная домашняя одежда.

— У тебя точно всё хорошо?

— Да, да. С чего это ты распереживалась? Потому что я работу пропустила? Это я так, почувствовала себя нехорошо, подумала, что заболела, но — ложная тревога, как видишь. А предупредить, да, в самом деле забыла, отвлеклась на что-то, наверное, а потом...

— Ты не говорила, что уволилась из садика.

— Ах, это, — её голос дрогнул. — Да-а, я решила взять перерыв, ну, небольшой, может, вернусь ещё или другое место найду, но пока хочется чуток отдохнуть от всего этого. Ты не подумай, я люблю детей, но порой, уф, они просто невозможно утомляют.

— Фани.

Всё это время она избегала смотреть на меня, а теперь, остановившись, повернулась спиной. Её руки казались тоньше, и тело целиком — совсем крошечным на фоне просторной кухни. Эмоции теснились в груди, толкаясь и просясь наружу, но я смогла произнести лишь:

— Что с тобой происходит?

— Ничего. — Франтишка обернулась, наконец открывая своё лицо, бледное, с тёмными кругами под глазами. — Просто устала немного.

Она улыбалась, но из последних сил держалась на ногах. Я подбежала, обхватила её за плечи и усадила на диван. Она не сопротивлялась и не издала ни звука.

— Отдыхай, я сделаю тебе чаю.

Кухня как будто увеличилась в размерах, и теперь уже я судорожно металась по ней, пытаюсь отыскать, где что лежит. А Франтишка так и сидела, тихо-тихо, словно её не было вовсе. Блёклая тень самой себя.

Она не шелохнулась, когда я поставила перед ней чашку. Не обратила на неё ни малейшего внимания. Опустившись на диван рядом, я терпеливо выжидала. Волосы падали Франтишке на лоб, заслоняли глаза, но я видела её сжатые, чуть подрагивающие губы.

Чай остывал, а мы всё молчали. Без движения мне стало холодно, колени затряслись, но это не согрело меня и не помогло снять накопившееся напряжение. В окно застучал дождь. Тишина наполнилась убаюкивающим шелестом. Франтишка протянула руку, взяла чашку, сделала глоток. И вдруг всхлипнула. Ещё раз и ещё. Склонив голову, она заскулила. Слезы струились по её щекам, капали с кончика носа и растворялись в чае. Я осторожно забрала чашку из её ладоней, и тогда она закрыла ими лицо. Дождь усиливался.

Узел внутри меня распустился. Франтишка плакала, и мне становилось легче, словно это был мой собственный плач. Я поглаживала её по спине и слушала, как выравнивается её дыхание. Наконец Франтишка утёрла слёзы, отбросила волосы назад. Щуря красные глаза, она смотрела в потолок.

— Марта, почему всё так? Почему это происходит со мной? Сколько ещё?.. Вдруг это никогда не закончится?

— Закончится. Рано или поздно всё заканчивается.

— Рано или поздно... Но я не знаю, сколько ещё выдержу.

Я приобняла её, и Франтишка положила голову мне на плечо. Только в тот момент я заметила, как сильно она похудела.

— Мне всю ночь не спалось. И я много думала. Правда ли, что всё не просто так? Что я заслужила свои страдания. Есть ли в них какой-то смысл? Сейчас, когда Лвичека здесь нет... мне так его не хватает. Я ведь даже не знаю, встретимся ли мы ещё. Если не встретимся, то... Зачем мне моя жизнь, если я никому не нужна?

— Ты нужна *нам*, Фани. Мне, Марии, Киру и Петеру. Нужна агентству.

— Агентству-то я зачем? Из-за способности? — злилась Франтишка. — Всё это время я помогала абсолютно чужим людям просто из чувства долга перед Владыкой, потому что расплачивалась за прошлые ошибки. Но эта способность лишь делает мне больно, понимаешь? Здесь от неё нет никакого прока. Если бы только она была у меня раньше, никому не пришлось бы страдать. Тогда все были бы счастливы. А здесь, здесь... Скажи, тебе твоя способность сейчас тоже не нужна? Она бы больше пригодилась тебе *там*? — Франтишка подняла на меня полный надежды взгляд.

— Я не помню.

Она снова уткнулась в моё плечо, прижалась ко мне, точно маленький ребёнок.

— Я так устала. Не знаю, что делать, думать об этом изнурительно, а не думать невозможно. У тебя бывало такое? Как будто тебя в угол загнали. Каждый день, каждый день в голове одно и то же. Я не выношу, когда кто-то нарушает табу, но порой оно меня с ума сводит. Иногда мне очень, очень хочется вернуться. Совесть не позволит, правда. Но продолжать жить здесь... так тошно. Вот я и хочу поскорей уйти, поскорей получить Приглашение. Другого пути нет, — печально заключила она и глухо добавила: — Если бы только я могла усыпить саму себя навсегда.

По сердцу резануло. Я схватила Франтишку за руки, сжала её ладони.

— Что ты такое говоришь, Фани? Как можно?.. Почему?..

— Прекрати, — огрызнулась она и посмотрела мне прямо в глаза. — Не делай вид, что не понимаешь. Скажешь, у тебя никогда не было подобных мыслей? Да ты бы ни за что не попала в этот мир.

Я отпрянула, ослабила хватку, и Франтишка отняла руки. Конечно, она была права. Но отчего-то её слова ударили меня, сбили, как автомобиль на полной скорости.

— Ты должна понимать, каково это. Когда ты не можешь заставить себя встать с кровати, когда даже простое упоминание завтрашнего дня приводит тебя в ужас. Столько раз... столько грёбанных раз я желала уснуть и больше никогда не просыпаться.

Франтишка едва сдержалась, чтобы снова не расплакаться. Зажмурилась, потёрла переносицу, глубоко вдохнула. Силы её иссякли. Выдохнув, она откинулась на спинку дивана.

— Спой мне.

Дождь стучал в окно так громко, словно пытался разбить его. Я услышала звук чужого голоса, но не осознала, кому он принадлежал и о чём просил. Зрение затуманилось. Не было ничего, кроме плотного шума дождя. Пока

Франтишка, тронув меня за рукав, не возникла передо мной, как из тумана.

— Марта, споешь мне?

Язык еле ворочался во рту, губы будто онемели. Кое-как я выдавила:

— Зачем?

— Спой, пожалуйста. — Она легла на спину и перекинула ноги через мои колени. — Вдруг это поможет мне уснуть.

— Я не очень умею. И песни знаю только грустные.

— Пускай. — Она прикрыла глаза, сложила руки на груди. — Уже очень давно никто не пел для меня.

Как назло на ум не приходило не то что подходящей песни, вообще никакой. До чего же жалкой я была, раз даже простые просьбы заставляли меня врасплох? Я смущалась собственной нерасторопности, собственных нерешительности и глупости, понимая: меньшее, что я могу сделать сейчас для Франтишки, — это спеть. Хоть как-нибудь, хоть что-нибудь.

Всё же мне хотелось приободрить её.

Давнее воспоминание запульсировало, забилося жилкой глубоко в затылке, и меня вдруг осенило. Мелодия заиграла в ушах, точно где-то внутри включили кассету, и слова сами полились из моего горла. Плавно и легко, как по проторённому руслу, словно я повторяла их каждый день. Странно, я не помнила, чтобы хоть раз пела эту колыбельную.

Будучи маленькой, я часто оставалась без родительского внимания и привыкла играть в одиночестве. Я могла подолгу тихонько сидеть в своей комнате, и если уставшие после работы родители забывали про меня, то мои игры затягивались допоздна и обычно заканчивались истериками. По крайней мере, именно это читалось в смутных образах, которые мне подсовывала память. Укладывая меня спать в такие дни, мама всегда напевала колыбельную. Что-то из старого мультфильма, название которого я забыла. Она пела, и кипящие во мне злость и огорчение унимались, их жар превращался в уютное тепло, и слёзы останавливались. Только глаза ещё пощипывало, когда я проваливалась в сон.

В тот вечер на кухне у Франтишки я снова это почувствовала. Теплоту маминой колыбельной, любовь её крепких объятий. Может быть, и пела тогда вовсе не я, а мама, пробившаяся в этот мир, потому что искала меня.

Как же давно я её не видела.

Песня оборвалась. Горло защекотало, и я зажала рот рукой, сдерживая рвущееся наружу, чем бы оно ни оказалось. Было больно, и страшно, и хотелось плакать навзрыд, плакать и плакать, пока она не придёт и не утешит меня, как умеет только она. Изо всех сил я подавила крик. Потому что знала: она не придёт, сколько бы я ни звала.

Наконец дрожь успокоилась и дышать стало легче. Я была опустошена и растеряна, сердце стучало глухо в грудной клетке. Дождь еле слышно шуршал за окном.

Франтишка дремала. Удивительно, что мой короткий срыв не разбудил её. Спутанные завитки волос разметались по дивану, а на лице застыло умиротворённое, почти счастливое выражение, делавшее его беззащитно детским. Я старалась не двигаться лишней раз, только бы её не потревожить.

Она проснулась около часа спустя. Приподнялась на локтях, села, тупо смотря перед собой. Неуверенно прикоснулась кончиками пальцев к щекам, к векам и нахмурилась.

— Пойду умоюсь, — пробормотала Франтишка и быстрыми шажками вышла из кухни.

Я встала с дивана и размяла затёкшее тело. Мне не было грустно или горько, всё улеглось, и на душе стоял непривычный штиль. Губы тронула невольная улыбка: дождь кончился. Оставалось последнее, что мне нужно было сделать.

Когда Франтишка вернулась, она долго не отрывала удивлённого взгляда от протянутого мною рисунка, прежде чем осторожно взять его. От волнения руки не слушались её.

— Марта, это... это просто...

Она так и не договорила. Щупала бумагу, водила по ней ладонью, словно хотела проникнуть сквозь неё, в нарисованный мир. К Лайонелу, окружённому золотыми искрами и красными амариллисами.

— У него такие глаза...

— Знаю, слишком печальные получились.

— Нет-нет, я не об этом. Он и правда смотрел так иногда. Но я думала, что, кроме меня, никто не видел этих глаз. Они очень настоящие.

Подержав рисунок ещё немного, Франтишка вернула его мне. И попросила бережно хранить.

Я осталась у неё на ночь, потому что она настояла, взамен позволив мне помочь утром с уборкой. И тогда, измотанные, мы укрылись толстым одеялом и, излив последние чувства, сквозь дремоту произнеся последние слова, уснули в обнимку. Мне не хватало этого банального человеческого тепла. В первые за долгое время я засыпала без тревог, без мыслей о завтрашнем дне или недостижимом прошлом. Засыпала и не думала ни о чём.

Той ночью мне ничего не снилось.

Воспоминание: Лимонная косточка

Марта никак не могла меня добудиться. Её урчание и мяуканье, нет-нет да и пробивавшиеся сквозь мой тяжёлый сон, казались обеспокоенными. Я чувствовала, как когтистая лапа касалась моей щеки, как мягкая шерсть щекотала лицо, но мне всё не удавалось проснуться. И когда я наконец открыла глаза, было уже далеко за полдень.

Воздух под одеялом разогрелся до горяча. Будто внутри что-то сломалось, и из недр моего тела повалил жар, как из печки. В голове стоял туман.

Нечего было выходить вчера под дождь.

На одной силе воли я доползла до кухни, чтобы покормить Марту, и, вернувшись в кровать, закуталась в одеяло. Глаза начали слипаться, и я не заметила, как снова погрузилась в сон. Точно фантомы, в поле зрения появлялись и исчезали отдалённо знакомые лица: родители, друзья, однокурсники. Бросаемые ими фразы тонули в непроницаемой пелене сновидения, лишь искажённое эхо достигало моего слуха. И в этой нескончаемой чехарде голос настойчиво повторял:

«Забудь о них. Они не будут о тебе волноваться. Они не заметят, когда ты уйдёшь».

Тау я не увидела. Наверное, потому что, даже будучи в сознании, не могла вспомнить его лица.

Следующим утром мне стало лучше. В голове прояснилось, но горло саднило. Я размешала мёд в горячем молоке и, устроившись в кровати поудобнее, взяла книгу, что попала ко мне из другого мира. Это не было интересным чтением — мало кому пришлось бы душе изучать случайную энциклопедию, — однако мне стоило побольше узнать о месте, к отправке в которое меня готовили.

— Рыцари, короли, волшебные кристаллы... Напоминает какую-то детскую сказку.

«Тебе никогда не хотелось попасть в сказочную страну? Туда, где не будет забот и тревог. Туда, где есть магия и безграничные возможности».

— Хотелось в детстве, но сейчас... даже не знаю.

Позже я заварила себе чай с лимоном и переместилась за стол. Вдохновения рисовать не было, но я упорно смотрела на чистую страницу и крутила в пальцах карандаш. Вот бы встретиться с Тау, понаблюдать за птицами, думала я. У меня не было даже номера его телефона, чтобы пригласить к себе.

Приятные чувства за клубились в груди. Бывало, я пыталась перенести свои переживания на бумагу, но у меня не получалось ни нарисовать их, ни облечь в слова. Тогда было так же, одни банальные фразы и образы приходили на ум.

— Не быть мне человеком искусства.

Я вытащила из чашки дольку лимона и положила в рот. Поморщилась от кислоты и горечи. Косточка попала на зуб, я сплюнула её в ладонь. Надкусанная у верхушки оболочка разошлась в стороны, обнажая нежное белое нутро.

В книге было написано: «Если у вас возникнет спонтанное, но сильное желание сделать что-либо, попробуйте поддаться его порыву. Возможно, это зов вашей внутренней магии». Я рассматривала косточку в своей ладони и думала, что хочу посадить её. Словно в этом бесцветном нутре мне виделось нечто прекрасное, достойное того, чтобы вырасти и жить.

Садоводство никогда не увлекало меня, в отличие от моей мамы. Потому я без труда отыскала на балконе пустой цветочный горшок и мешок с грунтом. Опустила косточку в землю, полила водой и поставила на свой подоконник.

— Как считаешь, Марта, нужно было её прорастить для начала?

Кошка, сидевшая рядом на полу, отвлеклась от умывания, обратила на меня всезнающий, мудрый взгляд и медленно моргнула.

— Вот и мне кажется, что ничего из этого не выйдет.

Я не питала надежд. И утром, запрокинув на подушке голову и смотря снизу вверх на подоконник, видела лишь безжизненные керамические стенки цветочного горшка. Если бы не Марта, что любопытно заглядывала внутрь и принюхивалась, я бы так и оставила его без внимания.

Крошечный росток пробился на поверхность и теперь поблёскивал в солнечных лучах. Его сочно-зелёные листья были такими тонкими, что я боялась к ним прикасаться. Сердце забило чаще. Что-то давно позабытое чувствовалось в этом частом сердцебиении.

На балконе нашлось несколько пакетиков с цветочными семенами, и, потому что пустых горшков больше не было, я посеяла их в стаканы. Выставила на подоконник столько, сколько смогла уместить. Через стекло было здорово наблюдать, как вода просачивается глубже в землю. В комнате запахло влажной почвой. Я зевнула. Тело вдруг потяжелело, как после долгой пробежки. Не дождавшись темноты, я легла спать.

А за ночь на моём подоконнике распустились цветы. Пурпурные, красные, оранжевые. Я рисовала их, находя

успокоение в длинных линиях стеблей и широких дугах лепестков. В мягких углах ветвей лимона, к утру превратившегося в маленькое деревце. Была ли то моя внутренняя магия или нет, меня не волновало. Когда на душе хорошо, важно ли знать причину?

«Почему ты не читаешь? Тебе наскучила моя книга?»

Как по щелчку пальцев покой рассеялся. Я отняла от бумаги карандаш и уже не смогла продолжить рисовать. Краем глаза я видела тёмный силуэт лежащей на столе книги, но избегала переводить на неё взгляд. В груди нарастала тревога.

Вдруг я выхватила в тишине посторонний звук. Словно кто-то копошился на кухне. Это не напугало бы меня, если бы Марта не спала в тот момент на моей кровати.

Я вышла в коридор, однако звук не стал ни громче, ни тише. Как и не менялся он с каждым следующим шагом. Только коридорный сумрак расступался, пока я приближалась к кухне.

— Эн! Ну наконец-то, я уже заждался.

— Тау? — По спине пробежал холодок. Радость смешалась с недоумением, разлившись в животе чем-то липким и вязущим.

— Как твоё самочувствие? Ты хорошо питаешься? Подумал, раз уж я всё равно здесь, надо что-нибудь тебе приготовить.

— Как ты вошёл? — полушёпотом спросила я.

Вместо ответа Тау завертел головой.

— Где тут у тебя кастрюли? А, и крупы! Сварю тебе кашу — то что надо для ослабшего организма.

Солнце золотило его кожу и волосы, искрилось в глазах, не то проникая в кухню сквозь лёгкий тюль штор, не то сочась изнутри самого Тау. Я знала, этот момент не будет длиться вечно. Поэтому разогнала сомнения, позволяя хрупкому счастью, пусть даже и ненастоящему, взять верх.

— Подвинься. Нечего хозяйничать на моей кухне без спросу.

— Не дашь кавалеру за тобой поухаживать? — широко улыбнулся Тау.

— Достаточно и того, что ты пришёл.

В конце концов кашу варила я. И ела её одна — Тау развлекал меня шутками и дурацкими историями. Мы сидели так, пока на город не опустилась ночь. Она наступила слишком быстро.

Когда за окном стемнело, я поднялась, чтобы зажечь свет. А потом осознала, что стою на кухне в одиночестве. От холода руки покрылись мурашками.

У моих ног требовательно мяукнула Марта. Присев на корточки, я почесала её за ухом.

— Может, мне всё это снится? На самом деле нет никаких цветов, и Тау сегодня не заходил. Мне просто нужно проснуться. Разбудишь меня?

С этой просьбой я протянула Марте ладонь. Недолго подумав, она опустила на неё лапу, и острые когти больно впились в кожу. Но всё осталось как прежде.

В квартире не было никого, кроме нас двоих.

Смерть принцессы

Лукия сидела в кровати под пуховым одеялом. Она утверждала, что чувствует себя гораздо лучше, но выглядела истощённой и измученной. На ней был шерстяной платок мышинного цвета.

Бертран стоял у окна и будто бы думал о чём-то своём, но я знала, он был начеку, пристально следил за происходящим на улице и слушал, что творится за дверью комнаты. Наш же разговор мало его волновал.

— Марта, можешь подойти поближе? — попросила Лукия ослабшим голосом.

Я опустилась на табурет у изголовья кровати.

— Мне очень приятно, что ты меня навестила. Что ты вообще всегда принимала мои приглашения. Совсем не обязательно было потакать моим прихотям.

— Но ведь ты принцесса, как я могла...

— А ты странница. В нашем мире это куда более значимо.

Её тёплая, но грустная улыбка заставляла меня нервничать. Лукия придвинулась ко мне почти вплотную и тихо продолжила на ухо:

— Я хочу рассказать тебе правду, но в дворцовых стенах делать это небезопасно.

— Почему? О какой правде ты говоришь?

— Ш-ш, — Лукия приложила палец к губам. — Нас могут услышать. Но долгие шептания тоже вызовут подозрения, поэтому буду краткой. Я знаю, кто виноват в прошлогодней аварии. И я знаю, зачем странники нужны нашему миру на самом деле. Почему рыцарей волнует ваше благополучие, почему некоторые из вас пропадают — всё это мне известно. Я расскажу, только дай своё согласие.

Она отстранилась, заправила под платок выбившуюся блестящую прядь. Я озадаченно потупилась.

— Зачем тебе моё согласие?

— Просто, — вздохнула Лукия, — тебе не понравится. Это нечто очень страшное. Мне хорошо известно, как оно может сломать человека.

— Счастье в неведении, — бросил Бертран, не оборачиваясь.

— Верно. Не хочу, чтобы ты потом об этом жалела. Если откажешься, я пойму.

Я терялась с ответом. Множество тайн, что окружали странников, интриговали, потому что касались меня непосредственно. Мне была любопытна эта часть меня, как и любая другая. И в то же время я догадывалась, что истина вряд ли принесёт мне успокоение. Она внушала ужас, даже будучи сокрытой.

— Не нужно отвечать прямо сейчас, — сказала Лукия, коснувшись моей руки. — Можешь думать сколько угодно долго. Что бы ни случилось, я найду способ всё тебе передать.

— А что-то, — холодок пробежал у меня по спине, — должно случиться?

— Достаточно на сегодня, — вмешался Бертран и шагнул к кровати. — Лукии нужен покой. Долгие разговоры не способствуют выздоровлению.

— Нет, я совсем не устала и...

— В таком состоянии сложно рассчитать свои силы. Лучше избежать лишних нагрузок, — отрезал Бертран. Лукия возмущённо нахмурилась, но промолчала. — Мне жаль, Марта, но я вынужден попросить тебя уйти.

Дежавю. Только в этот раз Бертран был ещё более взволнован и напряжён. Не зная, что сказать на прощание, я поднялась с табурета.

— Проводишь Марту? Ей не стоит блуждать по дворцу одной.

— Марта была здесь уже много раз, сомневаюсь, что она потеряется, если пойдёт одна.

— Бертран, — произнесла Лукия строго, — проводи Марту до главного выхода.

— Но!..

— Ничего не произойдёт, если ты отойдёшь на пять минут. Проводи Марту. Это приказ.

Сжав кулаки, он коротко кивнул. Открыл дверь и жестом пригласил меня вперёд. Мне хватило и беглого взгляда на Лукию, чтобы заподозрить неладное. Но разве могла я сделать что-либо? Могла ли предотвратить то, чему было суждено случиться, или уже безнадежно опоздала?

Скомканно попрощавшись, я покинула комнату. Бертран шёл следом, но поравнялся со мной, когда мы свернули в другой коридор.

— Кажется, я просил тебя не лезть. Одного предупреждения было мало?

— Я никуда не лезу.

Рука пронеслась мимо моего уха и громко ударила в стену. В ту же стену я упёрлась спиной, отступив под тяжёлым взглядом тёмных глаз Бертрانا.

— Ты прикидываешься или действительно не понимаешь? Своим неуёмным любопытством ты не только себя ставишь под угрозу. Или ты не прочь и других за собой утянуть? Без разницы, что окружающие пострадают?

— Пожалуйста, — он был так близко, что я зажмурилась и выставила ладони в защитной позе, — не кричи, я всё равно не понимаю, о чём ты. Я просто беспокоилась за здоровье Лукии, вот и приехала.

Бертран резко переменялся в лице. Отпрянул к противоположной стене, схватился за голову.

— Прости. Прости, что сорвался. Не знаю, что нашло на меня.

— Я не сержусь. — Кожу на затылке и шею стянуло, и я поспешила растереть её. — Похоже, тебе сейчас непросто.

— Это не оправдание. В конце концов, ты ни в чём не виновата.

— Забудем. С кем не бывает. — Я шагнула в центр коридора в знак примирения. — Скажи... если, конечно, это не слишком личное, почему ты так оберегаешь Лукию? Скольким бы ты ни был ей обязан, это не причина так яростно защищать её.

Бертран помрачнел, и я пожелала забрать свои слова назад.

— Ох, не моё это дело, зря я...

— У меня была сестра, — перебил вдруг он. — Младшая сестра, которую я не смог уберечь. Лукия очень на неё похожа. Вот и весь секрет. Знаю, это совершенно не здоровая привязанность, однако, — он развёл руками, — боюсь, мне уже не помочь. Однажды она меня погубит.

— И тебе не страшно?

— Отнюдь, — усмехнулся Бертран. — Нет смысла страшиться неизбежного. Ладно, хватит об этом, идём. Я уже порядком тебя задержал.

— Нет, — замотала головой я, — возвращайся к Лукии. А я дальше сама.

Бертран смотрел удивлённо.

— Уверена?

— Абсолютно. Как ты и говорил, я не потеряюсь.

Он помолчал, будто обдумывал мои слова, а затем едва заметно улыбнулся и, поблагодарив меня, поспешил обратно.

Не то чтобы я слухавила, сказав, что не потеряюсь, но собственной памяти я мало доверяла. И действительно, заплутать в дворцовых коридорах оказалось проще простого. Двери, развилки, лестницы и снова двери. В третий раз пройдя мимо одной и той же янтарной вазы, я сдалась и решила попросить помощи. Из-за угла как раз послышались голоса. Я зашагала быстрее, но перед самым поворотом замерла, внезапно узнав говоривших.

— Вы теперь даже по выходным с утра до вечера в кабинете? — почти смеясь, спросил Рей.

— Тебе прекрасно известно наше положение дел, — ответила королева Тамара. Её голос, властный и обжигающе холодный, я бы узнала из тысячи. — Ситуация с ресурсами усугубляется. Через неделю очередное собрание Континентального Совета, а у меня нет ни одной хорошей отговорки не ехать.

— Если позволите, мне кажется, не ехать было бы большим упущением. Совет многое потеряет, если не рассмотрит ваши предложения.

— Они и не будут их рассматривать. Они меня даже не выслушают до конца. — В голосе королевы зазвучала досада. — Такое ощущение, что Совет закрывает глаза на свои же правила. *Тогда* мы поступили так, как было должно. Каждое решение я принимала ради всеобщего блага. Но предателями почему-то посчитали нас, а не родителей. Это выше моего понимания.

— Не заикливайтесь на этом, ваше величество. Помните, рыцари Тьярны всегда вас поддержат.

— Тамарик! — раздалось в дальнем конце коридора. — Слава богу, ты отвлеклась от своей бесконечной работы.

— Опаздываешь, Катерина.

— Ой, можно подумать, это проблема. Девушке не пристало приходить вовремя. А вот если ты, Рей, не сдержал слово, это уже будет настоящей проблемой.

— Можешь быть спокойна. Прошу.

Ненадолго они замолчали, и я вдруг со всей ясностью осознала, что бесстыдно подслушиваю их разговор. Но я не сдвинулась с места, побоявшись, что дам себя обнаружить.

— Он точно нам подойдёт?

— Это лучший из вариантов. Тихая и безболезненная смерть через несколько часов. Никто даже не поймёт, что произошло.

— Звучит как обман.

— Давай опробуем на одной из твоих собак, если не веришь.

Выдержав короткую паузу, Катерина произнесла с холодной яростью:

— Посмеешь ещё хоть раз сказать подобное, и содержимое пузырька будет опробовано на тебе.

— Прекратите паясничать. Рей, меня этот вариант полностью устраивает, хорошая работа.

— Спасибо, ваше величество, что цените мой труд.

— Тоже мне труд, да это даже не полдела. Хочешь реально помочь — сделай что-нибудь с вороном. Пока он мельтешит вокруг, у нас, считай, руки связаны.

— Решила меня под удар подставить? Без особого распоряжения его и пальцем тронуть нельзя, сама знаешь.

— Его надо не трогать, а временно устранить. Нашему плану ворон не помешает, но он, наверняка, поднимет шум и привлечёт ненужное внимание. Нам бы только его отвлечь, верно, Тамарик?

— Тихо. Оба в мой кабинет. Кажется, у нас лишние уши.

Сердце подскочило к горлу. Я вжалась в стену, задержала дыхание. По паркету стукнул каблук. Один раз, второй, третий. Стук становился громче и отдавался эхом не то в пустоте коридора, не то в моей голове. В висках затрещало. Каждый невыносимо медленный шаг крепче приколачивал меня к полу. Сбежать было невозможно.

— Ваше величество!

В тот миг я подумала, что умру на месте. Но подняв глаза, увидела Рут. Твёрдой походкой она прошла мимо меня и, незаметным жестом приказав мне не двигаться, встала на пересечении двух коридоров.

— А, Рут, это ты. Тренируешься в шпионаже? — Выждав несколько секунд, будто подстерегая меня, королева продолжила: — У тебя что-то срочное?

— Нет. Я пришла с докладом, о котором вы просили.

— Точно, точно. Я сейчас занята. Зайди через полчаса.

Снова застучали каблуки. Шаги удалялись, стихали и, наконец, прервались хлопком двери.

Не успела я выдохнуть, как Рут схватила меня за локоть и потянула в противоположном направлении. Заплетаясь, я едва переставляла ноги.

— Как много ты слышала?

— Не знаю, я...

— Как много? — грозно повторила она, сдавив мою руку.

Я сглотнула и ответила:

— Достаточно.

Мы вышли на улицу, но Рут не ослабляла хватку и не сбавляла темп. Дыхание сбилось, и я почувствовала, что вот-вот упаду.

— Рут, — окликнула я, но она не отреагировала. — Рут, мне больно.

Резко, как будто её вдруг выключили, Рут остановилась и разжала пальцы. Я влетела ей в спину, пошатнулась, но она придержала меня за плечи.

— Прости. Как рыцарь я не имела никакого права применять силу. Но, — её обычно непроницаемое лицо исказилось сожалением, — сейчас я действую как твой друг. Прости. Ты не должна была этого слышать.

Она уронила голову. Ветер обдавал нас неистовыми порывами. Он трепал волосы, царапал кожу и пробирал холодом до костей. Но жар от ладоней Рут достигал меня даже через плотную пальтовую ткань.

— Если нас кто-то заметил, — осторожно сказала я, — у тебя ведь будут проблемы, да?

— Будут. — Рут выпрямилась и медленно опустила руки. — Несомненно, мне придётся ответить за свои действия. Для меня это может плохо кончиться. Но если выбирать между рыцарским долгом и обещанием, данным её высочеству, то я выберу последнее и обеспечу твою безопасность. В каком-то роде я всё равно выполню рыцарский долг, не так ли? — Она глубоко вздохнула, и облачко пара на мгновение, пока его не развеял ветер, скрыло её глаза. Тогда их взгляд переменялся, наполнился решимостью. — Будет тяжело. Но я прошу, ни в коем случае не подавай вида, что тебе что-то известно, и не пытайся что-либо предпринять. Похорони этот секрет глубоко внутри, убеди себя, что ничего не сможешь изменить, что это тебя не касается. Как бы ни хотела, услышанное ты уже не забудешь.

— Предлагаешь мне сдать? — Голос дрогнул, и я почувствовала подступающие слёзы. — Принять это как неизбежное? Нет, я не могу так, не могу...

— Марта, я понимаю. Становясь рыцарем, не раз проходишь через подобное. Тебе придётся собрать все силы, которые только найдёшь в себе, чтобы, когда наступит время, выдержать этот удар. Теперь ты будешь к нему готова.

— Откуда такая уверенность? — отчаянно вскричала я. — Как можно подготовиться к такому? Зачем... Зачем я услышала всё это?

Казалось, вес всего мира обрушился на мои плечи. «Счастье в неведении», — всплыли в голове брошенные Бертраном слова. Хорошо мне знакомые. Впервые в жизни я в полной мере ощутила их смысл.

Рут молчала. Она стояла, точно статуя, выражая поддержку своим безмолвным присутствием, и я была благодарна ей. Но всё же в глубине души мне хотелось, чтобы меня приободрили и обнадежили. Даже если бы это были лишь пустые дежурные фразы.

Рут продолжала молчать. Я слышала вой ветра, шелест ветвей, молящий, чтобы их не переломило. Холод

завладел мною, я перестала его замечать. Мысли прояснились. И тогда, открыв глаза, подняв голову и увидев серое, без единого просвета небо, я сдалась. Отступила перед преградой, что была мне не по плечу. Легче не стало. Разве что дышалось полнее.

Не было желания знать причину. Как и не было желания больше об этом думать. Осталось только гнетущее ожидание.

Тот день ничем не отличался от обычного буднего. Поначалу.

Около десяти утра мы приехали в агентство и привычно сели пить кофе. К Киру вернулось хорошее настроение, и последняя неделя прошла на удивление мирно, даже Петер был спокойнее, чем раньше. Мы так не поговорили о том, что случилось в мёртвой зоне, в лесу, месяц назад. Кир не поднимал эту тему, а я не осмеливалась спросить. Несмотря на то что он, похоже, наконец справился с шоком, мне казалось, в нём что-то сильно изменилось. Что-то незаметное глазу.

После полудня к нам спустилась Мария.

— Мальчики, мне нужна ваша помощь. Давайте за мной.

Я осталась в кухне. Однако, когда сверху послышался стук молотка, заинтригованная, взбежала по лестнице на второй этаж.

В кабинете Марии заколачивали окно: Петер держал доску, а Кир прибавал её к оконной раме. Сама Мария стояла поодаль и командовала.

— Конечно, приятно поработать в кои-то веки, — сказал Кир, утирая лоб, — но у нас точно нет шуруповёрта?

— Отставить нытьё. Времени в обрез, а окон два. Пошевеливайтесь.

— Так точно, шеф, — вяло отозвался Кир.

— Зачем это? — поинтересовалась я.

— Все мои сотрудники такие любопытные. — Мария посмотрела на меня с недовольством. — Если начальник даёт задание, то выполнять его надо без лишних вопросов. Ты же не выспрашиваешь у наших клиентов, зачем они сделали заказ?

— Клиенты обычно сами всё рассказывают.

— Тебе везло с клиентами, — заключила Мария и больше не обращала на меня внимания.

Либо она понемногу открывалась мне, либо же я просто научилась читать её потаённые эмоции, но тогда в её взгляде мелькнуло терзание. Точно мимолётная слабость, оно исчезло под прикрытыми веками. Точно слеза, которую сморгнули.

Пока я спускалась по лестнице, в агентство вошла Франтишка. Она поругалась на шум, но не стала спрашивать, зачем Марии понадобилось заколачивать окна. Обед волновал её гораздо больше.

Как и Кир, Франтишка оправилась после недавнего срыва. В детский сад она не вернулась, но исправно приходила в агентство и занималась домашними делами. Как прежде. Я и не подозревала, как сильно мне не хватало её улыбок, танцующих движений и безостановочной болтовни. Агентство снова было таким, каким оно мне полюбилось. И я всем сердцем желала, чтобы оно никогда не менялось.

Молоток затих, и только Франтишка вздохнула с облегчением, как наверху заскрипело.

— Это они что там, мебель двигают? Да сколько можно! Это нарушение рабочих условий, я требую тишины! Дайте хоть чуток передохнуть.

Я выглянула в прихожую и увидела у телефона Марию. По отдельным фразам я вскоре догадалась, с кем она говорила.

— Да, это срочно. Дело пяти минут, если тебя это беспокоит. Конечно. Не в моих интересах тебя задерживать. Я прекрасно понимаю, но Лукия разрешила мне ненадолго тебя занять. Хорошо. Буду ждать.

Бертран прибыл раздражённым и с явным нетерпением побыстрее уйти. Он был до того взвинчен, что не мог сдержаться грубости. Франтишка притаилась в кухне, настороженно прислушиваясь к происходящему.

Мария повела Бертрана наверх. Я пошла следом, Петер же топтался внизу, видимо, тоже боялся попасть под горячую руку. В коридоре второго этажа, рядом с комодом, который выдвинули из спальни, стоял Кир. Он выглядел скучающим, но его скука была очевидным притворством. Внутри у меня всё сжалось.

— После тебя, — сказала Мария, открыв дверь кабинета.

— Почему окна заколочены? — спросил Бертран, шагнув за порог. Его вопрос остался без ответа.

Мария захлопнула дверь и заперла на ключ. В следующую секунду они с Киrom задвинули её комодом.

— Мария? — раздалось с той стороны. — Мария, какого чёрта?!

— Выломаешь дверь — будешь мне должен до конца жизни.

— Открой! Открой сейчас же! Сука, ты с ними за одно?! Вы, ублюдки, сговорились за моей спиной! Я убью тебя, Мария, слышишь? Клянусь, я убью тебя!

— Попробуй, — глухо произнесла она. И это единственное слово сочилось такой ненавистью к себе, что меня

бросило в озноб.

— Мария, — обратился к ней Кир. Руки его дрожали. — Пожалуйста, объясни, что всё это значит.

— Я не обязана ничего объяснять, — ледяным тоном отрезала она и двинулась к лестнице. — Все вниз. Немедленно.

Из кабинета ещё долго доносились крики и ругательства, громкие удары кулаков, от которых кровь стыла в жилах. Мы были в гостиной. Молчали. Ничто не могло заглушить те душераздирающие звуки, а говорить через них было попросту страшно. Мария вышла на задний двор. Она стояла на холоде без верхней одежды и курила уже вторую сигарету. Петер зажимал уши, вздрагивал от ударов, раскачивался корпусом. Казалось, он был на пределе. Франтишка не двигалась и ни на что не реагировала, словно в ступоре. Только когда Петер прерывисто задышал, она опомнилась, под села к нему и стала тихонько напевать. Кир устало уронил голову на ладони. А я вжалась в спинку дивана, стиснула зубы и мысленно сокрушалась, что не могу рассказать им правду. Как будто это бы что-то изменило. Мне хотелось так же бить стены и кричать, кричать, вопрошая, почему нас никак не оставят в покое. Почему стоит только жизни наладиться, как нас снова настигает разрушение? Чем мы заслужили столь недолговечное счастье?

Наверху стало тихо. Слишком тихо. Моя тревога возросла. Как Мария была замешана в этом? Всё указывало на то, что она действовала против собственной воли, но во мне крепло недоверие. Как много она знала? На чьей стороне была?

Неужели наше присутствие в агентстве в тот день было так необходимо?

— Я хочу уйти, — трясущимся голосом сказал Петер. В самом деле, все мы хотели того же. — Но это... разве это будет правильно? Я теперь тоже... причастен. — Он с ужасом смотрел на свои ладони. — Этими руками... этими руками я...

Невидимая дымка начала собираться вокруг него, но вышла из-под контроля, разорвалась на отдельные куски, скрывая то одни части тела, то другие. Петер вскочил на ноги, бросился из гостиной, но не успел. Его стошнило на пол. Он опёрся о стену, содрогаясь, сдерживая следующий позыв. Кир сорвался с места, чтобы довести его до ванной.

Чуть не плача, Франтишка пробормотала что-то про уборку. Или это я её не расслышала: голову заполнил звон, громкий до боли в ушах. Она встала с дивана. Но я, одереvenев, не смогла подняться. Мне показалось, что я перестала дышать, настолько поверхностными были мои вдохи. Когда эта попытка закончится?

Кто-то тронул меня за плечо, и звон прекратился.

— Ответственность полностью лежит на мне, — произнесла Мария без тени эмоции. — Вы лишь выполняли мои указания. У вас не было выбора.

— Скажи это им, а не мне.

Ошпаренная внезапной волной отвращения, я отпрянула. Посмотрела на Марию с нескрываемым презрением, и она отвела взгляд, скрестила руки в непривычно защитной позе.

— Будешь теперь меня ненавидеть?

— И что, если буду?

— Ничего, — она бессильно пожала плечами. — Думай что хочешь, говори в мой адрес что хочешь, уходи из агентства — я не стану тебя останавливать. Если в твоих глазах я заслуживаю такого отношения, то так тому и быть.

— Я не хочу ненавидеть тебя. Просто, — злость закипала внутри, — у меня это в голове не укладывается. Зачем было втягивать нас? Делать подобное, не объяснив причины... Ты могла бы соврать, могла бы придумать что-нибудь. Но почему, почему мы должны мучиться неведением? Почему вынуждены накручивать себя вместо того, чтобы получить успокоение, плевать, что лживое?

— Потому что мне претит лгать вам, — ответила Мария со всей серьёзностью. — Я предпочитаю умолчать. Назови меня жестокой, я не буду спорить. Мне очень жаль, что вовлекла вас сегодня. Мне нечем себя оправдать.

— Легко сожалеть, когда уже нельзя ничего исправить, да? Что сейчас, что тогда, с дикой магией, будь она неладна. Когда что-то идёт не так, пострадавшими оказываемся мы, а ты просто наблюдаешь со стороны, делая вид, что помогаешь. Тебе всё равно, что будет с нами? По-твоему, мы недостаточно пострадали?

— Марта.

Я вздрогнула. Голос Франтишки как холодной водой окатил меня. Она стояла на пороге гостиной, и выражение её лица было исполнено горечи.

— Пожалуйста, не кричи. Петеру и без того сейчас плохо.

Стыд привёл меня в чувства. Я заметалась, закрутила головой, но мне было некуда сбежать, негде спрятаться. Растерянная, я глотала воздух, не в силах издать ни звука.

— Всё в порядке, Марта. — Мария успокаивающе погладила меня по спине. — Ты в праве злиться, кричать и плакать. Но давай не будем выяснять отношения сейчас, ладно? Давай разрешим этот вопрос потом.

— Ты ни в чём не виновата, Маричка, — вяло произнесла Франтишка, протирая пол. — И ты, Марта, тоже. Просто мы все на нервах. У меня мозг кипит от одной мысли, как мы могли оказаться в такой дерьмовой ситуации. Чёртов кошмар наяву. Так давайте уже перестанем его мусолить. Легче от этого всё равно никому не станет.

Закончив убираться, она ушла. И моя злость отступила. Вместе со стыдом и отчаянием, которым внутри не находилось места. Я выдохнула.

Буря затихла, и мы кое-как её пережили.

Когда Кир вывел Петера из ванной, мы с Франтишкой поспешили на кухню вслед за ними. Свет был приглушён, и из-за пасмурного неба казалось, что уже наступил вечер. Каким же нестерпимо долгим был тот день. Петер сидел за столом, опустив голову, и я не могла разглядеть его лица. Он мелко дрожал, как от холода.

— Может, ещё воды? — обеспокоенно спросил Кир.

— Не надо, — чуть слышно ответил Петер.

— Тогда чаю? Ромашкового. Фани, у нас есть ромашковый чай?

— Да, кажется, был.

— Поставишь воду?

С этими словами Кир выскочил из кухни и вскоре вернулся с пледом, который накинул Петеру на плечи. Чайник шипел на плите, и это шипение скрадывало наше печальное молчание. Франтишка медленно перебирала коробочки и банки в шкафике, где хранились чай и кофе.

— Мы можем поехать домой? — Завернувшись в плед, Петер упёрся лбом в край стола. — Я просто хочу домой.

— Хорошо, — засуетился Кир, — да, конечно, мы можем поехать. Нечего торчать тут и дальше. Поехали, в самом деле. Марта, ты с нами?

Я вдохнула, чтобы ответить, но вдруг в дверь позвонили. Мы все напряглись, замерли, как в ожидании опасности. Незваному гостю открыла Мария. Я не услышала ни приветственных фраз, ни вопросов. Никто не подал голоса. Лишь в щель приоткрытой двери я увидела мелькнувшие мимо тёмно-синий костюм и тёмные короткие волосы. Рут. Почему она приехала?

Осознание громом поразило меня. По сердцу полоснуло: Лукия. Что с Лукией? Не отдавая себе отчёта, я рванула в прихожую.

Но у самой лестницы меня остановили.

— Не надо, — сказала Мария. — Не ходи за ней.

По полу второго эта заскрипели ножки комода. Дверь кабинета открылась, и вот в тишине зазвучал неразборчивый разговор. Он становился всё громче.

— Твои руки...

— Не трогай.

— Прошу, хотя бы позволь мне их обработать.

— Я же сказал, не трогай меня. Зачем ты здесь? Пришла меня добить? Давай, теперь-то тебя ничто не останавливает. Хватит изображать заботу. Тебе ведь с самого начала было на меня плевать? Это была часть вашего плана — втереться мне в доверие, чтобы манипулировать? Поздравляю, ты отлично сыграла. Можешь больше не притворяться.

— Я никогда не притворялась.

— Заткнись! Думаешь, я тебе поверю? После всего? Радуйся, что я тебя не ударил.

Бертран замолчал. А когда снова заговорил, голос его надломился:

— Почему, Рут? Почему всё закончилось так? Я думал, что сделал достаточно. Тогда почему я не смог уберечь её?

Рут ответила что-то, но тихо, чтобы только он услышал, а потом добавила:

— Ты ещё можешь успеть попроситься.

Мои глаза заволкло пеленой. Я едва ощутила, как Бертран пронёсся мимо. Яркая вспышка в дверном проёме ослепила меня, и когда зрение вернулось, я увидела Рут. Всего на мгновение я поймала её взгляд, переполненный чувствами, которые она никогда бы не выразила словами. Силы разом покинули меня. Я рухнула на пол, безвольно наблюдая, как Рут выбегает на улицу, как захлопывается за ней золотая дверь.

Всё кончилось. Осталось лишь оглушающее потрясение. И мне казалось, что я никогда от него не оправлюсь.

Следующим утром в новостях объявили, что её высочество принцесса Лукия скончалась от продолжительной и тяжёлой болезни.

Шёл снег. Некогда долгожданный, теперь он нагонял на меня тоску. Чёрную, удушающую. Не в силах больше смотреть на него, я задёрнула шторы.

День, когда началась наша с Лукией дружба, тоже был снежным.

Рут молча стояла за моей спиной. Мне хотелось, чтобы она поскорее сказала то, ради чего пришла, но в то же время её ещё не озвученное послание до дрожи пугало меня. И чем дольше я набиралась смелости, тем страшнее мне становилось.

— Кто отправил тебя?

— Анна.

Я зажмурилась. Как будто это помогло бы мне избежать дальнейшего разговора.

— Как она?

— Справляется. — Голос Рут был неестественно ровным. — После похорон ей немного лучше.

— А Бертран?

— Не знаю. Мы не виделись со дня её смерти.

В горле встал ком. Как ни пыталась, я не смогла повернуться к Рут лицом, встретить её взгляд. Не смогла ничего ответить. Наверное, она заметила мои тщетные усилия совладать с собой, потому продолжила:

— Анна попросила кое-что передать тебе. Вернее, Лукия попросила. — Из-за моего плеча показалась рука, протягивающая потрёпанную тетрадь. — Это дневник странницы, которая была невестой Адама.

— Что?..

Озадаченная, я приняла тетрадь и сжала её в пальцах.

— Меня предупредили, что некоторые из записей могут встревожить тебя или расстроить. Рисковать или нет — это только твоё решение. Ты не обязана его читать, если не захочешь.

— Но вернуть дневник нельзя?

— Нет. Теперь он твой.

Нервно разглаживая уголки потёртой обложки, я чувствовала, какой тяжестью каждая из скрытых под ней страниц ложится мне на сердце. Оно билось отчаянно, ударяло в грудь так, словно намеревалось переломить её, вырваться наружу, лишь бы освободиться от непосильного груза. Я бы и сама вынула сердце из груди, только чтобы не слышать его биение.

— Если это всё, можешь идти. Передай Анне мои соболезнования.

Рут промолчала. Её удаляющиеся шаги были излишни твёрдыми, будто принуждёнными. И когда они остановились, я ждала, что дверь вот-вот откроется, выпустит гостью, и наконец тишина комнаты будет принадлежать только мне. Но дверь не открылась.

— Это было идеей Рея. Случившееся в агентстве подстроил он.

По спине пробежал холодок, и я машинально обернулась. Рут стояла у порога, ни голосом, ни выражением лица не выдавая своих истинных эмоций.

— Но Мария... Она же руководила нами тогда.

— По доброй воле она бы ни за что этого не сделала. Рей надавил на неё, поставил такие условия, что под удар попали вы все. Честно говоря, я сомневаюсь, что он предвидел подобный исход. С его слов, это были «досадные издержки плана, придуманного впопыхах». В каком-то смысле, Рей и сам находился под давлением, но это ни в коем случае его не оправдывает. За превышение полномочий и причинённый вам моральный ущерб его отстранили. Вряд ли надолго, но всё же.

— То есть во всём обвинили Рея? — Меня вдруг пробрала дрожь. — Но ведь не он стоял за этим. Разве не королева организовала... убийство...

— Ты неправильно поняла, — оборвала Рут. Голос её стал жёстким. — Рей виноват только в том, что случилось в агентстве. Факт инцидента задокументирован. А доказательств насильственной смерти Лукии нет. Не помнишь, что говорили в новостях?

— Но...

— Никто не будет расследовать её смерть. Лукия пострадала в аварии, после которой погибли её родители и брат. Вполне закономерно, что время взяло своё. Такова беспощадность магии.

Я потеряла дар речи. Во взгляде Рут на короткий миг отразилось сочувствие.

— Это всё, что я хотела сказать. Надеюсь, эта информация хотя бы отчасти будет тебе полезна.

Кивнув на прощание, она ушла. Одиночество, что я предвкушала ещё пару минут назад, было беспокойным и раздражающим. Почему именно меня впутали в эту историю?

Я заглянула за занавеску: снег продолжал падать. Медленно, тихо. Точно всё было в порядке. Он устилал

землю девственно белым покрывалом, пряча под ним грязь улиц и жухлую траву, хороня под собой всё старое и ненужное. Мне хотелось выйти под этот снег, чтобы его невесомый покров прижал к асфальту мучившие меня чувства, чтобы они задохнулись и замёрзли, оставленные там без хозяина. Мне надоело содержать их в своём теле.

Но я лишь отступила от окна, оторвав взгляд от снегопада. Всё стало бессмысленно. И мне совершенно не нравилось, что эта обречённость казалась до боли знакомой.

Мария закрыла агентство на неопределённый срок, но всего через неделю позвонила нам и сообщила, что готова возобновить работу. Был вторник, когда мы снова поехали к ней. В коридоре меня встретил Петер. Мельком глянув в мою сторону, он отвернулся, качнул головой и сказал:

— Кир уже ждёт нас внизу.

Всю неделю я не виделась с Петером. Он не покидал своей комнаты, и Кир навещал его каждый день, впрочем, не задерживаясь надолго. Однажды я тоже собралась зайти к нему, но прежде чем успела постучаться, услышала изнутри плач, и вся моя решимость улетучилась. Говорят, в трудные времена нужно держаться вместе и помогать друг другу, но никто не говорит, как найти на это силы. Возможно, мы бы ещё долго сидели взаперти, если бы Кира не было рядом.

В ожидании нас он прогрел машину. Петер шёл быстро впереди меня, и только в салоне мне удалось рассмотреть его, осунувшегося и бледного в рассеянном утреннем свете. Будто он не спал несколько дней. Кир упоминал, что после смерти Лукии Петеру начали сниться кошмары. Его обычно причёсанные волосы лежали кое-как, а на лице я заметила несколько свежих порезов от бритвы.

— Уверен, что не хочешь остаться сегодня дома? — спросила я.

— Нет. Не хочу оставаться здесь один.

Мне были очень близки эти слова. Эта необходимость чужого присутствия. Пусть я не всегда решалась обратиться за поддержкой, мне было важно знать, что в критический момент кто-то обязательно придёт. Что, когда от безвыходности я позову на помощь, кто-то откликнется. Правда, даже если другой человек сидит в метре от тебя, это не значит, что он будет готов помочь тебе в трудную минуту.

Выйдя из машины у агентства, я первым делом посмотрела на окна второго этажа: они всё ещё были заколочены. Нетронутый снег на крыльце и холодная тишина придавали дому брошенный вид. Золотая дверь потеряла былой блеск.

— Ребята! — К нам подбежала Франтишка. В её руках шуршали увесистые пакеты с продуктами. — Вы не видели Маричку? Я звонила ей с утра, но она не взяла трубку.

— Непохоже, чтобы она куда-то уходила недавно, — заметил Кир. — Вчера она могла, конечно, обзванивать нас не отсюда. Но если агентство снова открыто, то почему ей... не быть здесь?

Синхронно мы повернули головы к дому.

— Я беспокоюсь, — сказала Франтишка. — Пойдёмте скорее внутрь.

Мария нас не встретила. Ничто не отреагировало на наше появление, агентство казалось безжизненным, а мы были первыми людьми, ступившими за его порог. Франтишка поспешила наверх, но из гостиной вдруг крикнула:

— Тим пропал!

И действительно, лимонного дерева там не было. Образовавшая возле телевизора пустота резонировала с пустотой в моём сердце. С тех пор, как я обнаружила её, она лишь росла и становилась ощутимее. Однажды в моей груди вместо сердца будет одна большая дыра, думала я.

На кухне Кир разбирал пакеты. Петер же сидел за столом, уронив голову на сложенные руки.

— Может, кофе? — предложила я.

— Нет, я пас, — слабо отозвался Петер. — Мне от него плохо.

Вернулась Франтишка и принялась перебирать продукты в холодильнике. Её волнение лишь усиливалось.

— Всё попортилось. Она же не морила себя голодом всё это время? Нет же? — обращалась Франтишка к нам, но мы ничего не могли ответить. — Она мне не открыла. Заперлась в спальне и не хочет выходить. Я попробовала уговорить её, но что толку, наверняка, она меня даже не слушала. И что теперь, что мы будем делать? Если к вечеру она не выйдет, я предлагаю выломать дверь.

— Даже не думай, — раздалось из прихожей. — Ломать моё имущество я не позволю.

Мария предстала перед нами такой, какой мы привыкли её видеть: в строгой одежде, с прямой спиной и без единой эмоции на лице. Неуязвимой в своём упрямом постоянстве. Она окинула взглядом кухню, посмотрела в глаза каждому из нас и произнесла:

— Мне весьма приятно, что все вы пришли сегодня. Однако возможно, что вы не в полной мере уяснили мои слова по телефону, поэтому я повторю. Решение о закрытии агентства я приняла давно, и все необходимые документы подготовлены. Официально вы всё ещё мои сотрудники, но больше не обязаны работать на меня, если не хотите. Я не намерена держать вас здесь против вашей воли. Принимая во внимание произошедший инцидент,

вы имеете полное право уволиться без объяснения причины. Конечно, я говорила, что не закрою агентство, если вы решите остаться, но этим условием я ни в коем случае не пыталась оказать на вас давление. Поэтому, прошу, рассмотрите возможные альтернативы.

— Ты нас выгоняешь? — дрогнувшим голосом спросила Франтишка.

— Я предоставляю вам выбор, — ответила Мария. — Повторю ещё раз, я не пытаюсь повлиять на ваше решение.

— А звучит так, будто ты только это и делаешь. — Франтишка раздосадованно замотала головой. — Если ты больше не хочешь видеть нас здесь, так и скажи. Хочешь закрыть агентство — закрывай! Раз наша забота тебе не нужна, то мы уйдём.

— Фани хотела сказать, — вмешался Кир, — что мы беспокоились за тебя. Вот и пришли.

Едва заметно Мария подалась назад, но выражение её лица не изменилось.

— Мне льстит ваше беспокойство. И ваша преданность поистине явилась для меня неожиданностью. Однако я не смею принять их. Как ваш начальник, я ответственна за ваше благосостояние, и тем не менее я уже дважды подвела вас. Полагаю, мой кредит доверия исчерпан. Я прошу прощения за весь нанесённый ущерб.

— Мария, — резко оборвала её Франтишка. — Прекрати наконец решать за нас. Вечно ты что-то домысливаешь, вкладываешь в наши уста то, что мы никогда не говорили. Кто сказал, что ты подвела нас? Кто сказал, что мы не доверяем тебе?

— Я всего лишь констатировала очевидные...

— Сядь, пожалуйста.

Смолкнув, Мария послушно села за стол.

— Ты ведь ещё не завтракала? — Франтишка наполнила чайник водой. — Что тебе приготовить? Проси что хочешь, я сегодня накупила кучу всего.

— Это лишнее. Приготовление завтрака не входит в твои обязанности.

— Чёрт возьми, Маричка, сейчас не до субординации! Ответь, Лвичек же был твоим другом? Тогда почему мы не можем? Чем мы хуже?

— Дело не в вас, а...

— Не надо, Мария, — негромко перебила я. — Ты ни в чём перед нами не провинилась. Я погорячилась в тот раз. Прости, что накричала на тебя.

В её глазах появился блеск, который я никогда прежде не видела. Странное чувство незащищённости облаком клубилось в груди.

— Если, — робко произнёс Петер, — если ты позволишь попросить кое о чём... Пожалуйста, не закрывай агентство пока. Можем мы побыть твоими сотрудниками ещё немного?

В кухне воцарилась тишина: мы сосредоточенно ждали её ответа. Мария откинулась на спинку стула, опустила плечи. Лёгким движением она смахнула со лба чёлку и коснулась серьги на правом ухе. Будто сняла с себя маску. И тогда её лицо озарила улыбка, тёплая и совершенно искренняя.

— Да уж, — выдохнула Мария, — сколько от вас ни отстраняйся, вам всё равно удаётся меня покорить. Из раза в раз я безнадёжно к вам привязываюсь.

Положив локти на стол, она подпёрла подбородок ладонью и прикрыла глаза. Безмятежность призрачным светом исходила от её кожи, передаваясь мне и, должно быть, всем остальным. Моё сердце объял покой.

— Кстати, Марта, с Тимом всё в порядке. Я перенесла его в свою комнату, там сейчас теплее. Ему будет лучше пережить зиму у меня. И насчёт агентства...

Мария снова посмотрела на каждого из нас, но теперь её взгляд проникал гораздо глубже. И говорил гораздо большее.

— Я не хочу закрывать его. Пока у меня есть возможность собирать вас под своей крышей, я не откажусь от неё. Другого такого места в Тьярне не найти.

Она не сдвинулась с места, но мне показалось, я ощутила мягкое прикосновение её рук. Точно сама её душа распахнулась, впуская нас. Точно мы были семьёй.

— Что бы я делала без вас, — усмехнулась Мария, принимая поражение, — мои дорогие бездельники.

«Сегодня я начинаю жить с чистого листа. В новом мире. Мне ещё предстоит узнать, насколько он чудесен, и я стараюсь унять предвосхищение. Владыка обещал многое, и было бы крамольно не доверять его словам, но я устала разочаровываться и обжигаться. Завышенные ожидания никогда не оправдываются. Отныне я буду делать всё возможное, чтобы стать счастливой».

Такой была первая запись в дневнике некой девушки, попавшей в Тьярну за несколько лет до меня. Короткие заметки о знакомстве с этим миром напоминали мои собственные переживания, и я почувствовала ностальгию, хотя с моего перехода не прошло ещё и полугода. Столько всего успело случиться за такое короткое время.

«Церковь неизменно дарит мне успокоение. Я слышу голос Владыки — и сомнения исчезают. Я знаю, что Он присматривает за мной и не даёт оступиться, одним мановением невидимой руки возвращая на верный путь, что однажды приведёт меня в мир ещё более замечательный. И я обязательно докажу, что достойна этого».

В определённой степени мне была понятна её религиозность, но от подобных восхвалений становилось не по себе:

«Владыка во истину щедр. Рано или поздно Он благословляет каждого странника и дарует ему Приглашение. Конечно, не мне судить о Его деяниях, но порой, наблюдая за своими братьями, я едва сдерживаю злость. Грешно ли испытывать такое негодование? Но как я могу не злиться, если они позволяют себе презирать Владыку и порочить Его доброе имя и при этом всё равно устаиваются Приглашения! Некоторые ещё и смеют отказываться. И ладно бы они признавали, что недостойны, так ведь нет, ни один из них на проверку даже ни разу не был в церкви. О Владыка, мы не заслуживаем Твоего благодушия».

На первых страницах дневника было довольно много набожных размышлений, и они бы порядком наскучили мне, если бы внезапно не стали укорачиваться и редеть. Иронично, но она почти не упоминала Владыку после того, как познакомилась с Адамом. И их знакомство было точно таким же, как моя первая встреча с Лукией.

«Однажды увидев принца по телевизору, я поразила его безупречной красотой. С того дня я мечтала когда-нибудь увидеть его вживую. Но я и не надеялась, что мы встретимся так скоро, да ещё и при таких обстоятельствах! Чтобы я получила заказ от самого принца! У меня до сих пор трясутся руки. Боже, в жизни он ещё красивее, чем на экране. Похоже, сегодня ночью я не усну».

«Это и называют любовью с первого взгляда? Я не могу думать ни о чём, кроме него. Боюсь даже представить, что бы со мной стало, если бы нам больше не суждено было встретиться. На моё счастье, принц Адам снова пригласил меня во дворец. Завтра! Мне бы успокоиться и лечь спать, но сердце так колотится, словно вот-вот взорвётся. Мне так плохо, но в то же время я никогда не чувствовала себя лучше».

«Может ли моя любовь быть взаимной? Нет, нельзя питать ложных надежд. Я знаю, чем это заканчивается. Но что, если мне не кажется? Сколько ни думала, я не смогла понять, зачем он пригласил меня, мы просто разговаривали за чашкой чая, уже и не помню, о чём. А если я всего-навсего вижу то, что хочу видеть? Если Адам ничего ко мне не чувствует... нет, я этого не переживу».

Я читала и читала, с интересом изучая её непреодолимо сильные эмоции, совершенно чуждую мне, сводящую с ума влюблённость. Упустила ли я что-то в жизни, если никогда не испытывала подобного? Вопрос отозвался в груди тупой болью. Слова расплылись перед глазами.

Я глубоко вдохнула и на выдохе постаралась выдавить из себя всю обиду и печаль без остатка.

«Как странно. Словно бы исполнилась моя детская мечта», — написала она, ознаменовав начало их с Адамом отношений.

Просматривая по диагонали историю их любви, я задавалась вопросом, зачем Лукия оставила мне этот дневник. Разве стала бы она посмертно отдавать мне нечто бесполезное? Что такое особенное и важное могла таить в себе чужая мыльная опера? Ни прямым текстом, ни между строк в дневнике не упоминалось ничего необычного. Только редкие заметки о королевской семье привлекали моё внимание.

«Я всё беспокоилась, что наши отношения не получат одобрения короля и королевы, но они приняли меня на удивление радушно. Даже сам Адам выдохнул с облегчением».

«Думаю, мы с Анной станем хорошими подругами. Она по-прежнему немного ревнует ко мне, и её можно понять, в конце концов, я отнимаю у неё самого близкого человека на свете, но всё-таки здорово, что лёд между нами начал таять. Анна замечательная. И Лукия просто прелесть! Я бы очень хотела себе такую же милую младшую сестрёнку, но у меня были только противные старшие братья. Тамара с Катериной чем-то их напоминают. Чёрт! Именно из-за них я и не могу полностью забыть прошлую жизнь».

«Рей пугает меня. Он вроде бы даже не приставлен к королевской семье, и почему тогда он всё время ошивается во дворце? Знаю, они с Катериной давние друзья, но это разве достаточная причина? Как же служебные обязанности и всё остальное? Правда, такое ощущение, что он скоро там поселится. Каждый раз, когда мы с Адамом встречаемся во дворце — что случается совсем не часто, мы ведь оба очень занятые — то обязательно сталкиваемся с Реем в одном из коридоров или залов. Словно он нас поджидает. Я почти в это верю, иначе почему он всегда так подозрительно на меня смотрит?»

«Ужин прошёл ужасно. Зачем только мы так заморачивались, чтобы собрать всю семью? Нет, конечно, объявить о помолвке торжественно было хорошей идеей, но можно было догадаться, как некоторые отреагируют. Я-то надеялась, что все будут вести себя достойно, учитывая официальность ситуации, но Тамара просто взяла и ушла! И посмотрела на нас с таким презрением напоследок. Ещё и сказала родителям, что разочарована! Невероятно! Ладно, пускай я ей не нравлюсь, но они в чём виноваты? Испортила нам вечер. Не надо было вообще её звать».

Дальнейшие записи касались в основном подготовки к свадьбе, иногда работы и важных мероприятий в

королевской жизни, совсем изредка случайных размышлений. «Порой мне кажется, что я не заслуживаю такого счастья», — писала она. А с приближением неведомой ей трагедии тон дневника резко изменился.

«Адам ведёт себя странно. Вчера была инспекция, а сегодня он спросил меня про Приглашение. Почему вдруг? Он лучше всех знает, что я обещала отказаться от Приглашения ради него, зачем иначе мне соглашаться на брак?»

«Катерина остановила меня в коридоре и сказала, что в моих же интересах принять Приглашение. В противном случае меня ждут последствия. Это должен быть мой выбор, разве нет? Она настолько не хочет, чтобы я становилась частью семьи, что готова мне угрожать?»

«Родители вызвали меня на разговор. Всё о том же. Моя решимость отказаться от Приглашения явно им не понравилась. А чего они ждали? Какой тогда смысл в свадьбе? Если они рассчитывали, что я уйду, то почему позволили Адаму жениться? Надеялись, что я смогу однажды вернуться? Или это политическое решение? Они так обсуждают меня, словно я вещь, а не живой человек».

«Адам сказал, что мы должны сбежать. Мы не можем играть свадьбу публично, не можем даже остаться в Тьярне, если хотим быть вместе. Я не понимаю. Почему так внезапно? Почему сейчас? Всё-таки моя жизнь ни за что не сложилась бы так, как я мечтала. Но это ничего, главное, что я буду с Адамом. Кроме него мне больше никто не нужен».

Последняя запись была оставлена трясущейся рукой. В нескольких местах чернила расплылись, украсив страницу аккуратными круглыми разводами.

«За что? За что?»

Это наказание Владыки? Хорошо, я приму твоё Приглашение. Этого ты хотел?!

Я тебя ненавижу. Я бы придушила тебя, если бы могла.

Почему ты меня оставил? Как я должна жить дальше? Ты всё это время играл со мной? Создал для меня иллюзию счастья, отнял у меня всё.

Я ведь по-настоящему любила тебя.

Зачем я поверила тебе? Я не должна была. Это всегда заканчивается одинаково.

Это всё из-за меня. Я всё испортила.

Прости меня.

Прости меня.

Прости».

Издали донёсся приглушённый плач, и я поспешно захлопнула дневник. Прислушалась, но и внутри, и снаружи комнаты было тихо, разве что ветер протяжно выл за окном. Стало тревожно, и отдающее горечью на корне языка впечатление от прочитанного было тому виной лишь отчасти. Словно бы кто-то стоял за спиной, но сколько бы ни оборачивалась, я не находила никого, кроме собственной тени. А чей-то пристальный взгляд продолжал сверлить мой затылок.

Мне нужна была передышка. Немного времени, чтобы переварить эту странную историю и разобраться в случившемся. Однако я успела заметить, что в дневнике было написано что-то ещё. Другим почерком. Потому, сглотнув, я пролистала страницы, пока не отыскала изящные завитки и невесомо тонкие линии букв. Адресованное мне письмо.

Дорогая Марта,

Я пишу тебе, понимая, что мы больше никогда не увидимся. Жаль, что мне не удалось должным образом попрощаться с тобой. Жаль, что очень о многом я не смогла тебе рассказать. Не знаю, какое место я занимаю в твоём сердце, но прошу, не нужно горевать обо мне. Я не заслуживаю твоих слёз.

Позволь рассказать тебе мою историю.

Сколько себя помню, я всегда с восхищением смотрела на Адама. Он был центром моего мира, моим вдохновением, примером для подражания. Поэтому с его смертью рухнул и мой мир. У меня не осталось причин жить дальше. И возможно, моя жизнь оборвалась бы гораздо раньше, если бы я не встретила Бертрана.

Он был всего лишь случайно залетевшим в наш сад вороном со сломанным крылом, которого я выходила и приютила. Он был потерян и несчастен, собственное существование больше не имело для него ценности. Мне захотелось спасти его, как Адам пытался спасти свою любимую. Так я могла продолжить неоконченное им дело, придать смысл тому, что я единственная выжила в аварии. Это вернуло мне силы и надежду.

Я попросила Бертрана жить ради меня. Жить ради моей защиты, а я в свою очередь обещала защищать его. Я думала, что поступаю правильно. Но в действительности мной двигал эгоизм. Как могла я заставить его жить против воли? Как могу я теперь вот так оставлять его?

В итоге я не спасла даже саму себя. Я хотела стать лучшей родителей и сестёр, но выросла такой же лицемерной эгоисткой. Помогать другим так легко, когда этим ты тешишь своё самолюбие.

Имеем ли мы право спасти кого-то, если нас об этом не просили? У меня нет ответа. Но я знаю, что очень виновата перед Бертраном. И перед тобой. Я увлеклась, заигралась в добродетель и тем самым подставила тебя под удар. Ты была честна со мной, а я руководствовалась скрытыми мотивами. Мне правда жаль, что так сложились обстоятельства и что мы не подружались по-настоящему. Прости.

Сейчас мне кажется, я не написала и десятой части того, что хотела, но на большее я уже не способна.

От всей души желаю, чтобы в твоей жизни всё наладилось. Будь счастлива.

Прощай.

И спасибо за всё.

Лукия.

Я не заплакала. Не потому, что такой была её просьба, и не потому, что во мне не осталось слёз. Они были неумны — омывали меня изнутри и, полоща солью мои раны, заставляли тело нестерпимо болеть. Если бы только я помнила, откуда взялись все эти порезы и почему они до сих пор кровоточат.

Написанное не укладывалось в голове, сколько бы я ею ни трясла, сколько бы ни вопрошала, зачем Лукия доверила мне свою исповедь. Что стояло за ней? Меня возмущали её порицания, обвинения, каждое из которых хотелось оспорить, раскаяния, которые я не могла принять. Каждое слово иглой вонзалось в сердце, и, хотя эта история откликалась в моей памяти смутными образами, подсознание отвергало её с такой силой, что становилось страшно. Поток борющихся меж собой тяжёлых чувств захлестнул меня.

Лишь спустя многие минуты, когда я очнулась и опустила глаза на страницу, то увидела внизу письма приписку:

«Есть ещё кое-что, о чём мы не успели поговорить. Я задолжала тебе, помнишь? И потому хочу предложить ответную услугу.

Я дам тебе возможность узнать правду. Кто такие странники, откуда берётся магия — всё это ты сможешь узнать в рыцарском архиве. Свяжись с Рут, и она поможет тебе проникнуть туда. Конечно, это предложение ты принимать не обязана. Истина страшна и отвратительна, но всё же я хотела бы разделить её с тобой. Разрешишь мне побыть эгоисткой в последний раз?

Рут будет ждать».

Она приходила ко мне во сне. Она казалась счастливой — счастливее, чем я когда-либо её видела — и щемящая печаль растекалась в моей груди, стоило только услышать её звенящий голос. Я не могла разобрать, что он говорил: он сливался с мягким журчанием ручья, с тёплым шелестом листвы и щебетом птиц. Может, никакого голоса не было вовсе. И её безмятежный смех лишь мерещился мне.

Я просыпалась, охваченная глубоким, пугающим одиночеством, и пустота комнаты ощущалась необъятной, разреженной настолько, что мне было нечем дышать. Сворачиваясь под одеялом в клубок, кутаясь, прячась от этой давящей пустоты, я мысленно рисовала её портрет. Хрусталь аметистовых глаз, тонкий фарфор кожи, изломы прядей хрупких волос. Мелкая россыпь кристаллической пыли, сверкающая подобно свежему снегу, собирается в прозрачный нимб, а вокруг, в сияющем чистом воздухе — бутоны белых роз, которые так любила её мать.

Этот портрет я изучила до последней детали. Но даже когда моя скорбь притупилась, я не сумела преодолеть себя.

Лукия так и осталась лишь неизгладимым отпечатком в моей памяти.

Воспоминание: Звёзды

Однажды голос сказал: «Есть мир ещё более прекрасный, чем тот, куда я отведу тебя».

В голове никак не укладывалось, что он имел в виду. Зачем было рассказывать мне сказки о другом мире, если существует лучшее место? Рука дрогнула, и вода из лейки брызнула на пол.

— Почему же ты сразу не заберёшь меня туда?

«Здесь, на вашей земле, странники открывают в себе магию. Но они не способны овладеть ею в полной мере, пока не покинут родные края. Лишь когда вы подчиняете её, когда эта магия поистине принадлежит вам, я приглашаю вас продолжить путь. Таково моё вознаграждение за все страдания, что выпали на вашу долю».

— А это тяжело — подчинить магию?

«Для этого не требуется ничего, кроме времени».

Мне казалось, он что-то недоговаривал. Однако его приятный тембр и успокаивающие интонации внушали доверие, отчего неясности рассеивались, а неоднозначности поворачивались светлой стороной. Нет смысла переживать о далёком будущем, решила я.

Но моё сердце думало иначе. Оно стучало сильно и медленно, будто бы с трудом, и если следующий удар не случался в то мгновение, когда я ждала его, или был таким тихим, что его невозможно было ощутить, то меня пробирали страх. Что будет со мной, если сердце замрёт? И если оно замерло, то ударит ли снова?

Меня мучила бессонница. Чем больше я ворочалась, тем больше ныло моё тело и напряжение обручем стягивало лоб. Мысли множились. И когда перевалило за полночь, я раздражённо откинула одеяло, натянула джинсы и толстовку и вышла из дома.

Воздух был на удивление тёплым. Сладко пахло скошенной травой и влагой, испарявшейся с пропитанной дождями земли. Сердце билось легче, и я, не желая гулять под неуютным оранжевым светом фонарей, направилась привычной дорогой в парк, к вышке.

На аллее, под плотным сводом крон, темнота сгущалась, и в тридцати шагах впереди дорожка, стволы и ветви сливались, превращались в мрачное зеленовато-синее ничто. Ночь была безлунной. Я ступала ощупью, прикидывая, сколько ещё нужно сделать шагов. Ладонь опустилась на щербатые перила. Только на середине последнего пролёта я отняла глаза от еле заметных во мраке ступенек и тогда увидела на площадке его спину. Облокотившись на ограждение, он чуть задрал голову, как бы выглядывая из-под крыши.

— Что ты забыл здесь так поздно?

Тау обернулся. Даже в темноте я смогла различить на его лице улыбку.

— Не хочешь посмотреть со мной на звёзды?

Небо ещё никогда не представало передо мной таким чистым. Оно мерцало, искрилось, и я не понимала, обманывает ли меня зрение или звёзд действительно гораздо больше, чем мне помнилось. Может, я уснула и всё это было лишь сном? Бескрайнее и бездонное, подобное недвижимым чёрным водам океана небо завораживало, не давало отвести взгляд, и мне вдруг почудилось, будто я падаю в его непроницаемую, всепоглощающую глубину. Руки сами собой крепко схватились за перила.

— Видишь вон ту яркую звезду? Это Арктур, он в созвездии Волопаса, если посмотришь выше — такой вытянутый многоугольник, похожий на воздушный змей. Увидела? У его верхней части, левее, созвездие в виде полукруга — это Северная Корона. А справа Большая Медведица. Узнала, наверное? А во-он там, — Тау указал на вершину небесного купола, — Вега, самая яркая летняя звезда. Можем спуститься на луг, оттуда будет лучше видно.

— Давай останемся здесь, — ответила я. На вышке мне было за что удержаться, если бы небо снова начало затягивать меня. Но как бы мне ни хотелось взять Тау за руку, глубоко в душе я знала: этому никогда не случиться.

Долгое время мы наблюдали за звёздами в тишине. Ветер шептался сам с собой в листве, в высоких травах, в моих волосах, словно позволяя мне подслушать его болтовню. У речки пел соловей. Я ждала, когда Тау заметит, когда повернётся на звук песни, направит вдаль горящие восторгом глаза и скажет что-нибудь, о чём прежде не говорил, а мне померещится, точно я уже слышала эти слова раньше. Но он молча смотрел вверх, и в его глазах горели лишь отблески звёзд.

Ветер погладил меня по щеке. Я невольно подалась к нему, пытаюсь продлить это тёплое прикосновение. Но оно ускользнуло, недолговечное, как и хрупкий ночной покой, что обещался растаять с первыми лучами солнца.

— Тау, — позвала я, — скажи, что ты загадаешь, когда поймаешь золотую ласточку?

Он удивлённо вскинул брови и вдруг прыснул.

— Снова хочешь украсть мою мечту? Вот и не получится. Я пока не знаю, что загадать.

— И что же? Ты поймаешь её и будешь держать в неволе, пока ничего не придумаешь?

— Нет, — улыбнулся он, но в голосе сквозила печаль. — Если ничего не придумаю, значит, ласточка

предназначена не мне. Иначе её и ловить не придётся, сама в ладони прилетит. Поэтому пока что я мечтаю просто её увидеть.

— Странный ты. Но я всё ещё завидую, что у тебя есть мечта. У меня такое было только в детстве.

— Да, — вздохнул Тау, — в детстве мечтать было намного проще.

Небо медленно вращалось над смотровой вышкой, а мы сидели под крышей и вспоминали те времена, когда были детьми. Наверное, потому что наши сердца ещё не успели повзрослеть, потому что жизнь, ожидавшая нас впереди, пугала и счастливые беззаботные деньки были ещё слишком свежи в памяти, слишком близки, чтобы так легко отпустить их. Пусть это и неправильно, но как не держаться за прошлое, пока до него ещё можно дотянуться?

Заклиная рассвет дать нам чуть больше времени, я провела на вышке всю ту недолгую ночь.

Новое рождество

Город преобразился. На узких центральных улочках меж домами протянули разноцветные гирлянды, на площадях открылись праздничные ярмарки, и каждый уважающий себя магазин выставил у своих дверей сверкающую украшениями ёлку. Отовсюду слышалась музыка. Наступила зима, и это помогло мне отвлечься от мрачных, тяжёлых мыслей, терзавших меня последний месяц. Я смотрела на снежные волны метели за окном, грея ладони о чашку с горячим чаем, и вспоминала, как в декабре комнаты пахнут мандаринами.

В дверь постучали, и ко мне вошёл Кир. Я откинула одеяло, чтобы подняться с постели, но он жестом остановил меня.

— Как ты завтра, поедешь в агентство? Фани про тебя спрашивала.

— Она могла бы позвонить.

Кир пожал плечами.

— Петер тоже интересовался. Кажется, ему спокойнее, когда все в сборе. Я не настаиваю, не заставляй себя ехать, если не хочешь.

Крупные снежные хлопья вихрями взлетали над землёй, словно желая вернуться к породившим их серым облакам. Я бы не узнала о приближении праздников, о нарядном убранстве Тьярны, если бы не телевизор в холле общежития, куда я иногда спускалась, утомлённая четырьмя стенами своей комнаты. Пора было выйти на улицу, почувствовать покаяния морозного воздуха на коже. Увидеть лица друзей, пока они не забылись.

— Я поеду. Зайдёшь за мной завтра?

Петер пребывал в состоянии несвойственной ему задумчивой отстранённости, спокойной и как будто слегка тоскливой. Подперев подбородок рукой, он направил взгляд в окно, быть может, на цветные огоньки, мигавшие в доме напротив. Франтишка наводила на кухне порядок, весело напевая что-то себе под нос.

— По какому поводу столько радости? — спросил Кир и забрал у Петера кружку с остывшим кофе.

— Вчера в церкви была очень воодушевляющая проповедь. Они всегда особенные в это время года, и я настоятельно рекомендую всем вам прийти хотя бы на воскресную службу. Сейчас Владыка очень чутко наблюдает за нами.

Кир хотел ответить ей, но воздержался и лишь покачал головой. Гордо приосанившись, Франтишка заявила:

— Вот я хожу в церковь каждый день, утром и вечером. Я буду на хорошем счету у Владыки, вот увидите, Приглашение не заставит себя ждать. Надеюсь, все помнят, что у нас инспекция в этом месяце? Последняя в этом году.

— Новый год уже совсем скоро, — заметила я.

— И Рождество, — добавил Петер, внезапно опомнившись от размышлений.

— Это всё, конечно, замечательно, но не забывайте, мы с вами в этом мире дорогие гости. А значит, из уважения к хозяевам мы будем отмечать Новое рождество!

Двадцать восьмое декабря было днём, когда, по легенде, Владыка умер и его бессмертная душа упокоилась на небесах. Лишившись телесной оболочки, он отдал земле свою магию и, чтобы простые люди могли ею пользоваться, одарил их самоцветами, а сам стал богом-наблюдателем, время от времени приводящим в мир странников, наследников своей силы. Новое рождество было и праздником почитания Владыки, и торжественным окончанием года, потому что выпадало на последний день декабря, самого короткого месяца.

— А чем оно отличается от нашего Рождества? — спросила я.

— Да ничем, — ответил Кир. — Те же ёлки, семейные ужины и подарки.

— Ну, по большому счёту ты прав, но всё-таки контекст немного другой, — не преминула уточнить Франтишка.

— А, ещё звездопад, — вспомнил Кир.

— Звездопад? — эхом повторила я.

— Да, в ночь с двадцать восьмого на первое всегда падают звёзды.

— Ах, это прекрасная традиция! Во всём городе выключают свет, люди выходят на улицы и во дворы, смотрят на небо и ждут первую звезду. Если, пока она падает, успеть загадать желание, то оно непременно сбудется. Разве не чудесно? — Франтишка мечтательно подняла глаза к потолку. — Я уже придумала, что загадаю в этом году... Уф, все эти разговоры нагоняют рождественское настроение. Пойду-ка украшать гостиную. От помощи не откажусь, но вообще у меня уже сложилась картинка в голове, так что лучше оставьте это дело мне, ладошки?

Не дождавшись ответа, она засеменяла в прихожую.

— Петер, — окликнул Кир, — а ты в каких облаках витаешь?

— Я не... — он смешался, точно его поймали с поличным, и опустил взгляд. — Ни в каких, просто вспоминал

кое-что.

Он замолчал, и Кир, похоже, решил оставить его в покое, как вдруг Петер заговорил снова:

— Когда я был ребёнком, лет до двенадцати мне с наступлением зимы дарили адвент-календарь. Я любил декабрь в те времена, дома становилось мирно, никто не ругался, ожидание Рождества всегда было радостным. И меня каждый день ждала конфета после вечерней молитвы... — Его беспокойные пальцы, переминавшие салфетку, замерли, и он испуганно прошептал: — Я не должен был этого говорить. Не здесь.

Петер резко вскочил из-за стола, пошатнулся, схватился за голову. Кир вскочил следом.

— Тише, ничего страшного же не случилось.

— Ещё как случилось. У нас скоро инспекция...

Метнувшись в сторону и едва не споткнувшись о стул, Петер вышел из кухни, сдёрнул с вешалки пальто и скрылся за золотой дверью. Кир подбежал к окну, взгляделся наружу.

— Курит, — с облегчением выдохнул он. — Почему не на заднем дворе?

— Не хотел пересекаться с Фани? — предположила я.

— Возможно. Его так штормит в последнее время, просто кошмар. В смысле, я знаю, ему тяжело, и я стараюсь относиться с пониманием, деликатно и всё такое, но иногда... — Кир перевёл дыхание и потёр шею. — Иногда мне кажется, что я попросту не способен ничего для него сделать.

— Не говори так. Ты сделал для Петера больше всех нас вместе взятых. И я, честно, восхищаюсь тобой. Даже завидую немного. — О том, какой бесполезной заставляли меня чувствовать его слова, я умолчала. — Скажи, если не секрет, почему ты стал помогать Петеру?

Тень отвращения легла на его лицо, и Кир скрестил руки на груди.

— Не из благородных побуждений, как ты, вероятно, думаешь. У меня была договорённость, только и всего.

Холод расплзся в моём животе. Отвернувшись — потому что боялась задать вопрос, глядя ему в глаза — я произнесла:

— Эта договорённость ещё в силе?

Хлопнула входная дверь — внезапный звук разбежался мурашками по моему затылку. Вопрос повис в остывающем воздухе, но, прежде чем Петер вошёл в кухню, Кир, крепче обхватив себя руками, еле слышно выдавил:

— Да.

Одним вечером в моей комнате зазвонил телефон. Я вздрогнула, и карандаш оставил на бумаге глубокую кривую черту. Долго, долго и неотрывно я смотрела на неё, медленно наполняемая обидой, и упрямый телефонный трезвон обострял это чувство, делал его колючим и злым. Раздосадовано хлопнув по столу, я встала и решительно шагнула к стене, но, протянув руку к трубке, замешкалась. Если бы телефон смолк в то самое мгновение, я бы так и не ответила.

— Привет, Марта. Надеюсь, я не сильно отвлекаю тебя.

Его голос звучал виновато. Искренне, я не сомневалась в этом, но всё равно не могла довериться. Хотела, но не могла. После нашего расставания я много думала о том, какотреагирую при следующей встрече, какие эмоции проснутся внутри меня. Может, потому что он был всего лишь голосом в трубке, внутри ничего не проснулось. Только удивление тихо колыхнулось в груди.

— Нет, — соврала я, — не отвлекаешь.

— Похоже, ты не слишком рада меня слышать.

— Просто не ожидала.

— Я и сам не ожидал, что позвоню.

Он замолчал, как будто колебался, как будто мучительно подбирал слова. По крайней мере, именно это рисовало мне воображение, хорошо знакомое с его повадками.

— Как у тебя дела? — наконец заговорил он. — Я слышал про агентство. Не представляю, как тяжело вам пришлось, но надеюсь, сейчас у вас всё в порядке. Мне жаль, что я не мог быть рядом.

— Откуда, — я крепче сжала в пальцах телефонную трубку, — откуда ты знаешь об этом? Я не поверю, если скажешь, что от Марии. От рыцарей, да? Как ты связан с ними?

— Марта, я не...

— Юлиан, зачем ты позвонил? Зачем говоришь о том, о чём не должен знать? Что тебе нужно?

На том конце снова наступило молчание. Только его дыхание, напряжённое, сдавленное, шуршало у моего уха.

— Скоро Новое рождество, — тихо сказал он. — Наверное, с моей стороны наивно просить тебя отпраздновать вместе, но позволь хотя бы увидеться с тобой и вручить подарок. Считай это отчаянной попыткой загладить вину.

— Я не могу. Я пока не готова.

— Понимаю, — удрученно проговорил он, и мне стало совестно. — Прости, что побеспокоил.

Короткие гудки прервали его раньше, чем он успел произнести что-либо ещё. Почему-то я чувствовала недосказанность, чувствовала, что он не назвал настоящую причину своего звонка, и это меня тревожило. Мог ли кто-то таким способом проверять меня?

Повесив трубку, я решила, что впредь мне стоит быть вдвойне осторожнее.

Инспекция была назначена на середину месяца и прошла на удивление спокойно. Её проводили незнакомые нам рыцари, учтивые и излишне доброжелательные, что меня немного покорило. Возможно, они вели себя так из-за недавнего инцидента, и пускай их вежливость была утрированной, я заметила, что держалась в их присутствии расслабленно и невозмутимо отвечала на вопросы. Мария аккуратно кивнула мне под конец, как бы говоря, что я отлично справилась.

Как только рыцари ушли, Франтишка уволокла Кира на рынок, и через час они вернулись с невысокой пушистой ёлкой. В гостиной вкусно запахло хвоей. Мы украшали колючие ветви гирляндами, мишурой и игрушками в форме звёзд и огранённых самоцветов. Только Мария не участвовала, неподвижно наблюдая за нами с дивана, и в умиротворённом, довольном, как у кошки, выражении её лица было что-то по-семейному уютное.

— Зажигай! — скомандовала Франтишка, и Петер включил гирлянду. Ёлка загорелась множеством разноцветных огоньков, они мерцали на гранях стеклянных игрушек и озаряли бликами стены.

Агентство давно не было таким безмятежным. Аромат хвои, переливы огней, тепло дома, за окнами которого кружил на ветру снег — каждый год с наступлением предпраздничной поры я заново открывала её незримое волшебство. Радостное ожидание чуда, спавшее в моей душе, пробудилось и привычно согрело меня. Время замедлило ход. Но лишь ненадолго.

Украшение ёлки неизбежно привело к разговору о подарках, и после короткого спора мы условились ничего друг другу не дарить. Недавние потрясения истощили нас, не оставив сил даже на пожелания. Франтишка единственная была как никогда энергична и деятельна и единственная расстроилась, потому что предвкушала обмен подарками больше всего. Впрочем, за обедом она приободрилась и вскоре уехала на вечернюю службу.

Мы остались на кухне вчетвером: с тех пор как агентство снова заработало, Мария часто обедала с нами. Видеть её за едой было непривычно, даже странно, и я с удивлением обнаружила в себе убеждение, что Марии для существования не нужно ни питаться, ни спать. Она чем-то напоминала робота. Но теперь, сидя за столом вместе со всеми, она представала по-человечески живой, прикрывала глаза в наслаждении, морщилась от горячего и тихо вздыхала, когда обед заканчивался. И хотя её молчаливое спокойствие казалось счастливым, мне мерещилась печаль в её отстранённом взгляде и редких фразах. Смутная печаль, рождённая не то прошлым, не то грядущим.

— Шторы надо постирать, — заметила Мария за чаем. — Чем ближе Новое рождество, тем меньше Франтишка думает об уборке. Может, мне следует сделать ей выговор?

— Пусть расслабится немного, — сказал Кир. — Скоро праздники. Да и она, в конце концов, не горничная. Для разнообразия можешь поручить стирку штор нам.

— Ты же ненавидишь убираться, — вскинул брови Петер.

— Ну и что? Готовить я тоже ненавижу, но разве у меня плохо получается?

— И то правда, ты много чего умеешь.

— Кстати о поручениях, что-то давно нам не поступало заказов, — вспомнила я. — И новых сотрудников ты не набираешь.

— Я закрыла вакансию, — сказала Мария. — Интерес к агентству практически угас. Не вижу смысла набирать новичков, чтобы они потом бездельничали, как вы.

— Интерес угас? А я думал, ты просто перестала принимать заказы.

Кир произнёс это легко, почти равнодушно, как если бы говорил о погоде, поэтому я не придавала его словам никакого значения. Но Мария напряглась, поджала губы, и в её глазах мелькнуло не то изумление, не то испуг. Она попыталась скрыться за неизменной безжизненной маской, за непроницаемым хладнокровием, но не смогла. Или же передумала. Хотела она того или нет, я почувствовала: что-то её мучило.

— Ты меня раскусил. Я действительно перестала принимать заказы около месяца назад, потому что обстановка в агентстве была неблагоприятная. Никто из вас не был готов работать.

— То есть ты... заботилась о нас?

— Знаю, с моей стороны нечестно было решать этот вопрос, не спросив вашего мнения. Я поддалась привычке. Заказы всегда поступали непосредственно ко мне, и я выбирала из них те, что были бы вам по силам, но едва ли учитывала ваши желания. Одно дело отсеивать откровенно возмутительные просьбы, а другое — без вашего ведома полагать, что вам подходит. Мне очень стыдно за свою пренебрежительность.

Наверное, я должна была рассердиться, выказать недовольство подобной несправедливостью. Хотя бы обидеться. Но меня не задело её признание. В своеобразной заботе Марии, хорошо мне известной и прежде

действовавшей на нервы, было что-то глубоко трогательное. Отчего-то я не могла на неё злиться. Стало понятно, почему заказы приходили мне так редко, а Петер не получал их вовсе. Почему нас не отчитывали за долгое отсутствие и не увольняли за бесполезность.

— А насчёт новых сотрудников... — продолжила Мария. — По правде, я не хочу... Я собираюсь навсегда закрыть агентство после того, как спрошаюсь с вами. Если, конечно, ему позволят просуществовать так долго. Столько всего случилось здесь за последнее время. Я уже не справляюсь. Кажется, я больше не потяну эту работу.

Её голос чуть надломился. И этот едва различимый надлом был сравни плачу, беззвучному плачу и непролитым слезам по одной только Марии известно чему. Как давно она прятала эту усталость, эту невыносимую боль?

Ничего. Я совершенно ничего не знала о Марии.

Кир подошёл к ней и опустил ладонь на плечо.

— Это ведь твоё агентство. Если оно тебя тяготит, разгони нас и запри дверь. Ты здесь начальник, мы не будем спорить.

Мария мотнула головой и прильнула к его руке. Точно ребёнок.

— Не будем спешить. Встретим вместе Новое рождество, а дальше посмотрим.

Мы промолчали. Потому что Марии не нужен был ответ: она понимала наше желание без слов. И этого было достаточно.

С приближением двадцать восьмого декабря от Франтишки слышалось всё больше восторгов. Она взалёб рассказывала, как красиво по вечерам на её любимой торговой улочке, какой вкусный глентвейн варят на ярмарке и как чудесно прошла очередная служба. Она приносила в агентство сладости, перемывала бокалы и сервизные тарелки, пылившиеся в шкафчике целый год, примеряла к столу праздничные скатерти и прикидывала, в какой день будет лучше закупиться продуктами. Я с улыбкой наблюдала за этой приятной суетой. Пока одним утром, когда до Нового рождества оставалось чуть меньше недели, мы не застали Франтишку неподвижно сидящей на кухне с конвертом в руках. Она выглядела потерянной, но в то же время светилась от счастья.

— Я получила Приглашение.

Она коротко посмеялась, как будто не верила, как будто не ждала и как будто самую малость огорчилась. Мы предложили ей уйти после праздника, в новом году.

Но Франтишка собрала чемодан, и в полдень двадцать восьмого декабря к агентству подъехал рыцарский автомобиль, чтобы увезти её. День выдался под стать событию солнечным, вот только на душе у меня было тоскливо.

— Так не хочется расставаться. Уйти бы нам всем вместе — вот было бы замечательно, правда? — Франтишка пыталась скрыть нетерпение, и пусть в глазах её стояли слёзы, она сияла ярче, чем когда-либо. От этого у меня почему-то саднило в груди.

Франтишка обняла Кира, Петера, а когда обхватила мою шею, зашептала:

— Знаешь, я всё мечтаю, что встречу Лвичека там. Конечно, Владыка может отправить меня в совершенно другие края, но вдруг, вдруг мы встретимся. Ах! тогда я в самом деле...

Она не договорила — расцепила руки, отступила, сжала дрожащие губы. Я успокаивающе погладила её по спине и почувствовала под пальцами сильное, частое биение сердца. Мыслями она была уже бесконечно далеко от нас.

Быть может, поэтому Мария и ответила на объятие так вяло, почти безнадежно. Я не расслышала, что она произнесла Франтишке на ухо, и даже не стала гадать, отчего они так долго смотрели друг на друга, словно испытывали. Франтишка отшатнулась, будто бы между ними рухнул мост. Мария отвернулась.

— Счастливого пути, — бросила она и ушла в агентство.

Беспокойно топчась на месте, едва сдерживая плач, Франтишка распрощалась с нами и села в машину. И как только рыцарь захлопнул за ней дверь, я поняла, что мы больше никогда не увидимся. Что больше никто не будет танцевать по кухне, готовя обед, не будет болтать без умолку о всякой чепухе и напевать под нос смутно знакомые мелодии. Глаза защипало.

Я запрокинула голову: слепящее голубое небо было пустым и холодным. Меня пробил озноб, и ещё долго я не могла унять эту дрожь ни теплом дома, ни горячим чаем. Кир принёс мне плед, коснулся лба и вздохнул.

— Похоже, это нервное.

— Переживаешь за Фани? — спросил Петер. — К чему? Она наконец получила то, о чём мечтала. За неё нужно радоваться.

— Знаю. Но без неё здесь всё будет по-другому. Вот мне и тревожно, наверное.

— Это ничего, — утешил Кир. — Свыкнешься, и тревога уйдёт.

Но сам он, казалось, тоже был чем-то встревожен.

Мария притихла на втором этаже, и мы сидели на кухне безмолвно, замерев в ожидании нового года, в почти равнодушном, стылom ожидании неизбежного. Точно всё волшебство праздника Франтишка забрала с собой. Точно ни радости, ни предвкушения не было с самого начала. Я прислушивалась к тиканью секундной стрелки, настойчивому, резкому, съедающему остаток декабря крошка за крошкой, и чувствовала, как ширится во мне гулкая, промозглая мгла.

— Нам не пора заняться ужином? — вспомнил вдруг Петер. Я опомнилась. Мы просидели в тишине больше часа, и никто не заикнулся даже о кофе.

Втроём мы сходили в ближайший магазин и втроём взялись за готовку. Это нас приободрило. Кир руководил, и, хотя он не переставая ворчал о том, как не любит готовить, и ругался, если я или Петер не справлялись с простейшим, на его взгляд, заданием, мне было весело. Общее дело, пусть и такое незатейливое, развеяло закравшуюся в мою душу тревогу. Как мало порой нужно человеку, чтобы успокоиться.

Вечер наступил незаметно. От света фонарей и огоньков на улице было светло, как днём, и под окнами то и дело раздавался галдёж и смех гуляющих — так бывало всегда в центре Тьярны, но теперь её центр словно бы расширился, поглотив город целиком. Атмосфера вечного выходного и шум никогда не спящего города, ворвавшиеся в наш мирный район, напомнили мне о Юлиане. Дома ли он сейчас? Отмечает ли Новое рождество в одиночестве? Поймав себя на этих мыслях, я устыдилась и поспешила их отогнать.

Когда с ужином было закончено, Кир ненадолго вышел и вернулся, пряча что-то за спиной. Он неловко потоптался у двери и прокашлялся.

— Хотя мы и договорились друг другу ничего не дарить, я всё же кое-что приготовил. Для тебя, Петер.

Кир поставил на стол узкую коробку, обклеенную цветной бумагой. На одной из широких сторон было несколько рядов картонных створок с разбросанными по ним числами от единицы до двадцати восьми.

— Адвент-календарь? — Петер не мигая смотрел на него.

— Знаю, поздновато уже для такого подарка. Зато ты можешь открыть всё сразу, разве не здорово? Там твои любимые мятные леденцы.

Петер осторожно взял календарь в руки.

— Ты сам его сделал?

— Вышло не очень, да?

— Нет... вовсе нет...

Он захлебнулся от волнения, и из глаз его вдруг брызнули слёзы. Словно испугавшись, Петер выронил календарь. Кир всполошился.

— Прости, я думал, тебе понравится. Зря я сделал сюрприз, надо было сначала спросить.

— Нет-нет, мне нравится, правда, нравится. Я не поэтому, просто... — Петер утирал слёзы, но они, не унимаясь, бежали по щекам, капали ему на брюки, на стол, пропитывали рукава рубашки. — Просто я никогда не получал ничего подобного на Рождество. Матери было всё равно, она считала, что я не заслуживаю никаких подарков. Она покупала мне дешёвые календари с дешёвым шоколадом и молилась, молилась за меня, как будто от этого зависела моя жизнь, как будто это должно было меня исправить, спасти, но от чего? Почему меня нужно было спасать? Я так и не узнал, что... что во мне было сломано...

Кир крепко обнял его, и Петер, трясаясь, уткнулся ему в плечо. И я, не выдержав, тоже расплакалась. Присоединилась к их объятию в стремлении успокоить и Петера, и себя. Кир негромко всхлипнул над нашими головами. Мы держались друг за друга, как за единственных близких людей во всём мире. Действительно, в тот день никого, кроме нас, не осталось. Но тогда, вопреки всему, я почувствовала, что мы будем в порядке. Рано или поздно всё будет в порядке.

Около девяти часов Мария спустилась к ужину. Она внимательно оглядела нас, но ничего не сказала. Мы открыли шампанское и, как велела традиция, выпили за изобилие в наступающем году. Благодарности Владыке произносить не стали. Снаружи было шумно: из окон соседнего дома раздавалась музыка, и под её сопровождение резвились в снегу дети и танцевали высыпавшие на улицу компании молодёжи. Не хватило ли мне смелости выйти к ним, или же я не разделяла их весёлого настроения? Было спокойно, но едва ли радостно.

Ближе к полуночи улицу заполонила пёстрая толпа горожан. Люди выходили, потушив в квартирах свет, а кто мог, выбирался на открытые балконы и крыши. Мы тоже покинули агентство. Мороз щипал кожу, и свежий снег мерцал в ярком сиянии янтарных фонарей. Пока они не погасли. Остановились и выключили фары автомобили, потемнели окна домов. Голоса притихли, взбудораженные, настороженные — лишь их напряжённый гул сохранился в ночной мгле.

Я подняла глаза и увидела усыпанное звёздами иссиня-чёрное небо. Даже заключённое в рамку кирпичных стен, оно казалось бесконечно широким, и его бездонная глубина с пугающей силой притягивала меня. Куда я должна была смотреть? Первая звезда могла упасть в любой момент, и я спешно придумывала подходящее

желание.

Что-то блеснуло на краю взора. Я перевела взгляд: белая искра дугой скользнула по небу, прочертив след, растворившийся в ту же секунду. Толпа всколыхнулась, взревела, и я зажала ладонями уши. Звёзды падали одна за другой, подобно дождю. Ночная темнота расступилась. И хотя мне не удалось выразить желание словами, его тёплый огонёк, занявшийся в моей душе, давал надежду. Я вдохнула с такой лёгкостью, как никогда прежде не дышала.

Наступил новый год.

— По легенде, — заговорил вдруг Петер, — там, куда упали звёзды, рождаются самоцветы. Поэтому звездопад не просто красивое явления, он символизирует дары Владыки.

— Не думала, что тебе такое интересно.

Он мотнул головой.

— Не интересно. Просто Фани часто об этом рассказывала.

Я представила её невысокую фигурку, тянущуюся вверх, будто в стремлении оторваться от земли. Видела ли она то же небо, что и мы? Где бы она ни находилась, была ли счастлива в ту минуту? И я загадала, чтобы её желание непременно сбылось, чтобы одна из бессчётного числа звёзд, мелькавших надо мной, пролетела перед её сверкающими глазами.

Звездопад кончился. Зажглись фонари, и уставшие люди стали расходиться. Воцарилась непривычная для новогодней ночи тишина — праздник завершился слишком скоро. Мне было немного грустно, как и всегда в начале года, за год ушедший, за всё то, что не успела сделать и осуществить. Столько всего случилось с тех пор, как я попала в Тьярну, но...

— Марта, не унывай, — Кир легонько толкнул меня в бок. — Всё образуется. Лучшее впереди.

Пусть то и были банальные фразы, на сердце потеплело, и я благодарно улыбнулась. Грусть не исчезла, отнюдь, она ощущалась ещё отчётливее, ещё больнее. Но теперь я знала, что она пройдёт.

Мы прибрались на кухне и вызвали такси. Копаясь в сумочке в поисках кошелька, я заметила, как что-то поблёскивало на дне. Подцепила пальцами — это оказался морион на тонком ремешке, талисман, который мне подарил Рей. Буроватый камень грел ладонь. Пока я задумчиво рассматривала и ощупывала грубую гравировку, меня окликнула Мария.

— У тебя будет десять свободных минут?

— Такси вот-вот приедет. Что-то срочное?

— Кое-кто хочет тебя увидеть.

Он стоял на заднем дворе неподвижной тенью. Я застыла у двери, сжала в руке талисман, словно бы это могло придать мне сил. Шаркнула сапогом, и звук получился неожиданно громким. Он обернулся. На его правом виске больше не было белой пряди.

— Рад встрече, — чуть улыбнулся Бертран.

— Угу, — кивнула я и спрятала глаза: боялась, что он обидится, увидев в моём взгляде жалость. Язык не поворачивался что-либо спрашивать.

— Я пришёл попрощаться.

Земля под ногами качнулась. Бертран молча придержал меня за локоть.

— Куда ты уходишь? — с трудом произнесла я.

— Далеко-далеко, где меня никто не найдёт.

— И мы больше никогда?..

— К сожалению, нет.

С заднего двора, вдали от фонарей и в окружении тёмных окон, звёзды представали яркими. Я знала это небо, такое же, как в моём мире. И созвездия, хотя я не могла вспомнить ни одного, были те же.

— Не вини себя ни за что, — сказал Бертран. — Со мной, как видишь, всё хорошо. Я не пропаду, поэтому не терзайся. А лучше забудь обо мне.

— Не хочу. Больше я не хочу ничего забывать.

— Тогда... — Он вытянул из кармана белое перо. — Возьми. На память. С помощью такого же пера Лукия звала меня. Правда, теперь я буду слишком далеко, чтобы прилететь на твой зов.

Я трепетно заключила перо меж ладонями, вместе с талисманом.

— Прощай, — сказал Бертран.

Я не произнесла ни звука.

Вспышка — и ворон, громко хлопая крыльями, скрылся в вышине. Я не разглядела его силуэт на чёрном небе. Мне лишь показалось, что потухла пара звёзд.

Воспоминание: Имя

По лугу гулял ветер, ласковый и тёплый в прогретом за день воздухе. Заходящее солнце красило высокие травы в золотисто-оранжевый, они трепетали, напоминая языки пламени. Окружённая мягким шуршанием, я вела рукой, пропуская злаки между пальцами, и широкие метёлки соцветий приятно щекотали кожу.

Голос сказал, что завтра меня заберут.

— Могу ли я отказаться?

«Когда придёт время, я спрошу, желаешь ли ты последовать за мной. Если откажешься, то больше никогда меня не услышишь».

Ветер принёс запах речной воды. Я прислушалась, но не различила птичьих песен в шелесте трав. Хотелось утонуть в них, упасть на спину и смотреть на небо сквозь трепещущие стебли. Лишь бы не думать о завтра.

Я обернулась: Тау был на вышке. Сидел на краю, свесив ноги, яркий в солнечных лучах и как будто счастливый. Возможно, я видела его таким в последний раз. В голове сами собой стали всплывать имена: Тимур, Тимофей, Тарас... Казалось, ни одно из них ему не подходит.

Поднимаясь на вышку, перед последним пролётом я остановилась. Тау что-то напевал. Мелодия дышала теплотой объятий и костровым жаром. И, хотя я не могла разобрать слов, они вдруг вспомнились мне, словно были давным-давно знакомы:

Как тебя зовут, летняя девушка?

Останешься ли ты, пока не придёт сентябрь

И не заберёт солнце из твоих светлых волос? (1)

Когда я ступила на площадку, песня смолкла. Тау стоял ко мне лицом и улыбался так, словно наконец дождался встречи. В груди защемило.

— Заслушалась?

— Ещё бы. Ты здорово поёшь.

Тау самодовольно хмыкнул, но глаза его сияли в смущении и радости, которые он пытался скрыть. А я в свою очередь не сумела скрыть тревогу.

— Выглядишь загруженной.

— Да, завтра важный день. Никак не могу отвлечься.

— Беспокойство ничего не изменит, правда ведь? Отдохни, пока есть возможность, насладись вечером — погода просто изумительная! А завтрашние заботы оставь завтрашней себе.

Оттого ли, что я безоговорочно верила ему, или же оттого, что хотела услышать эту очевидную истину из его уст, но моя тревога развеялась. Я положила расслабленные руки на перила.

Молча мы любовались закатом. Привычно задувающий под крышу ветер, запахи луга и реки, уже ставшие родными. Тогда на вышке, далеко от стен квартиры, что была центром моей жизни, я почувствовала себя как дома. Если бы время остановилось, если бы ничто больше не ждало меня впереди, а мечты и стремления никогда не осуществились, я бы не сожалела. Или так мне казалось. Почему моё тихое, безмятежное счастье отдавало горечью? Почему наполненность, которой мне так не хватало, ощущалась ненастоящей? Почему я была так благодарна и предана Тау, и почему от этих чувств так болело сердце?

— Скажи, Эн, почему ты не называешь своего имени?

Он застал меня врасплох. Было в этом вопросе что-то созвучное разочарованию.

— Однажды я возненавидела его настолько, что пожелала забыть. Чем меньше людей будет его знать, тем быстрее оно исчезнет.

— За что ты его возненавидела?

— За смысл, наверное, — пожалала я плечами.

Тау вдохнул, словно собирался заговорить, но помедлил и рассеянно глянул на луг. Его черты помутнели и расплылись, точно промокший рисунок. Я протёрла глаза, и видение рассеялось.

— Меня учили, — начал Тау, — что имя является неотъемлемой частью человека. Отказаться от него — всё равно что отрезать руку. К тому же это подарок от родителей, самый первый, данный при рождении, поэтому его нужно ценить. Думаю, в любви к своему имени заключена и любовь к себе. Значит ли это, что ты ненавидишь саму себя?

— Может быть. Хотя я так мало из себя представляю, что во мне нечего ни любить, ни ненавидеть.

— Неправда, в тебе много всего замечательного. Например...

От резкого, взявшегося из ниоткуда порыва ветра в ушах зашумело, и я не расслышала, что сказал Тау. Но на

душе потеплело.

— Знаешь, сейчас моё имя даже начинает мне нравится, — улыбнулась я. И, вдруг набравшись смелости, спросила: — Можно тебя поцеловать?

Тау не ответил. А мне померещилось, будто бы я уже не один раз целовала его.

— При следующей встрече давай познакомимся заново, — сказал он. — Пообещай, что назовёшь своё имя.

Дыхание перехватило. То единственное слово, упрямо рвавшееся наружу, я так и не смогла произнести: слишком страшно было нарушить данное ему обещание.

Мы стояли совсем близко к друг другу, но расстояние, разделявшее нас от прикосновения, было непреодолимо. И, хотя от обиды чуть саднило в груди, в ту минуту мне было достаточно просто смотреть вместе с ним на один и тот же закат.

---

1 — Из песни “Summer Girl” группы Family of the Year

Рут стояла возле пропускного пункта, переминаясь с ноги на ногу и утаптывая свежий снег. Завидев меня, она кивнула и шагнула навстречу. От серьёзности в выражении её лица я разволновалась до желания сбежать. Однако отступить было поздно.

— Главное, постарайся вести себя как можно более естественно, — с ледяным спокойствием говорила Рут. — Ты обратилась к Рыцарям за помощью и пришла на консультацию. Наш разговор будет записываться, поэтому придержишься плана. Ну, готова?

Офис Рыцарей располагался в одном из старейших зданий Тьярны. Стены из тёмного кирпича, вытянутые окна, аркады и декоративные башенки — его строгое благородство, мрачное под пасмурным зимним небом, внушало страх, и я гадала, какие же секреты хранились за этими массивными дверями. Но просторный холл оказался неожиданно светлым, жизнь здесь кипела, заполняя пустоту под высоким потолком голосами, перестуками каблуков и телефонными трелями. Тревога притупилась.

На протяжении всего декабря я раздумывала, хочу ли знать правду. Потрясений с меня было достаточно, но в то же время предложение Лукии, эта ответная услуга, было своего рода последней волей, которую я не могла не уважить. Сомнения изнурили меня, к концу года лишив остатков моральных сил, поэтому я отложила решение и даже ненадолго забыла о нём.

Пока одним вечером в середине января не встретила у дверей агентства мужчину. Он смотрел на меня, как на последний лучик надежды, с мольбой, взывая к моей совести. И я выслушала его историю, до боли похожую на то, что мне уже доводилось слышать раньше.

— Наверное, глупо не верить Рыцарям, но это совсем не в её духе — исчезать вот так, — говорил он, сжимая в пальцах потрёпанный конверт. — Она взбалмошная, конечно, и нетерпеливая, но уйти не попрощавшись? Может быть, если бы я осмелился просить её руки, она бы осталась. Я подумал, вдруг она приходила сюда, вдруг вам что-то известно, но раз нет... не буду больше вам надоедать.

Он виновато улыбался, а я лишь беспомощно качала головой.

Его история напомнила о дневнике, который мне передала Лукия. Что же случилось с принцем Адамом и его невестой? Куда пропадали странники? Вопросы, точно домино, посыпались один за другим. Почему убили Лукию? Как в этом был замешан Бертран? Я не представляла, что заставило его улететь и от кого он хотел скрыться. Знала только, что однажды он отказался от Приглашения. Всё так или иначе упиралось в Приглашения.

Какой бы пугающей ни оказалась правда, я поняла, что нуждаюсь в ней. В конце концов, мне хотелось убедиться, что с Франтишкой всё хорошо. Поэтому я обратилась к Марии, чтобы через неё связаться с Рут.

По широкому коридору, кишевшему людьми в тёмно-синих костюмах, она проводила меня в приёмный кабинет. Когда я устроилась в кресле, Рут положила на столик между нами диктофон и, взяв планшет, села напротив.

— Госпожа Овертон, в первую очередь уведомляю вас, что не являюсь экспертом, и сегодня проведу с вами только предварительную беседу. По её результатам вам будет подобран подходящий специалист. В виде исключения я могу присутствовать на первых сеансах, если вам будет некомфортно наедине с незнакомым человеком. — Она сделала на листе несколько пометок и продолжила: — Теперь, пожалуйста, расскажите, что вас беспокоит. Вас не устраивают условия проживания или, может, отношение местных к вам? Нестрашно, если вы не дадите точного ответа, но и не стесняйтесь вдаваться в детали. Любая мелочь может быть полезна. Если вы ощущаете внутреннее противоречие, испытываете чувство потерянности или неудовлетворённости собой, не бойтесь это озвучить. Что бы вы сейчас ни рассказали, я не стану вас осуждать.

Всё то же, о чём рыцари любили спрашивать на инспекциях. Но если прежде я всегда отвечала уклончиво, то теперь должна была говорить откровенно. Хотя бы изображать откровенность. И пускай я многое умолчала, многое попросту не имела права упоминать, поистине честные слова о моих переживаниях с неприятной лёгкостью срывались с губ.

Беседа пролетела незаметно. Когда мы закончили, я, согласно плану, спросила, где находилась уборная. Рут жестом напомнила мне направление к архиву, но вместо того, чтобы на этом попрощаться, задержала меня на пороге, схватив за руку, и прошептала:

— Откуда у тебя это?

На запястье, которое она сжимала, болтался браслет с морионом. Я надела его на удачу.

— От Рея.

Рут еле слышно выругалась.

— В чём дело?

— Иди, — проигнорировав вопрос, она грубо подтолкнула меня в спину. — Времени мало.

Боязнь, что мою неумелую игру разоблачат, и лихорадочное повторение заученных кодовых фраз вскоре вытеснили мысли о странном поведении Рут. Осторожно озираясь и постоянно оправляя колющий шею шарф, я поднялась во второй этаж и повернула в левое крыло, совершенно не уверенная, что архив находился в той стороне. Таблички на дверях и номера кабинетов заставляли нервничать ещё больше, потому что среди них не было ни одного известного мне ориентира. Кое-как сохраняя самообладание, я молилась, чтобы никто из проходящих мимо вдруг не решил поинтересоваться, куда я иду.

— Марта? — раздался позади голос, так хорошо знакомый. Дыхание перехватило. Я замерла, чувствуя, что, если попробую обернуться, ноги мои подкосятся. И он, словно заметив это, сам обогнул меня и встал в метре впереди.

Сначала я увидела потёртые носки его ботинок и тёмно-синие брюки, потом такой же тёмно-синий пиджак и серебристый галстук, и лишь затем через силу перевела взгляд на его лицо. Гладко выбритое, бледноватое, как от недосыпа, оно казалось приклеенным к чужому телу в рыцарской форме. Я смотрела в его печальные, извиняющиеся глаза, и парализовавшая меня оторопь медленно отступала перед нараставшей злостью.

— Марта, позволь мне объяснить... — заговорил было он, но его прервал оклик.

— Юл! Ну и быстро же ты бегаешь.

Это был Рей. Нагнав нас, он отдышался и изящным движением отвёл со лба волосы.

— Госпожа Овертон, какой сюрприз, — сказал он без малейшего удивления. — Пришли к нам на консультацию? Что-то вы совсем не по той части офиса гуляете. Запутали? Могу проводить вас, куда нужно.

— Я тоже могу проводить госпожу Овертон, — вмешался Юлиан. Со мной он никогда не говорил таким твёрдым и требовательным тоном.

— Ах, точно, точно, — протянул Рей с некоторым презрением. — Будешь объясняться со своей подопечной? Очень профессионально, Юл.

— Сейчас не время. Просто разреши мне самому с этим разобраться. Прошу.

Смерив его скептическим взглядом, Рей вздохнул.

— Ладно. Под твою ответственность.

Юлиан бережно взял меня за локоть и потянул за собой. Их разговор я наблюдала словно бы со стороны, со всей ясностью слыша реплики и видя жесты, но не в состоянии что-либо ответить. Теперь же, когда сказанное достигло сознания, самые разные эмоции пробудились внутри меня. В растерянности я обернулась на Рея, вопреки неприязни ища в нём спасение.

— Не беспокойтесь, госпожа Овертон, — самодовольно улыбнулся он. — Я передам Рут, кто и зачем забрал вас.

Всё смешалось. Недоумение, злость и досада, страх и отчаяние — они боролись во мне и крепчали, пока не стали равнозначны и не слились в монотонный белый шум. Я не помнила, как покинула офис Рыцарей и села в машину Юлиана, как мы доехали до его дома. В ушах звенело, и что-то неопределённое мелькало перед глазами.

А потом сквозь эту сероватую рябящую дымку проступила дверь его квартиры. Клацнул замок, и меня против воли увлекло внутрь.

Первым был запах. Пыль на окнах, вытертый паркет, блёклая штукатурка, пожелтевшие книги и промятый диван — всё это представилось мне от одного лишь запаха. В квартире ничего не изменилось. Даже мои цветочные горшки стояли нетронутыми на прежних местах. Я рассматривала старое пятно на стене, не понимая, какие испытываю чувства. Вроде бы сердце ныло, но томление его было сладким.

Юлиан усадил меня на кухне. Долгие минуты я слушала, как льётся из крана вода, как она шипит и бурлит в поставленном на плиту чайнике. Хотелось, чтобы эти звуки не прекращались. Но вода затихла, и Юлиан стукнул чашками о стол. Сел на свободный табурет и наблюдал, как поднимается над чаем пар. Я заметила, что на нём уже не было ни пиджака, ни галстука. В белой рубашке с закатанными рукавами он походил на учителя, и мне было приятно вновь видеть его таким.

— Прости, — глухо произнёс Юлиан.

— За что? — спросила я, и злость волной поднялась до самого горла. — За что из всех тех вещей, которые ты скрывал?

— За всё, — ответил он ещё глуше.

Я привалилась к стене и глубоко вздохнула, унимая раздражение. Юлиан продолжал виновато смотреть в чашку.

— Выходит, ты тоже рыцарь? Почему не рассказывал?

— Работал под прикрытием.

— Значит, — сердце замерло и тут же бешено забилося, застучало в висках, — я была твоей целью?

Юлиан уткнулся лбом в сцепленные над столом ладони. Что-то внутри меня надломилось.

— Каждого новоприбывшего странника встречает рыцарь. Мы знаем, где и когда произойдёт переход, и первое время сопровождаем вас, помогаем освоиться. Однако бывают особые случаи, когда необходима третья, нейтральная сторона — друг в новом мире, которые обеспечит страннику психологическую поддержку. Я был выбран таким другом для тебя.

Мне вспомнилось, в больничной палате, где я очнулась, сидела женщина в тёмно-синем костюме. Никто даже не упомянул, что она была рыцарем. Юлиан о чём-то спорил с ней, но из-за тумана в голове я едва ли их слышала.

— То есть... — Голос предательски дрогнул. — То есть всё это было игрой? Всё между нами было не по-настоящему?

— Нет, Марта...

— Не надо. Даже не пытайся, я... я больше... не могу...

Мне не хватало воздуха. Я вскочила, поддала коленом стол, и он зашатался, чашки качнулись, расплескав горячий чай.

— Постой, Марта, прошу. — Юлиан схватил меня за руку. Я не стала вырываться, застыла, спрятав глаза и стиснув зубы. — Всё было по-настоящему. Мои чувства к тебе были и остаются настоящими.

— Как будто я поверю в это теперь.

— Что мне сделать, чтобы ты поверила?

Он смотрел с мольбой. Крепко стиснул мою руку, отчаянно не желая отпустить.

— Хочешь, я расскажу тебе всё?

Смысл его слов затерялся в буре противоречивых эмоций, разрывавших меня на части. Что есть мочи я сдерживала её, готовясь взорваться в любой момент. Но стоило мне наконец осознать, что он спросил, как буря утихла, сменилась напряжённым, бдительным штилем. Капля пролитого чая звонко ударила об пол, и по спине пробежала дрожь.

— Всё? — выдавила я.

— Про странников, про магию, про Приглашения. Всё, что мне известно. Не сочти это за попытку искупить вину — я дай бог возьму тебе за всю ложь и недомолвки. Но, какими бы проблемами это ни обернулось, я больше ничего не утаю. Обещаю, — произнёс он с неподдельной честностью. — Ну, что скажешь? Выслушаешь меня?

Кое-как совладав с собой, я кивнула.

Юлиан прибрался и снова сделал нам чай. Он не спешил, а может, и специально медлил, давая мне время собраться. И в этом тягостном ожидании мной вдруг завладел страх. Чего я боялась? Что не вынесу правды или что поплачусь за своё любопытство?

— Ты колеблешься, — заметил Юлиан. — Я не стану рассказывать, если ты передумаешь.

— Вечно вы оставляете выбор за мной. Нет бы взять и выложить всё как есть, раз уж захотелось. Зачем так осторожничать?

— Причин много. — Он покрутил чашку, но к чаю так и не притронулся. — Счастье в неведении. Рыцари знают это лучше, чем кто-либо.

Однажды Рут говорила нечто подобное. Имела ли она в виду то же, что и Юлиан?

— Расскажи. Расскажи мне всё.

Он шумно выдохнул.

— Для начала... этот браслет больше не носи. Ты его от Рея получила, верно?

Я кивнула. Кисть потяжелела, а тонкий ремешок, казалось, так туго перетянул запястье, что оно затекло.

— Рыцари ничего не дарят просто так. В браслет метка, чтобы отслеживать местоположение. Видимо, Рей решил перестраховаться из-за твоего внезапного переезда. Сегодня ты едва избежала допроса.

Я подумала, что помещать метку в браслет ненадёжно. Потом вспомнила его странный, почти мистический магнетизм, вспомнила, что в то утро надела его по собственной инициативе. А если бы не надела, то он бы до сих пор лежал на дне моей сумки — значит, меня бы всё равно обнаружили.

— Пока что не снимай его. Сделаешь это, когда вернёшься домой. Но не избавляйся, просто закинь поглубже в какой-нибудь ящик и притворись, что забыла.

— И это поможет? — процедила я. — Вы ведь, наверняка, ещё как-нибудь за нами следите, да?

Юлиан горько усмехнулся.

— Прослушиваем телефоны в общежитии. И агентство тоже прослушиваем.

Язык онемел. Вот почему Мария запрещала нам разговаривать о прошлой жизни. Взгляд лихорадочно забегал по кухне, из угла в угол, от стены к стене.

Юлиан дотронулся до моей руки.

— Не бойся, здесь нас не прослушивают. Можешь говорить свободно.

От прикосновения по коже пробежал холодок, и я отняла руку. Тело проняла дрожь. Юлиан пристыженно потупился, снова обхватив пальцами чашку. И как раньше меня не раздражала его бесхарактерность?

— Зачем вам всё это? — наконец осмелилась я подать голос. — Работа под прикрытием, слежка — одних инспекций вам недостаточно?

— Я был бы счастлив, будь их достаточно. Но мы вынуждены жёстко контролировать странников, чтобы они добровольно принимали Приглашения, чтобы желали их получить. Даже церковь создавалась для того, чтобы внушать вам нужные, «правильные» идеи. Не существует никакого Владыки, который бы приводил вас в наш мир, а потом звал куда-то дальше.

— Тогда что же такое эти Приглашения? — не выдержала я. — Что такое стоит за ними, на чём свет клином сошёлся?

Юлиан стиснул чашку так сильно, что она могла бы треснуть. Он не поднимал головы и долго молчал, и в нетерпении, в этом невыносимом ожидании я вообразила десятки возможных вариантов его ответа. Ни один из них не оказался верным.

— Начнём с того, — неуверенно заговорил он, — что магия, которую мы используем как топливо, и магия из ваших источников — это одно и то же.

Я сощурилась, недоумеваю, почему он так осторожно подбирает слова. Должно быть, из-за знакомства с Киром, из-за его необычной способности, а вернее, её отсутствия тождественность природной магии и магии странников казалась мне очевидной. Разве было это таким страшным секретом?

— Для нас странники — всего лишь ресурс, — продолжил Юлиан. — Мы собственноручно увлекаем вас сюда, в наш мир. Это не жест доброй воли, не дарованный вам шанс начать жизнь заново, понимаешь? Мы всего лишь выбираем подходящих людей, сломленных и отчаявшихся, пользуемся их слабостями, чтобы заманить и получить магию. Сейчас, когда её потребление стремительно растёт, каждый странник на вес золота и мы активно приводим новых. Тьярна небольшая, поэтому здесь вас пока немного, но в крупных городах странники исчисляются сотнями.

— Подожди, ты имеешь в виду... что вы добываете магию из наших... источников?

— Именно так.

— Но тогда что такое дикая магия?

— Она рождается из нестабильных источников. Почему, думаешь, мы так печёмся о вашем самочувствии, почему пытаемся ускорить ваше восстановление? Нам всего-навсего нужна пригодная для применения магия. В противном случае меня бы не приставили к тебе, да и вообще мы бы не тратили столько денег, сил и времени, чтобы угождать вам и...

— Как вы добываете магию?

Юлиан отвёл взгляд. Во рту пересохло, но я не притронулась к чаю, опасаясь, что поперхнусь.

— Ты ещё не догадалась?

Мысли беспорядочно заметались, оглушая и ослепляя меня.

— Как с этим связаны Приглашения?

Он вздохнул. Я заметила, как дрожали его сложенные на столе руки. Пугающая догадка мелькнула в мешанине мыслей, но озвучить её было всё равно что сделать явью. И в то же время мне не терпелось услышать истину, не терпелось убедиться в своей правоте или же узнать, что я ошиблась. «Пожалуйста, пусть я окажусь неправа». Юлиан тянул мучительно долго.

— Приглашение — просто ширма, и в действительности...

— Господи, да скажи это уже!

— Их убивают! — выкрикнул он, ударив по столу. — Довольна? Странников убивают и выкачивают из них магию. Нет никакого лучшего мира, нет ничего после Приглашения, кроме смерти.

Он смолк, и стало так тихо, что можно было различить его сдавленное дыхание. «Угадала», — разочаровано подумала я. Эмоции нахлынули не сразу. Но их волны были сокрушительными, уничтожающими. К горлу подступила тошнота.

— Значит, ты... ты вёл меня к смерти? Ты знал это и всё равно... всё равно... О какой, к чёрту, любви ты говорил?

— Нет, Марта, я не собирался... Я хотел найти способ уберечь тебя, обмануть систему. Я не врал, я по-настоящему любил тебя и люблю до сих пор. Я ведь поэтому и рассказал тебе всё, рискнул всем ради тебя, слышишь? Прошу, поверь, я не желаю тебе зла.

Он потянулся в мою сторону — я отшатнулась, вскочила на ноги.

— Не прикасайся ко мне! Даже не подходи!

— Марта, умоляю...

Я замотала головой, зажала ладонями уши, зажмурилась. Хотелось кричать, но я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Перед глазами плыло. И когда наконец грудная клетка судорожно расширилась и лёгкие наполнились кислородом, я побежала. Прочь из кухни, из его квартиры. Как можно дальше от его дома.

Я не помнила, как добралась до общежития, а придя в себя, обнаружила, что стою перед комнатой Кира. Он открыл почти сразу, будто поджидал меня, но глядел растерянно, взволнованно, не решаясь ничего спросить. Я же, с трудом совладав с голосом, сумела произнести лишь:

— Фани... Фани больше...

По щекам покатились слёзы. Мир заволокло пеленой, и он растворился в ней, исчез. Что-то грохотало не то снаружи, не то внутри. Оглушительно, болезненно.

Кир легонько приобнял меня за плечи, провёл в комнату и запер дверь.

Он терпеливо ждал, пока я успокоюсь. Плач не унимался, предательски усиливался, как только я пыталась заговорить. Тело налилось свинцом, было ни сбежать, ни спрятаться, ни заслонить лицо трясущимися руками. Я сминала бумажный платок, беспомощно смотрела в пол и дышала, дышала, пока стягивающая грудь верёвка не распустилась.

— Как давно ты знаешь?

— Месяца три, наверное, — глухо ответил Кир. — Мне Мария рассказала. После того случая с дикой магией в лесу.

— И ты жил с этим всё это время?

— Жил... Забыла уже, в каком я был состоянии?

— Если было так тяжело, почему молчал?

— Потому что Мария попросила держать всё в секрете. А этот твой Юлиан неужели не предупредил тебя, что лучше помалкивать?

— Не успел.

Под потолком чуть мерцала янтарная лампочка. За стенкой гудели несущие магию трубы. И мне вдруг стало гадко, липкое отвращение расплзлось по шее и спине, точно меня облило грязью. Я поёжилась, забралась на кровать с ногами, лишь бы избавиться от этого ощущения. Но оно не желало проходить.

— Почему она рассказала тебе именно тогда?

Кир потёр затылок и нерешительно подсел ко мне. Он долго собирался с мыслями, сплетал и расплетал пальцы, приоткрывал рот, только чтобы тут же сомкнуть губы, и наконец, тяжело вздохнув, сказал:

— Дикая магия хранит чувства и память странника, который её породил. Тогда я... испытал чужой ужас, и боль, и... в общем, много чего. И у меня, конечно, появились вопросы. Как-то так. — И, снова потерев затылок, добавил: — Об этом сложнее говорить, чем я думал.

Я лишь промычала что-то невнятное в ответ. Не нашлась, как лучше проявить сочувствие.

Мы сидели в тишине, под гудение труб и мерцание лампочки. Связанные тайной. Было спокойно рядом с ним, но вместе с тем тревожно за нас обоих.

— Что теперь с нами будет?

— Ничего, если будем молчать.

— А как же Петер?

— Не нужно ему этого знать. Боюсь, он может не выдержать.

В окно лепил снег. Странно, метели совсем не было слышно. Хотя в ту минуту странным казалось всё: и пугающая чернота неба, и неестественный янтарный свет, и пустая, вакуумная тишина. Я крепче прижала колени к груди.

— Постой, — внезапное осознание пробрало меня дрожью. — Но твоя магия, она ведь не дикая, правда? Значит, тебе уже должно было...

— Не переживай, Приглашение мне не придёт. Не в ближайшее время.

Кир замялся. Однако не смог проигнорировать моё немое недоумение.

— Похоже, пора рассказать тебе мою историю. Если ты не против. — Я мотнула головой, и он продолжил: — Тому, что у меня нет способности, если причина. Говорят, что способности странников — это выражение их сокровенных желаний, но на самом деле они отражают наши величайшие сожаления. Те сожаления, что мучают нас и рано или поздно заставляют покинуть родной мир. Это то, от чего мы бежим. Смешно, да? Какие же мы после этого странники? Много чести. Эскаписты в лучшем случае. А так — не более чем трусы. И я тоже трус. Хотя у меня нет способности, а значит не было и сожаления. Я ни от чего не бежал. Скорее, наоборот.

— Бежал за чем-то?

Кир отвернулся, шмыгнул носом.

— Восемь лет назад мой отец пропал. Ну, знаешь, ушёл за хлебом и не вернулся. Мама долго, очень долго искала его. Не таким он был человеком, чтобы исчезнуть, ничего не сказав. Но в итоге мы смирились, свыклись с жизнью без него. Пока однажды я не нашёл отцовские записи. Про голос, про магический мир — всю эту чепуху. Сейчас я часто задаюсь вопросом, что же его так угнетало, о чём он сожалел? О долгах? О том, что не мог

достаточно нас обеспечивать? Разве не глупо уходить из-за такого? Но тогда я ни о чём подобном не подозревал. Для меня те записи стали единственной ниточкой, ведущей к отцу, я пожелал найти его, последовать за ним. И услышал тот самый голос, о котором он писал. Так я и оказался здесь. Правда, почти сразу рыцари обнаружили мой абсолютно стабильный источник и попытались всучить Приглашение, но я никак не мог уйти, не разыскав отца. Поэтому мне пришлось заключить с ними сделку.

Прервавшись, Кир стиснул сцепленные в замок ладони, точно силился овладеть собой. Даже на несколько секунд задержал дыхание.

— Я ведь уже говорил, что начал помогать Петеру не по доброте душевной? Я просто им воспользовался. Мы познакомились здесь, в общежитии, и мне быстро стало ясно его плачевное состояние. Пообещать, что приведу Петера в норму, и под видом помощи тянуть время — я тут же ухватился за эту возможность. Мне было глубоко плевать на его чувства. Отвратительно, правда?

— Но теперь всё по-другому, — поспешила утешить я. — Теперь тебе не плевать, это видно. Какая разница, что было раньше?

Кир пожал плечами.

— Может, и никакая, раз я решил помочь Петеру так или иначе. Да и сделка больше не имеет смысла. Представь себе, я пришёл в этот мир полный решимости найти отца, а в итоге... узнал, что он уже несколько лет как мёртв. Что это — чья-то злая шутка, грёбаный розыгрыш? Как можно было повестись на всю эту чушь и бросить маму совсем одну?

Его глаза увлажнились, и он закрыл лицо руками, сдерживая слёзы. А мне хотелось сказать, чтобы он отпустил их.

— Я думал, не было бы проще поддаться иллюзии? Забыть прошлое, отказаться от всего ради нескольких счастливых лет и умереть в неведении. Возможно, отец именно так и поступил. Но мне ни за что не позволит совесть. Я так подвёл маму, боже...

Из коридора вдруг донёсся шорох. Кир дёрнулся и, замерев лишь на мгновение, рванул к двери. Я замешкалась, но тут же бросилась следом, едва услышала его ошеломлённое:

— Петер?

Он сидел на полу, вжавшись в стену, перепуганный, красный не то от стыда, не то от того, что плакал. Щёки его всё ещё были мокрыми.

— Кир, я... я не знал... мне так жаль. Я не хотел подслушивать, просто...

— Как давно ты здесь?

Петер виновато опустил взгляд.

— С самого начала. Ты запер дверь, и я решил, что вам лучше не мешать, но немного беспокоился, поэтому... как бы...

Кир вздохнул и расстроено покачал головой.

— Что с тобой сделаешь, — сказал он и протянул Петеру руку. А тот, поднявшись, кинулся Киру на шею, чем застал нас обоих врасплох. Молча он стоял так, не разжимая крепких объятий и стараясь снова не разреветься.

Опомнившись, Кир пару раз хлопнул его по спине.

— Ну хватит, отпусти уже. Пойдёмте внутрь, нечего торчать в коридоре.

С щелчком замка тяжёлые мысли и чувства вновь обрушились на меня. Я бы ни за что не вынесла их в одиночку — казалось, само моё тело могло пойти трещинами и рассыпаться. Но я не была одна. Ни тогда, ни до этого. Рядом всегда были люди, готовые поддержать и помочь. Жаль, что некоторых из них я так и не поблагодарила. Жаль, что я поняла это слишком поздно.

Правда, по истине страшная, с трудом укладывалась в голову. Будущее пугало по-настоящему, хотя Кир уверял, что мы будем в безопасности до тех пор, пока изображаем неведение. Рыцари не тронут нас, пока не получат неопровержимых доказательств, им мешает их же осторожное и трепетное отношение к странникам. И пусть это звучало убедительно, я переживала из-за Юлиана. Моя судьба по-прежнему была в его руках. Сколько бы я ни вырывалась из его хватки, он продолжал держать меня за запястье. Ему было бы достаточно всего пары слов, чтобы убить меня. Но, несмотря на это, в глубине души я ещё верила в его искренность, в чистоту его помыслов, его любви. В сердце не было ненависти. Я позволила наивности взять верх и пообещала себе не злиться, если она меня погубит.

— Неужели у нас нет выхода? — безнадёжно спросил Петер.

— Выход один, — твёрдо сказал Кир, — возвращаться туда, откуда мы пришли.

Петер оцепенел. Он смотрел с неверием, будто ждал, что сказанное окажется шуткой. Я же затаила дыхание по совсем другой причине.

— А это возможно?

— Со слов Марии, такое случалось.

Страх перед будущим в момент отступил — его место занял приятный трепет. Стало легче. И я осознала: какими бы зыбкими ни были мои воспоминания, что бы в себе ни скрывали, они бы уже не изменили моего намерения.

Я хотела вернуться домой.

Воспоминание: Чем это кончится

Я проснулась раньше обычного и, хотя не чувствовала себя ни капли отдохнувшей, больше не могла сомкнуть глаз. Спалось беспокойно, помнились бессвязные обрывки снов: сказочный город, чей-то зов, река, ласточки. Голос не объявлялся. А я всё ещё сомневалась, следовать за ним или нет. Тревога парализовала, но лежать без дела, под гнётом беспорядочных мыслей было невыносимо. Поэтому я оторвала себя от постели и принялась готовить квартиру к своему возможному отбытию.

Убралась в комнате: в кои-то веки застелила кровать, собрала разбросанные по столу карандаши и тетради, протёрла пыль. Оставить дом в чистоте казалось правильным, и не потому что так я делала приятно родителям. Нет, скорее, давала им понять, что ухажу по собственной воле, что меня не нужно искать. Могли бы они догадаться об этом по одной лишь чистоте квартиры? Я пропылесосила полы, перемыла скопившуюся за несколько дней посуду, вынесла мусор. Марта ходила за мной хвостом и внимательно наблюдала за каждым движением. Будто бы понимала что-то. Я налила ей свежей воды и насыпала побольше корма.

— Родители послезавтра возвращаются. Побудешь немного одна?

Марта вопросительно мяукнула. Я потрепала её по загривку.

— Ты ведь не будешь скучать по мне, правда? Тебе ведь неважно, кто будет дома, главное, чтобы был хоть кто-нибудь? Очень скоро ты меня забудешь, так ведь, кошка?

Она снова мяукнула и потёрлась о мою ногу. Мне бы хотелось, чтобы это значило «нет».

Голос продолжал молчать. Промаявшись в ожидании с полчаса, я всё же решила пойти на вышку — вдруг получится встретить Тау. Перед выходом на всякий случай закрыла все окна и проверила, везде ли потушен свет. На всякий случай попрощалась с квартирой. Но потом вернулась в свою комнату и долго стояла там, рассматривая книжные полки, стаканы и коробки с карандашами, цветы на подоконнике. Полистала лежавшую на краю стола затасканную тетрадь — там тоже были цветы. И птицы. Я взяла из ящика бинокль и повесила на шею.

Пора было уходить.

Марта сидела на коврикe в прихожей. Провожала меня, наверное. Я потянулась её погладить, но в последний момент передумала, замерла. Она подалась к моей ладони, но я отняла руку. Не отняла бы — не смогла уйти.

От пасмурного неба веяло совсем не летним холодом. Поёжившись, я ускорила шаг, словно в попытке как можно быстрее убежать подальше от дома. Убежать и не оглядываться, как бы громко ни брякали в кармане ключи, как бы ни было волнительно за Марту. Бинокль ударял в живот, и я крепко сжала ремешок, думая: «Пусть Тау будет там. Пусть мы посмотрим на птиц, послушаем их песни и разойдёмся до завтра. Пусть мне не придётся уходить на самом деле».

Он стоял на вышке мрачной тенью, скрестил руки на груди, как будто был чем-то раздражён — так на себя не похожий. Моя радость угасла, разлившееся в сердце тепло растаяло. Остановившись на последней ступеньке, я спросила:

— Что-то случилось?

Тау отмахнулся, отвёл взгляд. Я почувствовала себя лишней. Но как только я развернулась и шагнула вниз, он вдруг заговорил:

— Ты ведь знаешь, как это бывает. Когда просыпаешься утром и понимаешь, что совершенно не готов к новому дню. Ты едешь на учёбу, сидишь на парах, болтаешь с друзьями, несмотря на слабость, несмотря на беспричинную грусть. Хочется лечь и смотреть в потолок. Под вечер всё это становится особенно невыносимо. Но ты послушно отходишь от края платформы, когда приближается поезд. Ждёшь зелёный сигнал светофора на переходе. Не сегодня, думаешь ты, не сегодня. Завтра будет легче. Правда же? Скажи, Эн, завтра всё будет по-другому?

Я обернулась — его тень дрожала, как водная гладь на ветру, и невозможно было разглядеть выражение его лица. Что будет завтра? Если бы я знала.

Если бы я знала, чем это кончится.

Слова Тау зацепили во мне что-то. Что-то похожее на струну, и её мягкая вибрация нарастала, ширилась, точно волна, приводя в движение всё новые и новые струны. Память оживала, скрывавший её морок рассеивался, обнажая наше общее прошлое.

Я вспомнила всё.

И тогда голос позвал меня за собой.

Поднялся ветер. Высокие травы хлестали по коже, оглушительно шелестели, качаясь над влажной землёй. Холод просачивался через подошвы кроссовок, сковывал сжимавшие бинокль пальцы. Больно. Как же было больно. В последний раз я оглянулась на смотровую вышку, и Тау возник передо мной, бледный, почти прозрачный. Карие глаза потухли. Он вдохнул — и на мгновение все звуки исчезли, уступив место едва

различимому шёпоту:

— Я так ненавижу...

Ветер зашумел в траве, не позволив ему закончить. Его призрак растворился, рассыпался ласточкиными крыльями, и птицы взмыли в небо, закружились над моей головой. Кроссовки промокли. Ещё шаг — и я была уже по колени в ледяной воде. Река манила. Безропотно, я пошла ко дну.

В вышине металась ласточка. Хлопали крыльями, кричали что-то, но я не слышала. В уши забила вода. Течение уносило меня дальше и дальше от берега. Я не помнила, чтобы река была такой глубокой. Не помнила, почему вообще нырнула в неё. Память трескалась, крошилась, и осколки её пузырями поднимались к поверхности быстрее, чем я успевала их перехватить. Тело больше не слушалось. Сознание затуманилось.

Вместе с тусклыми лучами дневного света я рассеялась в тёмной воде.

Что с нами было

Однажды я потерялась.

Я остановилась и спросила себя, как же оказалась здесь. Как я умудрилась сбиться с пути, если хорошо понимала, куда иду? Должно быть, это снова мои неверные ноги. Они всё бежали и бежали по инерции вперёд, по дороге, которую я выбрала сама. Странно. Неужели я пропустила поворот?

Всё вокруг было знакомым, но совершенно чужим. Жизнь кипела, но где-то в отдалении, в другой плоскости. И хотя я могла различить тропу, на которой стояла, казалось, я была подвешена в воздухе, дрейфовала, уносимая течением неизвестно куда. Почему я здесь? Зачем я здесь? *Где это здесь?*

Внешний мир ощущался пустым. Но ещё большая пустота была внутри. Я ничего из себя не представляла. Моё прошлое было заурядным, и моё будущее обещало быть таким же. Моё настоящее не имело смысла.

Я потерялась и уже не надеялась когда-либо найтись.

Пока не встретила его.

Сначала мир залило светом, ярким до рези в глазах. Мне захотелось спрятаться. Я не была готова к нему, пусть неосознанно и жаждала его тепла. А когда наконец открылась, уже не могла отпустить. Этот свет стал моим миром, моей жизнью.

Я присвоила себе его увлечения и вкусы, его мечты и стремления. Его дом вскоре стал моим домом. Меня наполнило до краёв, и я была счастлива. Лишь изредка беспокоилась, что ничего не отдала в ответ на его доброту.

Как же долго я жила этой иллюзией? Когда впервые увидела его настоящего? Я впустила Тау в свой стеклянный пузырь, не подозревая, каким толстым стеклом отгородился он сам. Скрывавшаяся за ним тьма, холодная и густая, напугала меня. Но, бесконечно благодарная Тау за всё, что он сделал, я решила во что бы то ни стало помочь ему. Исцелить его, возродить, как однажды он возродил меня.

Такой была моя собственная мечта.

Но она не сбылась.

Тау всей душой ненавидел себя, и я никак не смогла этого исправить. Ему не нужна была моя помощь. Как со временем перестала быть нужной и моя любовь.

Он ушёл. Я стояла в пустой квартире, оглушённая, обессиленная. Как же так? Где же я оступилась? В один миг моё нутро вырвали с корнем. Снова от меня осталась лишь оболочка. Лучше бы я не знала, каково это — быть наполненной. Лучше бы мы никогда не встречались.

И я вернулась к началу. Вернулась на год назад, в гулкий чужой мир, где мне бы не было больно. Сбежала. Или попыталась сбежать. Тау вновь настиг меня, явился призраком, бледной тенью, миражом. И вновь, вспомнив ту боль, я не смогла отпустить его. Только сбежала ещё дальше.

Однажды он сказал: «Жизнь не меняется за одну ночь». Наверное, поэтому посаженные мною семена проросли наутро. Моё сожаление, моя неискупимая вина — я не спасла его. Я сделала недостаточно. Если бы у меня получилось, всё бы закончилось хорошо.

Сердце разбилось.

Продолжать было бессмысленно.

Всё встало на свои места. Я думала, что теперь, вспомнив себя и своё прошлое, узнав секреты, не дававшие мне покоя, я наконец пойму, что должна делать дальше. Но я только больше запуталась. Желание вернуться в родной мир утихло, его затмили тревога и горечь, но они же подталкивали меня скорее покинуть Тьярну. Голова шла кругом.

Однако времени опомниться не было. За мной следили, и мне не переставая мерещился чей-то пристальный взгляд. Изо всех сил я старалась вести себя как ни в чём не бывало и, если выходила на улицу одна, сдерживалась, чтобы не оборачиваться на каждый шорох и не ускорять шаг при малейшем беспокойстве. В ночных кошмарах я бежала по узким улочкам и коридорам, миновала лестницы и бесконечные двери, отчаянно ища укромное место, где бы преследователь не обнаружил меня. И каждый из этих снов обрывался пронзительной телефонной трелью. Порой этот звук слышался мне в звоне посуды и шуме воды, в уличном гуле, среди незнакомых голосов. Я вздрагивала, ёжилась от озноба. Наверное, потому что в мою комнату не звонил никто, кроме Юлиана.

— Говорю же, всё будет в порядке, — повторял Кир. — Пока мы с вами живём, как жили, без резких перемен, пока не чудим на инспекциях и ни коим образом не выдаём, что нам что-то известно, Рыцари нас не тронут. И опять-таки, даже если они заподозрят, что мы в курсе, то просто будут пристальнее наблюдать. Чтобы принять меры, им нужны активные действия с нашей стороны.

Но его слова не успокаивали. Совсем недавно Рей едва не поймал меня в рыцарском офисе, и я понятия не имела, как в итоге Юлиан преподнёс наш разговор. Что он утаил, сколько выдал? Рей явно о чём-то догадался, и

встречи с ним я особенно боялась.

Петер был молчаливее обычного. Он не тревожился и не плакал, его руки почти не дрожали, но движения стали вялыми, а взгляд — тусклым. Иногда я ловила на его усталом, безучастном лице задумчивое выражение, и мысли, в которые он был погружён, казались нерадостными.

Я и сама редко думала о хорошем. Часто вспоминала Франтишку, её чудесное пение, её весёлую суетливость и заразительную бодрость. Бедная, бедная Франтишка. Она ничего не знала. Она с надеждой смотрела в будущее. Были ли счастливыми её последние мгновения? Была ли её смерть безболезненной? Мне хотелось верить, что там, где бы Франтишка ни находилась теперь, она воссоединилась с Лайонелом.

Я думала о Бертроне, который сбежал, чтобы спастись. Думала о принце Адаме, который не сумел уберечь свою невесту. Думала о Лукии, которая желала продолжить дело старшего брата, но в итоге последовала за ним. Упокоится ли с миром её душа, если я не вернусь домой?

И вот, в очередной раз возвратившись к началу, снова запутавшись и потерявшись, я вдруг почувствовала: что-то изменилось. Как будто бы я оказалась в той же точке, но на другом витке спирали. Ощущала разницу между собой прошлой и настоящей, хоть и не могла до конца понять, в чём она заключалась. Это чувство, пусть и смутное, едва уловимое, вызывало у меня улыбку.

Прежде я считала время жестоким. Но теперь позволила ему как угодно распоряжаться мной. Потому что только оно могло привести меня к верному ответу.

Февраль выдался снежным. Морозный воздух просачивался в комнату сквозь оконную раму, и под толстым одеялом, в накопленном за ночь тепле, даже мой беспокойный сон становился крепче. Я с трудом разлепляла глаза и смотрела на ещё тёмное небо в просвете шпор, мечтая до вечера не покидать постели. Запах зимы ощущался как никогда отчётливо. Я бы спала до полудня, если бы Кир не заходил меня будить.

Мы с Петером помогали ему расчистить машину, и он вёз нас в агентство по полупустым дорогам. Не спеша, словно бы заторможено. Негромко играло радио, и в прогретом салоне меня размаривало, тряска укачивала. Хотелось долго-долго ехать вот так. Но машина неизбежно останавливалась, дверь открывалась, впуская внутрь холод. Я ступала на скрипучий снег и заглядывала в окна: Мария уже ждала нас на кухне.

В агентстве всегда было теплее, чем в общежитии. Или же мне это только казалось. Было что-то согревающее в наших вялотекущих разговорах и умиротворённом молчании. Странно, но именно в агентстве, где за нами должны были пристально следить, я чувствовала себя в безопасности. В Тьярне наступило особенное зимнее затишье, и оно околдовало нас, притупило чувства и остудило головы. Заказов не было и не предвиделось. Иногда я задумывалась, не пора ли прекратить бездельничать и заняться чем-нибудь полезным, найти новую работу или хобби. Но изо дня в день я приезжала в агентство, откладывая перемены на потом.

Одним утром, когда Мария в очередной раз отлучилась по делам, про которые она не считала нужным рассказывать, Кир повёл нас в её кабинет. Дверь была не заперта. Без хозяйки кабинет выглядел ничейным, необжитым, она не хранила внутри личных вещей и не украшала его цветами, картинами или статуэтками. Здесь было неуютно. Возможно, Мария умышленно сохраняла кабинет таким.

Кир оглядел книжный шкаф и вытянул с нижней полки увесистый том в толстой тёмно-синей обложке.

— Только без лишнего шума, — он приложил палец к губам. — А лучше воздержитесь от любых комментариев.

Это оказался фотоальбом. Кир раскрыл его на середине, где были две наши совместные фотографии. Я впервые увидела их, эти счастливые, освещённые ещё тёплым осенним солнцем лица. Мы создавали впечатление семьи, пусть и знали друг друга совсем недолго. На глаза навернулись слёзы. Сквозь их пелену я прочла подпись: дату съёмки и три пометки. «Лайонел — 17 октября. Франтишка — 28 декабря. Бертран — 1 января».

Кир листал страницы от конца к началу. Менялись лица, менялись даты и имена, но пометки оставались теми же. Сколько же странников пришло в этот мир и исчезло навсегда? Сколько семей вроде нас обрели друг друга и утратили?

Пять лет назад, десять, двадцать...

— Разве не Мария открыла агентство? — вспомнила я. — Неужели она настолько молодо выглядит?

Вместо ответа Кир перелистнул первую страницу и показал фотографию, с которой всё началось. Снимку было больше тридцати лет. На фоне голых стен стояли двое: высокий молодой человек смеялся, положив ладонь на плечо девушке, которая чуть подалась вперёд и с недовольным видом что-то говорила в объектив. А в центре фотографии, на стуле, сидела Мария. В белой блузке и строгой юбке, с идеально прямой спиной. Точь-в-точь такая же, как сейчас.

— Что это...

— Интересно, да? — перебил меня Кир и подал знак, чтобы мы молчали. — У агентства богатая история. Вот бы расспросить Марию обо всём.

— Как ты вообще узнал про этот альбом?

— Застал Марию с ним. Она так поспешно его от меня спрятала, что я просто не мог не утолить любопытство, — Кир хмыкнул, аккуратно отклеил снимок от страницы и захлопнул альбом. — Ну так что, спросим?

Она вернулась к обеду. Уставшая. Я научилась различать её настроение по тем нюансам интонаций и мимики, которые невозможно было подделать или замаскировать. Едва Мария села за стол, Кир протянул ей фотографию.

— Расскажешь нам историю агентства?

Она вздохнула и потёрла глаза, теперь уже не скрывая усталости.

— Подумать только, мои сотрудники копались в моих же вещах.

— Там и наша общая фотография есть, даже две. Мы, что ли, не имеем права их посмотреть?

— Выходит, это твоя инициатива была, да, Кир?

Строгим тоном Мария пристыдила его. Он прикусил язык и потупился, ссутулился.

— Если так хотелось посмотреть, могли бы сперва спросить, а не сразу нарушать личные границы.

— Но, Мария, — подала голос я, — ты ведь расскажешь? Пожалуйста.

Она направила на меня испытующий взгляд. Перебарывая смущение, я выдержала его и попыталась всем своим видом показать, что мы заслуживали узнать правду. Наконец, Мария шумно выдохнула и произнесла:

— Давайте не сегодня.

Вечером, спустившись в прихожую проводить нас, она передала записку с неизвестным мне адресом. «Суббота, после полудня».

— Далековато, — протянул Кир, изучая карту. Мы сидели в ещё не прогретой машине при бледном свете лампочки, и я поражаюсь, как он мог прочесть хоть что-либо в такой темноте. Тонкие линии схемы и мелкие подписи плыли у меня перед глазами. — Никогда не бывал в том районе.

— Там нечего смотреть, — скусающе сказал Петер.

— Откуда знаешь?

— Да так. Занесло однажды.

Он колебался, будто бы решил, что мы ждём пояснений, но очень не хотел их озвучивать. Кир складывал карту, разгоняя тишину шелестом и хрустом бумаги.

— Ну, вот в субботу и проверим, — бросил он и завёл двигатель.

По адресу, который указала Мария, стоял старый многоквартирный дом. Тот район пестрел старой застройкой: янтарь в Тьярну везли с запада, и городская окраина, где сосредотачивалось производство янтарных ламп, издавна была центром притяжения жизни. Пусть здания уже много лет не реставрировали и никто не расчищал занесённые снегом улицы, в морозном воздухе витал тот самый, ни на что не похожий праздничный дух — люди были беззаботными и расслабленными.

Петер озирался по сторонам. Он словно искал что-то, высматривал среди вывесок и табличек, но не найдя, вздохнул с облегчением. Сквозь арку мы вошли во двор-колодец, такой узкий, что изнутри него дом казался выше, чем был в действительности. Небо прояснилось, косые лучи солнца осветили стены, но не достигли дворового дна, где сгустились холодные тени. При взгляде вверх голова кружилась.

Мы поднялись на четвёртый этаж и какое-то время ждали под дверью. На лестничной клетке было так тихо, что я боялась заговорить, и ребята тоже молчали. Пахло крысами. Штукатурка на потолке растрескалась, в углу большим зеленоватым пятном разрослась плесень. Почему Мария позвала нас сюда?

Клацнул замок, и дверь распахнулась.

— Вы рано.

В первое мгновение я не узнала её. Раскрасневшаяся, Мария утёрла пот со лба и перевела дыхание. Свободная клетчатая рубашка сползала с её покатых плеч, затасканные брюки были подвёрнуты, оголяя щиколотки. Она подвязала волосы платком, убрав под него чёлку.

— Не стойте на пороге. Проходите, раздевайтесь. И обувь оставляйте на коврик — полы ещё мокрые, я выдам вам тапочки.

Меня словно перенесло в прошлое. Высокие потолки, антикварная мебель и устаревшие предметы быта. Пока на плите в чайнике закипала вода, Мария позволила нам осмотреться. Поглядывала за нами с лёгкой досадой, наверное, потому что не успела закончить с уборкой. Пыль осталась на пальцах, когда я провела по клавишам печатной машинки, и закружилась в воздухе, когда я отёрнула штору в кабинете, чтобы впустить солнце.

— Это квартира твоей семьи?

— Нет. Здесь не жил никто, кроме меня.

— Но...

На кухне засвистел чайник.

— Идёмте, хватит уже глазеть. Кофе нет, к сожалению, а чай только в пакетиках, но я купила сладостей. Надеюсь, они придутся вам по вкусу.

Оказаться гостями в её доме было странно. Мария обслуживала нас, а мы, присмирив, лишь безучастно наблюдали: боялись, что, если вмешаемся, она обидится или разозлится, хотя ни то, ни другое не было ей свойственно. Но в тот день Мария вела себя не как обычно. Подав чай со сладким, она развалилась на стуле и потянулась. Её ничего не выражавший взгляд потеплел.

— Не стесняйтесь, ешьте, это всё для вас.

— А ты не будешь?

— Без конфет и печений я не умру, — усмехнулась она.

— Мария, — резко произнёс Кир, — давай сразу к сути. Ты ведь знаешь, чего мы ждём.

Она откинула голову, размышляя о чём-то, и вдруг прыснула, развела руками.

— Да уж, от вас не скроешься. И чем только я заслужила ваше внимание? — Побарабанив пальцами по столу, Мария нахмурилась. — Конечно, я знаю, чего вы ждёте. Но и вы должны понимать, что я не просто так держу это в секрете.

— Опять пытаешься от чего-то нас защитить?

— В том числе. Но в большей степени пытаюсь защитить саму себя.

Она подобралась и сложила руки на столе, опустила глаза не то стыдливо, не то покаянно.

— Наверное, для вас не станет сюрпризом, что я сотрудничаю с Рыцарями. Агентство создавалось как особая среда для тех странников, которых необходимо усиленно контролировать. Мне направляют кандидатов, или они сами меня находят, но я принимаю только тех, кому подобная среда может помочь. Действительно помочь, а следовательно, стабилизировать источник. Захотят они принимать Приглашение или нет, уже не моя забота. Я должна лишь следить за их состоянием и регулярно отчитываться перед Рыцарями.

— Но ты же... — в груди у меня кольнуло, — ты же...

— Если ты с ними сотрудничаешь, — подхватил Кир, — то зачем рассказываешь об этом? За всё время, что мы на тебя работали, ты рассказала столько всего, чего нам знать не положено. Подозреваю, что от Рыцарей ты это утаила.

— Конечно. Иначе бы от меня уже избавились.

Мария сделала глоток чая. Потом ещё один. И ещё. Давала себе паузу, чтобы собраться с мыслями.

— Зачем, спрашиваешь? Не знаю. Думала, что так искуплю свои грехи. Потому что на самом деле...

Она осеклась. Уронила голову. Кашлянула, стукнула ногтями по чашке. Её тело сковало напряжением. Качнувшись, будто в попытке привести в движение заостенелые суставы, Мария медленно выдохнула и сказала:

— На самом деле я тоже странница.

Напряжение отпустило её. А меня бросило в жар, и я почувствовала, как ускоряется моё сердцебиение, как разгоняется кровь. Руки мелко задрожали. Вопросы рождались один за другим, смешивались, сливались в невыносимое недоумение, но язык не слушался, не давал их озвучить.

До меня донёсся дрогнувший голос Кира, произнёсший лишь:

— Но... как?

Мария откинулась на спинку стула. Развязала платок, и чёлка соскользнула ей на лоб, спрятав сведённые к переносице брови.

— Мне предрекали раннюю смерть. Я родилась очень слабой и болезненной и была с малых лет прикована к постели. Четыре стены комнаты и заброшенный угол сада за окном — большего я не знала. Мои состоятельные родители приводили всё новых и новых врачей, и каждый из них повторял, что мне осталось недолго. Однако я продолжала жить, как будто им назло. Не то чтобы я надеялась когда-нибудь выздороветь, но в душе желала этого. Жить по-настоящему, увидеть мир за стенами комнаты. Я спрашивала бога, за что он наказывал меня, зачем испытывал. Просила смиловаться, отчаянно просила. Но слышал меня совсем не тот бог, которому я молилась. Вот так, около двухсот лет назад, я пришла в этот мир.

Мария смолкла, давая нам время осознать сказанное, но продолжила прежде, чем мы успели что-либо спросить.

— Меня исцелила моя же магия. Со дня перехода я ни разу не заболела, а любая рана на моём теле теперь заживает за считанные минуты, не оставляя шрама. Я обрела счастье здесь. И я восхваляла Владыку, как никто другой. Пока не получила Приглашение и не узнала правду. Рыцари не смогли убить меня. Потому что предложили мне выбор: стать объектом изучения или сотрудничать. Свободу я теряла в любом случае. Остальное, думаю, пояснять не нужно. Я обязалась служить Рыцарям до тех пор, пока моя жизнь не прервётся, а прервётся она после того, как иссякнет мой источник. Скоро это случится или нет, мне не ведомо.

— Двести лет, — ошеломлённо прошептал Петер и вдруг встрепенулся: — Не могут же тебя ждать ещё две сотни?

— Вполне могут, — Мария пожала плечами. — Наши источники очень богаты.

Петер растерялся и беспокойно заёрзал на стуле, едва держа себя в руках. Кир угрюмо смотрел в пол. Я перестала что-либо ощущать. Внутри всё смешалось в такую кашу, что ни мыслей, ни чувств было не разобрать.

— Можете идти, если хотите, — заговорила Мария. — Вам сейчас, должно быть, противно моё общество. Понимаю. Я полностью заслуживаю вашу ненависть.

— Неправда, — перебил Кир. — Никакой ненависти ты не заслуживаешь. У тебя ведь не было выбора. И ты никому не причинила вреда.

— Этого ты не знаешь.

— Мне достаточно того, что я знаю. Ты заботилась о нас и помогала, несмотря на риски. Разве можем мы после этого тебя ненавидеть?

Мария приоткрыла рот, но слова застряли у неё в горле. В выражении лица слились радость и огорчение. И мне стало ясно, что терзало её, вероятно, многие-многие годы. Почему она так упорно отвергала нас и почему таяла от нашей теплоты. Почему во всех бедах винила себя. Я хотела утешить её, но опасалась, что она не примет моего утешения, отмахнётся как от чего-то ненужного. И вместе тем, пусть я и понимала причины, мне было обидно, что она не доверилась нам раньше. В этой обиде эхом звучали воспоминания о Тау.

Я набрала в лёгкие побольше воздуха.

— Мария, — вырвалось из моих уст неприлично громко, — мне ещё нужно время, чтобы переварить твою историю, но будь уверена, я ни в коем случае не стану относиться к тебе хуже. Кир правильно сказал, ты не сделала ничего плохого. И если... если тебе несложно, может, расскажешь нам немного о себе или о своём прошлом? Или хотя бы о прошлом агентства.

— О чём угодно, — поддержал Кир. — Мы с радостью послушаем.

Петер молча закивал головой.

Её взгляд метался с одно лица на другое, пока не остановился где-то посередине, над столом. Ресницы затрепетали, и веки тяжело опустились, а когда глаза вновь распахнулись, в них уже не было ни замешательства, ни печали. Смотри словно бы внутрь себя, Мария улыбнулась.

Она рассказывала, каких странников повстречала за свою жизнь, какой была Тьярна двести лет назад и как появилось агентство. Кем были её первые сотрудники, какими силами они обладали. Умиrotворённая, почти счастливая, Мария напоминала добрую сказочницу, и я слушала с упоением, ловя каждое слово. Лишь бы сохранить эти истории в памяти.

Сколько же мы просидели в её светлой, ещё пахнувшей чистотой кухне? Моё забытьё развеяла внезапная тишина: Мария оборвала рассказ и встала заварить свежего чая. За окном валил снег. Крупные хлопья падали по ту сторону стекла, но, казалось, сквозь крышу и потолок проникали в кухню и оседали мне на плечи, сдавливали грудь.

— Что с нами будет теперь? — спросила я.

Мария сняла свистящий чайник с плиты.

— Не волнуйся, я не позволю Рыцарям поймать вас. Есть как минимум два способа сбежать.

— И много кому ты... — начал Кир, но она перебила.

— Нескольким людям я помогла ещё до появления агентства, но из моих сотрудников ты фактически первый, кому я рассказала.

— Фактически? И кто был до меня, Бертран?

— Нет, он узнал от кого-то другого. — Мария наполнила чашки и, сев, облокотилась о столешницу. — Лайонел, — печально вымолвила она. — Лайонел, можно сказать, выпытал у меня правду. Я до последнего сопротивлялась, но он почти обо всём догадался сам.

— Почему же, — встревоженно спросил Петер, — почему же тогда он принял Приглашение?

Мария покачала головой.

— По сей день я мучаюсь этим же вопросом.

Петер крутил в дрожащих пальцах чайную ложку, и она, то и дело выскальзывая, звонко стучала о стол.

— Это ведь не потому, что другого выхода не было? В смысле, иначе, как вернуться в наш мир, от Рыцарей не спрятаться?

— Я уже говорила, альтернатива есть. Бертран сбежал с моей помощью, и мы запутали след так, чтобы Рыцари никогда на него не вышли. Однако такой способ не гарантирует стопроцентной безопасности, в отличие от возвращения в наш мир.

— Но ты не вернулась, — заметила я, — до сих пор.

Мария посмотрела на меня с горькой иронией.

— И как ты это представляешь? С моего перехода прошло двести лет, куда мне возвращаться? — Насмешка исчезла с её лица. — Когда я узнала о такой возможности, то не согласилась расстаться со здоровым телом. А

когда передумала, было уже поздно. Я умру здесь, иного пути нет. Но если вы пожелаете вернуться, я расскажу как.

Мы затихли. Никто не решался заговорить первым, словно боясь повлиять на ответы остальных. Стало душно.

— Я хочу, — неуверенно начал Кир, — но пока не могу. У меня договорённость с Рыцарями. И я не брошу Петера здесь одного.

— Это страшно, — сказал тот, снова закрутив ложку в руке. — Мне было страшно даже приезжать в этот район, просто потому что однажды Лайонел с Фани привезли меня сюда... к врачу. А в нашем мире... Не хочу даже представлять, что может ждать там. Не знаю. Пока я ничего не знаю.

Взгляды обратились на меня. Под их немым давлением мои сомнения лишь крепли, путали мысли и приводили чувства в смятение. Обстоятельства. Так много обстоятельств мешали мне сделать выбор.

— Что насчёт тебя, Марта?

Снег лепил в окно. Казалось, скоро он засыпет дом до самой крыши. Я вообразила, как он проламывает стекло и заполняет собой кухню, наматывает сугробы под потолок, укутывает меня и усыпляет. Вот бы проснуться и узнать, что выбирать уже ничего не нужно. Что всё разрешилось само. Но снег беспомощно прилипал к стеклу и медленно таял. Я вдохнула, собрала остатки воли и ответила:

— Мне надо подумать.

В потолочное окошко лился утренний свет. Прикрыв глаза ладонью, я смотрела вверх, на ясное небо. Воздух в комнате выстудило, и мне едва ли было тепло под ещё мягким весенним солнцем. С улицы доносился приглушённый стенами гул. Казалось, все мои чувства ослабли, и даже свет, от которого я берегла глаза, слепил как будто не по-настоящему. Но настоящими были воспоминания. Яркими картинками они вспыхивали перед внутренним взором и сменяли друг друга, точно в калейдоскопе — разные, но собранные из одних и тех же осколков.

Я вытянула руку. На полу пролегла широкая тень. Этой рукой я рисовала, этой рукой творила чудеса. Оставила ли я неизгладимый след на чужой земле? Если так, значит часть меня всегда будет жить здесь. Вместе с памятью о тех, кто однажды пришёл или ещё только придёт в этот мир.

— Марта?

Я обернулась, но за спиной никого не было. Померещилось? Сердце наполнилось тягучей тоской.

Как и всякому страннику, мне настало время уйти.

В последний раз окинув взглядом спальню, я зашагала вниз по скрипучей лестнице.

Они посетили меня в начале апреля. Молодая листва ещё не раскрылась, и сквозь кроны деревьев, что заслоняли окно, я наблюдала за проезжающими мимо автомобилями. Когда их тёмно-синяя машина въехала во двор, я отступила в глубь комнаты и, медленно дыша, успокоила сердцебиение. Через пару минут в дверь позвонили.

— Ах, госпожа Овертон! Давно мы с вами не виделись.

Рей был веселее обычного. Лёгкий румянец придавал его лицу несерьёзное, почти доброе выражение, и я расслабилась, чего делать в присутствии рыцарей не стоило. Он вошёл, не дожидаясь приглашения, и с любопытством осмотрелся. Следом порог переступила Рут. Она мельком глянула на меня, но ничего не сказала.

— Милая квартирка. И дорого берут за съём?

— Дорого. Но для странников это не проблема.

— Ваша правда. Эх, хотел бы я в такой пожить, но боюсь, не потяну. Может, и мне в странники податься, как думаете?

Он дружелюбно улыбался, и я невозмутимо ответила:

— Если это возможно, то почему бы и нет. Уверена, вы не пожалеете.

Уголок его рта дёрнулся, но улыбка не исчезла.

— Не пожалею, говорите? — Рей вяло провёл рукой по волосам. — Впрочем, ни к чему об этом рассуждать. Мы сюда работать приехали, а не болтать, в конце-то концов, так что приступим.

День выдался ясным. Затяжные дожди отмыли город, краски его стали ярче, а очертания — чётче, и наступившую после долгого перестука капель тишину наполнили звуки, какие бывают слышны только по весне. Звуки расцветающей жизни. Я с трудом отвлеклась от них, когда Рей начал задавать уже привычные мне вопросы.

Мы расположились на кухне, потому что в утренние часы там было светло. Круглые топазовые очки смотрелись на Рее комично, но он изучал мой источник с удивительной сосредоточенностью и записывал в протокол каждую деталь нашей беседы. Рут стояла рядом с ним молчаливо и неподвижно, словно статуя. Глаза её казались стеклянными.

— Итак, госпожа Овертон, должен отметить, я не ожидал у вас такого прогресса. Сколько вы здесь, всего восемь месяцев, девять? Поразительно, ваш источник практически стабилен. Мы назначим повторную инспекцию, скажем, через неделю, и, если положительная динамика сохранится, вы получите Приглашение уже к концу месяца. — Рей перевёл взгляд на моё запястье, заметив браслет с морионом, и прищурился. — Теперь поговорим про ваш переезд, если не возражаете. Это было спонтанное решение, или вы давно готовились? Рут, — он щёлкнул пальцами, — не прохлаждайся и осмотри пока квартиру.

Она кивнула и вышла из кухни.

— Осмотр обязателен? — спросила я.

— Это стандартная процедура. — Рей откинулся на спинку стула и, забросив ногу на ногу, поудобнее перехватил планшет с протоколом. — Чистая формальность, не обращайте внимания. Так почему вы переехали?

В приоткрытую форточку задувал свежий ветерок, пахнувший ночным дождём. Я вдохнула поглубже, размышляя, что же напоминал мне этот запах.

— Захотела сменить обстановку. В общежитии стало как-то тесно и... уныло.

— Вы всё ещё посещаете агентство?

— Нет. Я поняла, что оно меня тормозило. Давно надо было уйти.

— Вы видите с бывшими коллегами?

— Они иногда заходят в гости.

Запах дождя растворился без следа в чистом воздухе. Мной овладело ностальгическое чувство безмятежности, покоя, в котором слышались отголоски счастливых детских дней. Будто что-то звало меня.

— Квартира в полном порядке, — вернувшись в кухню, отчиталась Рут. Рей пристально глядел на неё, как будто проверял, врёт она или нет. На лице Рут не дрогнул ни один мускул.

— В таком случае у меня больше нет к вам вопросов, госпожа Овертон. Закончим на сегодня.

Я проводила их на лестничную клетку и из приличия вместе с ними дождалась лифта. Но когда его дверцы наконец открылись, Рей вдруг обернулся и сказал:

— Кстати, совсем забыл вам сообщить. Юлиан понёс серьёзное наказание за нарушение устава, и его сослали очень, очень далеко от Тьярны. Поэтому не бойтесь, вы больше никогда с ним не встретитесь.

Странно, но эта новость не принесла мне облегчения. Рей махнул на прощание и шагнул в лифт, но я, внезапно для самой себя, схватила его за рукав.

— А можно... можно мне зайти к нему домой? У меня остался ключ.

Он замер, недоумённо смотря через плечо.

— Можно, но с какой целью?

— Там... там часть моих вещей...

С едва заметным неудовольствием Рей высвободил рукав и отпрянул.

— Конечно, госпожа Овертон, — холодно говорил он, пока дверцы лифта медленно закрывались. — Теперь та квартира никому не принадлежит. Делайте что хотите.

Когда я спустилась, Кир уже стоял у лестницы, и в его взгляде читалось беспокойство. Петер ёрзал на диване, ему было не то неуютно, не то неудобно. Вид он имел удручённый.

— Спасибо, ребят, что сходили со мной, — улыбнулась я, надеясь разрядить обстановку. — Одной мне было бы не по себе.

— Ерунда, — смутился Кир. — Ты уже закончила?

— Думаю, да.

С того злосчастного дня квартира оставалась прежней. Почему-то я ждала, что каждый мой след, каждое напоминание обо мне будут уничтожены, затёрты, смыты вместе с пылью. Но никто не спал в мансарде после меня, и цветочные горшки всё также теснились у окна в гостиной. Прошлое было словно законсервировано здесь. И всё равно я не питала к квартире неприязни или страха, напротив, мне нравились её целостность, нетронутость, этакое ещё не утратившее жизни оцепенение, её камерность и гармоничная ветхость, сохранявшие былое тепло. Они существовали вне контекста, вне чьей-либо истории, что могла бы их очернить.

— Не хочется уходить, — вздохнула я.

— Спешить некуда, — сказал Кир. — Можем побыть здесь подольше.

Я переступила с ноги на ногу, вслушиваясь в скрип паркета. Провела пальцами по шероховатым корешкам стоявших на полке книг.

— Нет, не стоит. Иначе я никогда отсюда не уйду.

Кир понимающе кивнул.

Мы покинули квартиру и дошли до ближайшего парка, где я с чистой совестью выбросила ключ в реку. Вспомнилось, что Юлиан однажды приводил меня сюда, поздним летним вечером. Казавшийся волшебным тогда, при дневном свете парк не представлял из себя ничего особенного — его заурядность разочаровывала. Мы не стали там задерживаться.

Мария встретила нас у крыльца агентства. Наверное, увидела в окно, как мы шли от трамвайной остановки. Бросив лишь пару приветственных слов, она повела нас к машине.

Тьярна преобразалась. Люди, даже долгой бессолнечной зимой не терявшие радостного настроения, теперь, с наступлением весны, воспрянули духом, и город снова стал праздничным. На клумбах и в вазонах высадили цветы, в фонтаны подали воду. Я смотрела на поблескивающие медные шпили, острыми вершинами стремящиеся в небо, и думала, как разгорится к лету их сияние, как наберёт силу звенящий уличный шум и жизнь будет бурно кипеть до первых холодов. Только я этого уже не застану.

В салоне повисло молчание. Солнце не разгоняло печаль, лишь скрашивало её, делало лёгкой, почти невесомой. Было не ко времени спокойно.

— Рыцари точно за нами не следят? — спросил вдруг Петер.

— Точно, — ответила Мария. — Марта достаточно убедительно сыграла на инспекции. Да и план с переездом, похоже, сработал.

— Слава богу.

Мы выехали за черту города и свернули с шоссе. Поодаль вдоль дороги протекала река, полноводная, тёмная — солнце рассыпалось по поверхности воды бледными, едва видимыми бликами. В её медленном течении было что-то одновременно пугающее и завораживающее.

Вскоре в стороне замаячил знакомый силуэт смотровой вышки. Поравнявшись с ней, Мария остановила машину на обочине.

Сквозь густой покров жёлтой прошлогодней травы, вымоченной снегом и дождём, уже пробивалась молодая зелень. Сапоги хлюпали по сырой земле. Но я с наслаждением вслушивалась в это хлюпанье, в хлёсткие удары стеблей по ногам, вглядывалась в бесконечную высоту голубого неба, безусловно прекрасного. Ветер приносил упоительно сладкий запах реки. С каждым шагом, с каждым следующим вдохом я наполнялась силами и воодушевлением, наполнялась любовью, и та огромная пустота внутри, которую прежде я проклинала и ненавидела, теперь казалась величайшим благом — ведь она могла вместить так много.

И боли тоже нашлось в ней место. Я стояла перед вышкой, боясь обернуться. Слова и фразы, мысленно отрепетированные бессчётное число раз, заученные до автоматизма, были не те, неправильные, их невозможно было произнести, невозможно было даже повторить про себя. Наверное, они чувствовали то же самое.

— Ну, — я наконец повернулась к ним, — вот и всё. Здесь мы расстаёмся.

К горлу подступил ком. Порыв ветра пронёсся между нами, словно проведя черту.

— Тебе уже пора? — неуверенно спросил Кир. — Может, удержишься хоть на пару минут? Мария, у нас ведь ещё есть время?

— Есть, есть, — вздохнула она. — Но не увлекайтесь. Вам дай волю — и уговорите бедную Марту остаться до завтра, а потом до послезавтра, до мая, до лета. — Мария устало махнула рукой. — У вас пять минут.

Кир подошёл ближе, отвёл взгляд, перевёл на меня и снова отвёл, неловко молча, переминаясь с ноги на ногу. Петер не сдвинулся с места.

— Чёрт. Выторговал время, и даже не знаю, что сказать. Из всего того, что хочется.

— Угу, — кивнула я. — Всего сказать не получится.

Кир улыбнулся, не печально, но с таким пронзительным сожалением, что у меня заныло в груди.

— Вроде только вчера познакомились, и вот ты уже уходишь. Раньше нас. По правде, мне даже обидно, совсем немного, но всё же. Надо лучше стараться, да? — Он покосился на Петера, стоявшего в стороне. — Мы обязательно догоним тебя. Обещаю.

— Значит, ещё увидимся?

— Да. Да, непременно. — Мы обнялись, и Кир негромко добавил: — Удачи, Марта. Пусть всё сложится хорошо.

Петер поглядывал на нас, не решаясь подойти. Тогда я подозвала его, развела руки, и он крепко-крепко стиснул меня в объятиях. Чувства, заключённые в этом долгом прикосновении, словами было не передать. Так мы и замерли, слушая друг друга. Не хотелось отпускать его. Не хотелось отпускать никого из них.

— Как же мы будем без тебя? — всхлипнул Петер и отстранился.

— Как и раньше, — я успокаивающе погладила его по плечу. — Вы справитесь, это ведь не конец света, ничего плохого не случилось. Я в вас верю. И надеюсь, что мы прощаемся не навсегда.

Он уронил было голову, но тут же выпрямился, будто что-то вспомнил. Его губы тронула улыбка; лёгкая и светлая, она до неузнаваемости преобразила его лицо. В то мгновение я поняла, что могу уйти со спокойной душой.

— Наговорились?

Мария хмурилась, но лишь для строгости. А может, чтобы скрыть волнение: её движения были чуть более напряжёнными, чем обычно. Она встала передо мной, внимательно посмотрела в глаза и, убедившись в чём-то, тихонько выдохнула.

— Я хотела подарить тебе кое-что. — Мария вынула из сумочки конверт — в нём были наши совместные фотографии. — Не знала, какая тебе больше понравится. Выбери любую. Или возьми обе.

Флюоритовая бумага холодила кончики пальцев. Я подумала, что же произойдёт с наполнявшей кристаллы магией в нашем мире. Сохранится ли она? Испарится ли? Эти фотографии не ощущались такими же реальными, как подаренная Лайонелом золотая заколка или перо Бертрана. Теперь для меня они были хрупки, почти эфемерны.

— Оставь, — я протянула снимки обратно. — Ты ведь делала их для себя, на память.

— Мне не нужны обе.

— Но они не одинаковые. На одной есть Лайонел. А на другой — ты вместе со всеми нами. Пожалуйста, оставь их.

Мария безвольно повесила руки, упрямо отказываясь забирать фотографии. Но я тоже была упрямой.

— Я и без них буду помнить о тебе. Пусть не всю жизнь — память, наверное, однажды подведёт меня, но до

тех пор... обещаю не забывать. И ты не забывай, ладно?

Она застыла, не мигая смотря не то на меня, не то сквозь. А потом вдруг дрогнула, поджала губы, скривилась, как от боли. Качнула головой — и эмоции схлынули с её лица.

— Ладно.

Мария с неохотой взяла фотографии. И я не в силах сдержаться бросилась ей на шею, вцепилась в пальто. Она осторожно обняла меня в ответ. К горлу подступил плач. Мне почудилось, что если я разомкну руки, если она высвободится из моей хватки, то ничего не станет, весь этот мир исчезнет, растает, как сон или мираж. Мне отчаянно хотелось верить, что он в самом деле не был никаким миражом.

— Ну-ну, хватит, — Мария похлопала меня по спине. — Долгие проводы — лишние слёзы. Пора прощаться.

Мы разошлись: я шагнула к вышке, они — от неё. Теперь вновь возникшее между нами расстояние ни за что нельзя было сокращать. Я занесла ногу над ступенькой.

— Мне просто нужно пожелать?

— Да, — сказала Мария. — От всей души.

Подъём был волнительным, как в первый раз. Ладонь скользила по перилам, её то и дело укалывали щепки и обломки высохшей краски. Ступеньки чуть прогибались под моим весом. Первый пролёт, затем второй. На третьем я замедлилась. Сердце громко стучало: от страха ли или только потому, что подъём был тяжёлым?

Вид, что открывался с вышки, несмотря на ещё не сошедшую серость ранней весны, напоминал мне пасмурный день в середине лета, когда я впервые спряталась под этой крышей от дождя. Даже запах сырой земли был тем же. Это приободрило меня.

Я коснулась висевшего на шее бинокля, сжала его, точно спасательный круг. Зажмурилась и представила луг и мелкую речушку, что протекала через парк. Представила шелест листвы и прохладу веющего с воды ветра. И я возвала, как когда-то взывала к увещевавшему меня голосу, и пожелала вернуться туда. Домой.

Где-то надо мной громко захлопали крылья. Я выглянула из-под крыши: стая ласточек кружила высоко в небе над вышкой.

— В добрый путь! — крикнула Мария.

В облаке мечущихся сизых птиц что-то блеснуло — крошечное золотое пятно.

— Марта! — окликнул вдруг Кир. — Ты ведь вспомнила своё настоящее имя?

Этот вопрос ошеломил меня. Но лишь на краткий миг. Внутри разлилась теплота: и правда, почему же я не задумывалась об этом раньше?

— Да.

— И как тебя зовут?

Передо мной промелькнул образ Тау, его сияющие восхищением глаза, его широкая улыбка. Этот ослепительный свет. Прежде мне хотелось забыться в нём, раствориться без остатка. Теперь он озарял меня, выхватывая из пёстрого полотна жизни, заставляя острее чувствовать самой собой. Благодарно улыбаясь ему, я ответила:

— Надежда.

Стая ласточек ринулась вниз. Я протянула руки, и мерцавшая золотыми крыльями птица опустилась мне в ладони. Тело лишилось веса. Земля ушла из-под ног.

В яркой вспышке мир исчез.

Мокрая трава. Шелест ветра в далёких кронах.

Отчаянный бег из последних сил по размытым дорожкам парка. К многоэтажкам, что высились за деревьями.

Тяжёлая дверь подъезда. Вверх по лестнице. Сбившееся дыхание и боль под рёбрами — скорее, только бы добежать.

Ключ в трясущихся пальцах. Клацанье замка.

Когда я увидела лица родителей, то испугалась, что сердце моё остановится. Оглушённые, они не могли пошевелиться, не могли произнести ни звука. И когда облегчение и радость наконец привели их в движение, заливаясь слезами, я упала в их объятия и прошептала:

— Я дома.

В наш город больше не вернётся лето.
Я не услышу аромат цветов,
Когда проснусь в туманной мгле рассвета,
Дрожа в объятьях первых холодов.
И поутру, дрейфуя в сизом дыме,
В тоскливое впадая забытьё,
Я буду звать, беззвучно вторя имя
Твоё.

В наш город больше не вернётся море.
Я не увижу на сухом песке
Твои следы, и в заунывном хоре
Усталых волн, что плещут вдалеке,
Не различу твой голос. Твои песни
К ногам моим не вынесет прибой,
Ведь моря нет — оно исчезнет вместе
С тобой.

И если больше не разгонит солнце
Моей тоски задумчивую тишь,
И если лето больше не вернётся,
Я буду думать, что ты крепко спишь.
И в сердце мне проникнет зимний холод,
И разлюблю я море и цветы,
Когда пойму, что не вернёшься в город
И ты.

Но много дней спустя уймутся слёзы,
Которым прежде не было конца,
И утром ты растаешь, точно грёза —
Не вспомню больше твоего лица.
В то утро ты растаешь, а покуда
Я буду плакать, глубоко скорбя.
Но день придёт — однажды я забуду
Тебя.

И, может быть, тогда в лучах рассвета
Я пробужусь от беспокойных снов,
Вдыхая сладковатый запах лета
И еле слышный аромат цветов.
Тогда, быть может, к берегу вернётся
Морской воды сырая пелена
И стоп моих вновь ласково коснётся
Волна.

Больше книг на сайте - Knigoed.net